PROFILING

ДЖОН ДУГЛАС
автор бестселлера «УБИЙЦА СИДИТ НАПРОТИВ»
ЭНН БЕРДЖЕСС, РОБЕРТ РЕСЛЕР
ПРОТОТИПЫ ГЕРОЕВ СЕРИАЛА **MINDHUNTER**

СЕКСУАЛЬНЫЕ МАНЬЯКИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ **ПОРТРЕТЫ И МОТИВЫ**

БОМБОРА™
Москва 2021

УДК 343.95
ББК 67.51
Д80

John E. Douglas
Ann W. Burgess
Robert K. Ressler

SEXUAL HOMICIDE:
Patterns and Motives

Научные редакторы
Гюрджян О. М., кандидат юридических наук, доцент
Мусаелян М. В., магистр социологии

Дуглас, Джон.

Д80 Сексуальные маньяки : психологические портреты и мотивы / Джон Дуглас, Энн Берджес, Роберт К. Ресслер ; [перевод с английского С. Богданова]. — Москва : Эксмо, 2021. — 368 с. : ил.

ISBN 978-5-04-116455-3

Впервые опубликованная еще в конце 80-х годов прошлого века, эта книга предугадывает бурное развитие методов профайлинга. Специально обученные агенты ФБР обследовали 36 осужденных сексуальных маньяков с целью создания профайлов, раскрывающих мир серийного убийцы. Информация была получена из официальных психиатрических и криминальных отчетов, протоколов судебных заседаний, а также из обширных бесед с самими преступниками.

УДК 343.95
ББК 67.51

ISBN 978-5-04-116455-3

Содержание

Список иллюстраций и таблиц

СХЕМЫ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ТАБЛИЦЫ

Введение

Это книга о людях, совершивших убийства на сексуальной почве, многие из которых неоднократно повторяли свои преступные деяния. В ней мы исследуем два аспекта сексуальных убийц: (1) характерные особенности данной группы преступников и их подгрупп; а также (2) отзывы, полученные от непосредственно взаимодействующих с ними лиц: представителей органов следствия, судмедэкспертизы, клинической психиатрии и системы правосудия, а также уцелевших жертв и их родственников.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

В начале 1970-х годов сотрудники отдела поведенческого анализа ФБР начали составлять неформальные психологические портреты преступников на основе информации, обнаруженной на месте преступления, дедуктивным способом получая представление о некоторых особенностях их внешнего и внутреннего облика. Поскольку это оказалось очень полезным для раскрытия преступлений, органы местной власти все чаще и чаще стали запрашивать такой вид содействия, и в конечном итоге помощь службы криминального профилирования ФБР стала доступна всем органам правопорядка.

На основе накопленного опыта агенты, занимающиеся криминальным профилированием, вывели два основных

типа убийц-маньяков: *организованный* и *дезорганизованный*. Как правило, к первому типу относятся личности, тщательно и осознанно планирующие свои убийства, демонстрирующие контроль над жертвой на месте преступления. Ко второму типу относятся маньяки, в меньшей степени продумывающие детали своих убийств, места их преступлений свидетельствуют о беспорядочности действий преступника. В некоторых случаях можно говорить о *смешанном* типе убийцы, сочетающем в себе элементы первых двух.

Разграничение на организованный и дезорганизованный типы (также применимое и к другим видам преступлений) является эффективным по ряду причин. Оно дает возможность визуализировать различия между двумя этими типами и определить подтекст преступления. Кроме того, данное разделение дает возможность не использовать психологическую терминологию, которая только путает детективов.

Поскольку этот метод основан в большей степени на опыте и интуиции, в истории его применения, наряду с успехами, были и неудачи. Как бы то ни было, но проведенный в 1981 году опрос региональных управлений ФБР показал, что в 77% случаев составление психологического портрета личности предполагаемого преступника позволяло следствию сузить круг подозреваемых, а затем и установить виновное лицо.

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ, ПРОВЕДЕННОЕ ФБР

С развитием практики криминального профилирования занимавшиеся этой темой сотрудники ФБР предложили провести научное исследование на основе криминологической информации. Такое исследование с использованием

материалов расследований, непосредственных наблюдений и допросов, а также изучения отбывающих тюремные сроки преступников смогло бы закрыть пробелы в результатах научных работ прошлых лет, не ориентированных на применение в деятельности правоохранительных органов. Кроме того, это стало бы первой научной работой по изучению преступления в целом, уделяя особое внимание месту преступления. После завершения начального этапа исследований работа была формально утверждена в 1982 году и получила грант от Национального института юстиции.

В исследовании применялись и количественный, и качественный подходы к сбору и анализу информации. Предметом качественного исследования являлось описание личностных особенностей исследуемой популяции убийц, манеры совершения преступлений и места преступлений. Полученные данные должны были существенно помочь описанию и составлению типичных черт сексуального убийцы.

Определение количества подобных преступлений оказалось несколько более сложным делом. Поскольку разграничение организованных и дезорганизованных преступлений было единственным внутренним классификатором правоохранительной системы, призванным помогать в поимке сексуальных убийц, существенно важным являлось определение потенциала расширенного применения составления психологического портрета в криминалистических целях. Таким образом, в количественном плане налицо были две задачи исследования. Во-первых, с использованием статистических методов предстояло установить наличие убедительных различий в обстановке и деталях преступлений, совершенных орга-

низованными и дезорганизованными сексуальными убийцами. Во-вторых, необходимо было достоверно выявить факторы (специфические особенности), которые могли бы быть полезны в составлении психологических портретов лиц, совершающих убийства на сексуальной почве.

Исследуемая выборка

Для того чтобы достичь заданных целей, исследованию были подвержены тридцать шесть заключенных, отбывавших наказание за убийства на сексуальной почве. Насколько нам известно, это самая большая выборка сексуальных убийц, использованная для решения научной задачи. Все преступники были мужского пола, в большинстве своем белой расы. До обследования эти мужчины уже исчерпали возможность ходатайствовать об условно-досрочном освобождении, вместе с тем они добровольно согласились принять участие в проекте. Материалы всех дел были доступны для ознакомления. Семеро из числа этих мужчин были осуждены за одно убийство, остальные — за убийство нескольких человек. На момент сбора данных эти тридцать шесть человек представляли собой группу сексуально мотивированных убийц, доступную для изучения в научных целях. Считать их случайной выборкой нельзя, но мы убеждены, что данные исследования этих преступников из разных географических регионов США можно использовать для выводов об общих личностных чертах, характеризующих сексуальных убийц. Хотя о некоторых из изученных убийц уже неоднократно писалось, наше исследование является первым опытом

Убийцы-маньяки делятся на организованных (планирующих свои убийства) и дезорганизованных (действующих импульсивно).

их коллективного изучения в качестве единой подгруппы населения с целью последующего раскрытия и предотвращения преступлений.

Нами были собраны данные о 118 жертвах вышеупомянутых убийц,большинство из которых составляли женщины. Девять из них остались в живых и считались жертвами покушения на убийство. Нами были собраны сведения по каждой жертве для каждого из преступлений, за которые были осуждены обследуемые, при этом некоторые из преступников подозревались в совершении других, недоказанных убийств.

Сбор данных

Сбор данных осуществлялся в период 1979–1983 гг. как сотрудниками отдела бихевиористики[1], так и обученными ими спецагентами ФБР. Набор данных по каждому из убийц состоял из максимального объема информации, полученной из двух видов источников: официальных документов (криминальных и психиатрических досье, материалов следствия, стенограмм судебных заседаний, записей бесед с персоналом исправительных учреждений и/или тюремных досье) и интервью с преступниками. Таким образом, собранная информация в основном отражает события в соответствии с воспоминаниями убийц. Требуемая информация касалась самого преступника и его биографии, обстоятельств и подробностей преступления, жертвы и места совершения преступления. По ряду факторов информацию получить не удалось из-за неполноты базы данных, противоречивости ответов или нежелания

---

[1] Бихевиористика — научное направление, сочетающее в себе психологию, социологию, криминологию, а также элементы психиатрии. *(Прим. науч. ред.)*

преступника отвечать на некоторые вопросы. Большинство преступников согласились быть опрошенными. Все интервью проводились в тюрьмах в сотрудничестве с представителями администрации различных исправительных учреждений.

Преступники соглашались на интервью по разным причинам. Некоторые из сознавшихся в своих преступлениях убийц верили, что эти беседы дают им возможность высказаться яснее и уточнить сложившееся о них представление. Преступники, не сознавшиеся в убийствах, шли на сотрудничество, чтобы еще раз подчеркнуть, что они не могли их совершить. А некоторые убийцы соглашались быть опрошенными, чтобы просветить полицейских относительно подробностей и мотивов своих преступлений. Отказавшиеся от интервью приводили самые разные причины: от рекомендации адвоката до собственного психологического состояния.

Тип помещения, использовавшийся сотрудниками для интервьюирования, зависел от статуса конкретного преступника. Так, один преступник был главным сантехником тюрьмы и располагал собственным служебным помещением, другие преподавали заключенным и имели в своем распоряжении учительскую при классной комнате. Но не все помещения были настолько же комфортабельными. Для опросов содержавшихся в камерах смертников сотрудникам приходилось проходить через тюремные корпуса. Обычно это сопровождалось требованиями, угрозами и претензиями в их адрес со стороны заключенных. Интервьюирование преступников, приговоренных к нескольким пожизненным срокам и содержавшихся в тюрьмах особо строгого режима, не обходилось без напряженных ситуаций. В большинстве случаев убий-

цам не разрешалось покидать секторы строгой изоляции для прохождения интервью в камере для допросов, которую обычно используют для свиданий с родственниками и встреч с адвокатами или врачами-психиатрами. Поэтому некоторые интервью проводились непосредственно в камерах смертников. По общему правилу безопасности даже спецагентам ФБР не разрешается ношение личного оружия на территории тюрьмы[1]. На ранних этапах программы сотрудников могло не хватать, и в этих случаях интервью с заключенным проводил один агент. Бывало и так, что первое интервью проводили двое агентов, а все последующие — только один из них. Однако после одного инцидента практику бесед с преступниками один на один пришлось изменить.

Один опытный сотрудник ФБР заканчивал последнее, свое третье по счету четырехчасовое интервью с особо жестоким серийным убийцей, на счету которого было не менее десятка жертв. Следуя инструкции надзирателя, агент нажал кнопку звонка, чтобы известить его об окончании интервью и вызвать в камеру. Он сделал это трижды на протяжении четверти часа, но безуспешно: было понятно, что надзиратель никак не реагирует на вызов. Преступник ростом под два метра и весом с полторы сотни килограммов посоветовал агенту «расслабиться», поскольку это было время пересменки, а кроме того, надзиратели могли быть заняты на раздаче пайков заключенным в соседних режимных секторах. С нотками устрашения в голосе и соответствующим выражением

---

[1] Запрет на ношение личного оружия на территории тюрьмы обусловлен мерами безопасности для предотвращения попыток заключенных завладеть личным оружием сотрудника. Данное правило существует в США, России и большинстве стран мира. *(Прим. науч. ред.)*

лица он уточнил, что надзиратели отреагируют на вызов не раньше чем минут через пятнадцать-двадцать.

Заметив смущение агента, преступник задумчиво проговорил: «А вот найдет на меня [бешенство], так тебе же крупно не повезет, да? Могу ведь тебе башку открутить и положить ее на стол, чтобы надзирателя порадовать». (Частью почерка этого преступника было расчленение и обезглавливание жертв.)

Агент сказал, что таким образом преступник только усугубит свое нынешнее положение: заключенный отбывал срок за семь предумышленных убийств с особой жестокостью. На это преступник заметил, что статус убийцы агента ФБР с лихвой окупит любые наказания. «Да ты что, и вправду думаешь, что мы заходим в такие места без всяких средств самозащиты?» — ответил агент. Явно не поверив ему, заключенный сказал: «Я ведь не хуже твоего знаю, что оружие здесь под запретом!» Тогда агент, обученный тактике переговоров с захватчиками заложников, стал тянуть время, переведя разговор на способы самообороны без оружия и боевые искусства. Это сработало, и они проговорили об этом до появления надзирателя. На выходе из камеры допросов преступник потрепал агента рукой по плечу со словами: «Ты же понял, что я пошутил?» — и подмигнул ему. «Конечно», — ответил агент со вздохом глубокого облегчения.

После этого порядок проведения интервью был изменен, и присутствие двух агентов стало обязательным. Кроме того, этот случай наглядно показал, почему в прошлом не проводились углубленные беседы с осужденными убийцами. Недостаточно безопасные условия работы и природа агрессивных преступников не способствуют информационному обмену. При этом многие исправительные учреждения настаивают на подписании агентами

ФБР отказов от претензий на случай взятия в заложники, увечий или смерти в результате нахождения вне тюремной территории, специально отведенной для проведения интервью. В рамках стандартного режима безопасности в большинстве мест лишения свободы нахождение вне пределов помещений, выделенных для опросов, обычно используемых для проведения допросов, разрешается только сотрудникам полиции.

Определения

Для целей этой книги словосочетанием *убийство на сексуальной почве* описываются убийства, вещественные доказательства или существенные обстоятельства которых указывают на их сексуальную природу. К ним относятся: одежда жертвы или ее отсутствие; обнаженные половые органы жертвы; труп жертвы в позе для полового сношения; введение посторонних объектов в полости трупа жертвы; свидетельства совершения полового акта (орального, анального, вагинального) и свидетельства извращенных сексуальной активности, интереса или садистских фантазий.

Особенности места преступления — элементы вещественных доказательств, служащие свидетельством о поведенческих особенностях убийцы. Понятие *место преступления* может распространяться на место похищения жертвы, место ее удержания, место убийства и место обнаружения трупа. К примерам особенностей места преступления, в частности, относятся: использование средств фиксации и удержания, способ умерщвления, деперсонализация жертвы, признаки театрализации преступления и количество вещественных доказательств.

Особенности психологического портрета — факторы, характеризующие личность преступника, в совокупно-

сти представляющие композиционный портрет разыскиваемого лица. Особенности психологического портрета преступника обычно определяются результатом анализа особенностей места преступления и могут включать пол, возраст, род занятий, уровень умственного развития, степень знакомства с жертвой, место жительства и способ передвижения.

СТРУКТУРА ДАННОЙ КНИГИ

Книга состоит из пятнадцати глав. В первых шести представлен обзор научной литературы, посвященной феномену убийства, и заданы концептуальные рамки книги, то есть мотивационные основания убийства на сексуальной почве. Также в них рассматриваются различные аспекты формирования личности убийцы: его детские годы и семейное окружение, развитие одержимости убийством и извращенными фантазиями на тему убийства, решение убивать, совершение убийства, нарастание агрессивности и переход к неоднократным актам насилия. В подтверждение этому приводятся реальные примеры. В главе 7 дается описание Национального центра анализа насильственных преступлений в составе ФБР. В главе 8 приводятся результаты научных исследований полицейских архивов преступлений, совершенных организованными и дезорганизованными убийцами. В главе 9 рассказывается о психологическом портретировании, а в главе 10 д-р Джеймс Л. Льюк дает общую характеристику роли судебной патологанатомии в составлении психологического портрета преступника. В главе 11 приводятся сведения об интервьюировании осужденных убийц, а в главе 12 руководитель подразделения Хорас Дж. Хэфнер рассказывает о поли-

цейских художниках и составлении словесного портрета. Главы 13 и 14 посвящены жертвам и способам их противодействия сексуальному насилию. В последней главе рассказывается о текущем статусе обследованных убийц и представлены выводы данного научного исследования.

Результаты нашей работы имеют значение не только для сотрудников правоохранительных органов, ответственных за расследование и предотвращение убийств на сексуальной почве, но и для профессионалов в других областях, занимающихся этой проблематикой. В их числе специалисты, трудящиеся в сфере уголовного правосудия, непосредственно вовлеченные в правовые аспекты убийств на сексуальной почве; руководство и персонал исправительных учреждений, не только охраняющие убийц, но и отвечающие за возможные решения по их возвращению в общество; практикующие психиатры, как те, кто занимается лечением преступников, так и те, кто помогает жертвам и их семьям; работники социальных служб, работающие с молодежью, которые могут выявить первые признаки склонности человека к насилию и не позволить ему пойти преступным путем; криминологи, исследующие насильственные преступления, и государственно-политические деятели, чьи решения могут способствовать разрешению проблемы. Мы надеемся, что данная книга расширит представления этих специалистов о природе убийств на сексуальной почве и даст им более глубокое понимание личностей, совершающих такие ужасные преступления.

В прошлом углубленные беседы с осужденными убийцами не проводились: недостаточно безопасные условия работы и агрессивная природа преступников не способствуют информационному обмену.

1
Убийство как предмет научного исследования

В ряду поступков, подпадающих под определение межличностного насилия, убийство человека является одним из наиболее угрожающих общественному спокойствию деяний. Вызывающие растущую озабоченность убийства на сексуальной почве представляют собой убийство человека в контексте подчинения, сексуальности и жестокости. Подобные преступления часто получают широкую огласку и внушают ужас своей очевидной бессмысленностью и непредсказуемостью. Особенно это касается серийных убийств на сексуальной почве, когда общественность требует от правоохранительных органов немедленной поимки маньяка.

Количество убийств на сексуальной почве с трудом поддается подсчету, так как они не учитываются отдельно в официальной статистике. Тем не менее есть основания полагать, что за последние годы их доля резко увеличилась.

Задача поимки преступника, совершившего убийство на сексуальной почве, является одной из наиболее трудных в деятельности правоохранительных органов. Часто такие убийства выглядят беспочвенными и случайными и не дают достаточного представления ни о причинах, ни о личности преступника. Не всегда бывает очевидной даже их сексуальная подоплека, поскольку ее обычные признаки могут отсутствовать на месте преступления.

МАСШТАБЫ ПРОБЛЕМЫ

Установить точное количество убийств на сексуальной почве за конкретный год трудно из-за существующего порядка расследования преступлений. В очевидном случае сексуального насилия с последующим убийством преступление чаще всего учитывается как убийство, а не как изнасилование (Brownmiller, 1975; MacDonald, 1971). В других случаях доказательства сексуальной агрессии могут быть сочтены недопустимыми или недостаточными (Groth and Burgess, 1977). Следствие может не обнаружить сексуальной подоплеки в предположительно простых или безмотивных убийствах (Cormier and Simons, 1969; Revitch, 1965). К тому же детективы обычно не склонны делиться установленными в ходе своих расследований фактами, ограничивая тем самым коллективное знание по данному вопросу (Ressler et al., 1980).

Трудности с определением масштаба проблемы убийств на сексуальной почве находят свое отражение и в официальной отчетности. ФБР ежегодно выпускает отчет под названием «Преступность в США», в которой приводятся статистические данные о преступлениях, совершенных в Соединенных Штатах в течение года. Так, например, обзор статистики по убийствам за период с 1976 по 1986 г. показывает, что количество убийств в стране колебалось от 16 605 в 1976 г. до 21 860 в 1980 г. с последующим падением до 20 613 в 1986 г. («Преступность в США», 1986). В отчете также приводится информация о возрасте, расовой и половой принадлежности преступников и жертв, видах применявшегося оружия и обстоятельствах, в которых произошли убийства. Однако эта официальная отчетность не выделяет убийства, сексуальная составляющая которых изначально не была выявлена.

Нехватка статистики о частоте убийств на сексуальной почве заставляет использовать другие подходы к оценке распространенности этого преступления. Одним из таких подходов является изучение в качестве показателя убийств на сексуальной почве статистики убийств по неизвестным мотивам. Убийство по неизвестным мотивам — одна из пяти категорий классификации, принятой в отчетах ФБР. Эта классификация выглядит следующим образом:

1. Тяжкое убийство (произошедшее в процессе совершения тяжкого преступления).
2. Предположительно тяжкое убийство (с наличием элементов преступного умысла).
3. Убийство на почве конфликта (без преступного умысла).
4. Прочие мотивы и обстоятельства (любые установленные мотивы, не попадающие под предыдущие категории).
5. Неизвестные мотивы (не соответствующие ни одной из предыдущих категорий).

Некоторые эксперты полагают, что многие убийства на сексуальной почве могут регистрироваться как совершенные по неизвестным мотивам, поскольку очень часто выглядят случайными, безмотивными и лишенными сексуальной составляющей.

По всем категориям, кроме убийств по неизвестным мотивам, показатели на протяжении минувшего десятилетия оставались относительно стабильными. Так, в 1976 г. тяжкие убийства составляли 17,7% от общего числа убийств, в 1981 г. — 17,2%, в 1984 г. — 18%, а в 1986 г. — 19,4%. Доля убийств, помещаемых в категорию «прочие»,

варьировалась следующим образом: 18,6% в 1976 г., 17,1% в 1981 г., 17,6% в 1984 г. и 18,6% в 1986 г.

В то же время доля убийств, совершенных по неизвестным мотивам, резко росла. В 1976 г. она составляла 8,5% от общего числа убийств, в 1981 г. — 17,8%, в 1984 г. — 22,1% и в 1986 г. — 22,5%. В рамках исследования убийств на сексуальной почве этот тренд представляется особенно интересным. Мнения относительно значения данной проблемы расходятся. Социологи Вольфганг и Ферракути выдвинули предположение о том, что подавляющее большинство убийств совершается по конкретным причинам и что «возможно, менее 5% всех известных убийств являются заранее обдуманными, спланированными и преднамеренными» (1982, с. 189). С другой стороны, в своей статье 1969 года психиатры Кормайр и Симонс цитируют работы, в которых говорится об опасных сексуальных нападениях как о редком явлении, агрессивность которого не нарастает; напротив, их собственные данные свидетельствуют, что убийств на сексуальной почве может быть больше, чем принято считать, а их жестокость постоянно возрастает. Резкий прирост доли убийств по неизвестным мотивам на фоне относительно стабильных показателей в остальных категориях указывает на то, что впервые выдвинутое в 1967 г. предположение Вольфганга и Ферракути могло утратить свою состоятельность. Методика классификации убийств с 1976 года не менялась и потому не может объяснять резкий рост доли безмотивных убийств.

Последствия трудностей с установлением точных данных о распространенности убийств на сексуальной почве вполне очевидны. Во многих случаях такие убийства бывает трудно раскрыть именно из-за недостатка улик.

Полицейские следователи отмечают, что данные о раскрываемости могут вводить в заблуждение, поскольку некоторые преступления раскрываются уже после окончания отчетного периода. И следователи, и медики сходятся во мнении о том, что большинство серийных убийств имеют сексуальную природу (Lunde, 1976; Ressler et al., 1985; Revitch, 1965).

Следователи со стажем говорят, что как таковое убийство на сексуальной почве не является чем-то новым, в отличие от явного роста его распространенности. Растет и внимание общественности к этой проблеме, в первую очередь из-за повышенного интереса СМИ к этим зачастую странным сенсационным преступлениям. Они пугают людей именно в силу своей кажущейся непредсказуемости.

ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА УБИЙСТВА

Общество считает убийство отвратительным и в то же время широко распространенным явлением, и поэтому многие аспекты убийства были предметом исследований в самых разных областях знаний. За последнее десятилетие свой вклад в научные исследования, посвященные феномену убийства, начали вносить и органы правопорядка, обладающие богатым и постоянно расширяющимся опытом анализа обстоятельств и подробностей преступлений.

Наука исследует это жестокое преступление с различных точек зрения. Эпидемиологические исследования анализируют демографические данные жертв и преступников (Constantino et al., 1977) и закономерности случаев причинения смерти (Rushforth et al., 1977; Wolfgang, 1958). Попытки классификации убийц предпринимались

во всех научных областях. Их типизировали по мотивам (Revitch, 1965), видам умысла (Kahn, 1971), числу и типу жертв (Frazier, 1974; Cormier and Simons, 1969). Однако в большинстве научных работ убийство по сексуальным мотивам не рассматривалось отдельно от остальных видов убийства (Perdue and Lester, 1974).

Исследования убийства можно разделить в зависимости от областей знаний, в которых они проводятся: (1) отдельные журналистские расследования; (2) психологические экспертизы лиц, свершивших убийство; (3) исследования убийств и убийц в социологическом контексте; (4) правовые аспекты преступления и (5) закономерности обстоятельств и подробностей совершения преступления.

Журналистский подход

Первый вид исследований включает способы информирования общественности о совершенных преступлениях. Это могут быть газеты, иллюстрированные журналы или книги. Авторами обычно бывают журналисты, иногда получившие опыт работы в правоохранительных органах, как, например, Джозеф Уэмбо — бывший детектив, написавший документальный роман об убийстве полицейского «Луковое поле»[1].

Новости об убийствах вообще и об убийствах на сексуальной почве в частности вызывают у населения сильный эмоциональный отклик. Заголовки СМИ заостряют внимание публики на необычных аспектах («Дело о расчлененке», «Начинается суд над убийцей-вампиром»), жертвах («Последние часы жизни жертвы»), серийности

[1] Ориг. The Onion Field, 1973.

(«Убийца снова наносит удар»), развязках («Следующая остановка — электрический стул») и годовщинах событий («14 июля 1966 года»).

Еще одним видом коммуникации являются иллюстрированные детективные журналы, в которых часто публикуются вскрывшиеся на судебных процессах факты и результаты журналистских расследований. Кроме того, журналисты (Keyes, 1976), а также практикующие психиатры (Brussel, 1968; Schreiber, 1983) пишут книги для массового читателя.

Психологический подход

Ко второму виду относятся исследования отдельно взятых убийц с точки зрения наличия психических заболеваний, детских предпосылок к преступному поведению и обусловленности преступного поведения реакциями на конкретные раздражители. Сюда же относятся и исследования с целью определения методик коррекции поведения заключенных, совершивших насильственные преступления.

Исследования характерных черт отдельно взятых убийц имели место еще двести лет назад. В конце XVIII века швейцарский мистик Иоганн Каспар Лафатер придумал физиогномику — метод определения характера человека по строению его лица. Примерно в это же время Франц Йозеф Галль утверждал, что френология — учение о строении черепа человека — позволяет получить точное представление о его характере и умственных способностях. И физиогномика, и френология применялись в исследованиях преступников, а преступные деяния убийц пытались объяснить путем изучения их посмертных масок (Attick, 1970).

Среди более современных научных подходов, объясняющих склонность к насилию особенностями физиологии человека, можно упомянуть теорию, основанную на факте наличия у некоторых жестоких преступников редкой хромосомной аномалии под названием XYY-синдром (Jacobs, Brunton and Melville, 1965). Согласно ей, наличие дополнительной мужской Y-хромосомы означает большую вероятность склонности индивида к агрессивному поведению и насилию. Эта идея привлекла к себе повышенное внимание в 1968 году, когда стало известно о наличии XYY-синдрома у Ричарда Спека — мужчины, за один вечер убившего семь студенток медицинского училища. Позднее было установлено, что дополнительной Y-хромосомы у Спека нет. Последующие исследования показали, что большинство людей с этой аномалией не демонстрируют повышенной агрессивности, хотя вероятность ее обнаружения у мужчин-преступников в четыре раза выше, чем у обычных мужчин (Bootzin and Acocella, 1980).

За последнее десятилетие в связи с психологическими проблемами всех видов усилилось внимание психиатрии к функциям мозга. Ученые изучали неврологические, генетические и биофизиологические компоненты убийцы (Lewis et al., 1986; Morrison, 1981).

Психологические теории, объясняющие агрессивное поведение, распространены значительно более широко по сравнению с теми, в основе которых лежат физиологические особенности человека. Как и в исследованиях, основанных на изучении физических свойств индивида, в таких психологических исследованиях основное внимание уделяется личностным особенностям отдельно взятых убийц. Согласно Бутзину и Акочелла (1980), психологические теории можно распределить на три кате-

гории: (1) исходящие из психодинамики (неосознанные конфликты детского возраста порождают поведенческие аномалии); (2) исходящие из бихевиористики (поведенческие аномалии являются результатом неадекватного обусловливания) и (3) исходящие из гуманитарно-экзистенциальных взглядов (поведенческие аномалии — результат ощущения личной несостоятельности).

Теоретические основы личностно-ориентированных исследований агрессивности могут существенно разниться, но обычно у них есть одна общая черта — группировка индивидов по категориям. Классификация и систематизация помогают ученым разбираться в причинах человеческой агрессии и находить методы коррекции и искоренения агрессивного поведения.

В некоторых современных исследованиях межличностного насилия предлагаются типологии, включающие множество категорий. Так, Уилле (1974) группирует убийц по десяти типам: (1) депрессивные; (2) психически больные; (3) убийцы с органическими дисфункциями головного мозга; (4) психопаты; (5) пассивно-агрессивные индивиды; (6) алкоголики; (7) истерические личности; (8) детоубийцы; (9) умственно отсталые убийцы и (10) убивающие ради полового удовлетворения. Для сравнения: Гуттмахер (1973) предлагает шесть категорий убийц: (1) «обычные» убийцы без заметных психопатологий, но с дефицитом социальных ценностей; (2) социопаты, стремящиеся отомстить обществу в целом за перенесенные в детстве издевательства; (3) алкоголики, которые убивают жен из страха потерять их; (4) убийцы, сводящие счеты с утратившим к ним интерес объектом любви; (5) шизофреники в состоянии галлюцинаторного бреда и (6) садисты, убивающие для получения сексуального наслаждения.

Другие исследователи ограничивались меньшим количеством категорий убийц. Мегарджи (1966) утверждает, что существует только два типа крайне агрессивных людей: (1) низкоконтролируемые личности, реагирующие агрессией на фрустрации или провокации, и (2) сверхконтролируемые личности, которые копят в себе сдерживаемую агрессию вплоть до момента перехода к насилию. Саймон (1977) исследовал тридцать убийц и распределил их на три группы. Убийцы типа «А» были склонны убивать импульсивно, часто демонстрируя оружие и находясь под воздействием алкоголя. Убийцы типа «В» совершали убийство скорее под влиянием жертвы, как правило женщины, с которой ранее состояли в связи. Убийцы типа «АВ» поддерживали устойчивые, хотя и садистские отношения со своими жертвами и несли самый большой риск совершения будущих актов человекоубийства. Танэй (1972) вывел три категории поведения, направленного на лишение человека жизни: эгосинтоническое убийство, совместимое с представлениями совершающего лица и воплощающее его сознательное желание; (2) эгодистоническое убийство, несовместимое с представлениями совершающего его лица и происходящее против его сознательного желания (преступник находится в состоянии измененного сознания), и (3) психотическое убийство, когда убийца находится в состоянии помешательства.

В немногочисленных исследованиях, рассматривающих именно убийства на сексуальной почве, выдвигается предположение о наличии двух типов убийц: насильник-убийца, или убийца со смещением агрессии (Cohen et al., 1971; Groth, Burgess, and Holmstrom, 1977; Prentky, Burgess, and Carter, 1986; Rada, 1978), и убийца-садист (Becker and Abel, 1978; Bromberg and Coyle, 1974; Cohen et

al., 1971; Groth, Burgess, and Holmstrom, 1977; Guttmacher and Weihofen, 1952; Podolsky, 1966; Prentky, Burgess, and Carter, 1986; Rada, 1978; Ressler, 1985; and Scully and Marolla, 1985). Подольски отмечает, что насильники, убивающие жертву после полового акта, делают это преимущественно затем, чтобы избежать поимки. По данным Рада, такие убийцы крайне редко получают половое удовлетворение от совершенных убийств и почти никогда не совершают половой акт с умерщвленной жертвой. В то же время для садиста убийство является частью его ритуализированной фантазии (Groth, Burgess, and Holmstrom, 1977). Для такого убийцы агрессия и сексуальность сливаются в единый психологический опыт садизма, в котором агрессия становится сексуально возбуждающей. По мнению Бриттейна, для этого типа убийц основное значение имеет порабощение жертвы, а жестокость и причинение боли являются лишь его средствами.

Распределяются по категориям и сами системы классификации убийц. По Этену (1980), системы первого типа исходят из единообразия (шаблона) признаков конкретного типа насильственных преступлений. Теоретически выявление такого шаблона позволяет установить причину преступления. Системы второго типа исходят из предположения о том, что насильственные преступления совершаются психопатическими личностями; системы третьего типа исходят из того, что к насильственным действиям приводит некое сочетание социальных и психологических факторов.

Упомянутые выше работы — лишь некоторые примеры множества различных систем классификации склонных к насилию индивидов. Тем не менее они наглядно демонстрируют, что разные таксономические системы

имеют мало общего друг с другом. Таким образом, как указывают Мегарджи и Бон (1979), они не слишком полезны в качестве источников информации для практических решений в области борьбы с преступностью и имеют скорее теоретическое применение. Схожие критические замечания высказывает и Танэй (1972), который выражает озабоченность отсутствием существенного прогресса в сдерживании убийств, невзирая на наличие многочисленных описаний этого вида преступлений. Научные работы, в которых делается попытка дать как новое описание, так и новый способ решения проблемы преступного поведения, основаны на теории научения (Samenow, 1984). Ученые (Yochelson and Samenow, 1976) в течение многих лет исследовали заключенных, находящихся в тюремных психиатрических больницах, и установили наличие у закоренелых преступников, вне зависимости от их происхождения, определенных стереотипов мышления, отличающих их от общества в целом. Иначе говоря, преступное поведение порождается образом мыслей преступника, а не влиянием среды или иных факторов, которыми принято его объяснять. По мысли ученых, из этого следует, что изменение преступного поведения должно подразумевать изменение образа мыслей индивида, а не среды, в которой он находится.

Социологический подход

Помимо исследований и классификаций на основе личности убийцы, наука рассматривает убийство и как некое общественное явление. В частности, социологи изучают насильственные преступления в социальном контексте их совершения. В подобных исследованиях рассматриваются культурные факторы и особенности общества, которые

могут способствовать агрессивному поведению. Подобно социологам, в своих исследованиях, посвященных убийствам, историки также исходят из мнения о том, что характер насильственных проявлений в данном обществе в данное время является уникальным способом демонстрации многих присущих этому обществу черт (Buchanan, 1977).

В частности, подобный подход к осмыслению насильственных преступлений был предложен Вольфгангом и Ферракути (1982). Эти ученые полагают, что в силу явных различий между социологическим подходом с акцентом на индивиде и социологическим подходом с акцентом на культурных аспектах криминология должна интегрировать различные способы исследования убийства. Хотя понимание структуры социума, в котором действует убийца, не менее важно, чем понимание его личности, почерпнутая из социологических исследований ценная информация не всегда пригодна для практического применения. Кроме того, люди, занимающиеся практической стороной проблематики убийства, не могут брать на себя задачу подтверждения теоретических выкладок ученых.

Отталкиваясь от необходимости такой интеграции, Вольфганг и Ферракути исследовали убийства на почве страсти или из желания причинить боль, но не убить. Они предположили, что во многих культурах существует некая субкультура агрессии, и утверждали, что в гомогенных субкультурных группах количество убийств значительно выше. Применение насилия в субкультуре агрессии подрывает ценности общества в целом. Хотя представление о ценностях как о фактических мотивах определенного рода поведения можно критиковать за чрезмерное упрощение, некоторые конкретные поступки действительно можно считать отражением базовой ценностной системы.

В социологической литературе внимание также уделяется и жертвам. Одним из наиболее распространенных подходов к анализу жертвы являлось использование концепций жертвы по неосмотрительности и жертвы-соучастника. Ганс фон Хентиг считал жертву одной из причин преступления. В 1948 году он заявил: «В известном смысле жертва сама формирует убийцу... Для того, чтобы узнать, кто он, нужно познакомиться со вторым участником события». Мендельсон (1963, с. 239–241) развивал основные положения виктимологии в процессе подготовки к суду над человеком, которого никогда не привлекли бы к ответственности за убийство бывшей жены и ее любовника, не будь первая «настолько порочной натурой». Вольфганг (1958, с. 252) использовал понятие потенциальной жертвы в своем широко известном труде о феномене убийства применительно к случаям, когда «особенностью роли жертвы в драме убийства является первичное использование ею физической силы против своего будущего убийцы». В качестве примера он приводит мужа, накинувшегося на готовившую завтрак жену с молочной бутылкой, кирпичом и куском бетона. Женщина зарезала его разделочным ножом, который был у нее под рукой. Вольфганг (1958) установил, что спровоцированные жертвами убийства составляют 26% от 588 убийств, исследованных им по материалам полицейских рапортов в Филадельфии. Дополняя эти представления, Шэфер (1968, с. 152) заключил, что «далеко не всем преступлениям было суждено случиться; часто именно

> Большинство исследований, посвященных феномену убийства, предлагают в основном теоретический подход к проблеме и мало применимы для задачи предотвращения преступлений.

небрежность, опрометчивость или провоцирующие действия жертвы способствуют возникновению преступного замысла и его воплощению».

Современные ученые отмечают, что социологические исследования феномена убийства важны не только для понимания его природы, но также для осмысления социальных взаимоотношений, прежде всего существовавших в прошлом. В своем труде о сенсационных убийствах викторианской эпохи Эттик (1970) уделяет особое внимание показательным для этих случаев деталям общественной жизни. Приведенные Эттиком статистические данные об убийствах свидетельствуют, что, несмотря на изменяющиеся от эпохи к эпохе характерные особенности, общая картина явления остается неизменной. Так, по данным Эттика, в период между 1837 и 1901 годами подавляющее большинство убийств были бытовыми по своей природе, а следующую по величине группу составили убийства при совершении тяжкого преступления. Анализ цифр, приведенных в отчете «Преступность в США» за 1981 год, дает примерно аналогичную картину распределения по категориям: на почве конфликта — 37,5%; неизвестные мотивы — 22,5%; в процессе совершения тяжкого преступления — 19,4%; прочие мотивы — 18,6%; с наличием элементов преступного умысла — 2%.

Правовой подход

Деятельность юридического сообщества обычно освещается в специализированных научных журналах, а иногда о результатах работы юристов сообщает также учебная литература (Heymann and Kenety, 1985).

В правовой сфере проблема убийства чаще всего рассматривается в разрезе судебного разбирательства. Если

точнее, обзоры судебной практики обычно посвящены конкретным судебным делам. Как правило, особое внимание в них уделяется стратегиям обвинения и защиты.

Подход со стороны правоохранительных органов

Наконец, в практике правоохранительных органов важнейшими аспектами исследования убийств являются следствие, установление подозреваемых лиц и их задержание. В правоохранительных органах, ответственных за борьбу с преступлениями против личности, убийства анализируются особенно тщательно. В отличие от других областей знаний, правоохранители не рассматривают в качестве своей основной задачи объяснение поступка убийцы, а считают таковой определение личности преступника на основании того, что известно о его действиях. Преступник, названный в одной из работ излучателем сигналов в процессе совершения преступления (Willmer, 1970), должен быть идентифицирован максимально быстро, чтобы предотвратить дальнейшие акты насилия. Несмотря на то что научные труды о причинах насильственных преступлений могут приносить определенную пользу в разыскной работе, органы следствия должны адаптировать научные результаты для собственных нужд. Психологическое портретирование и протоколы оценки личности преступника — это методы, в которых сочетание достижений науки и традиционных методов расследования используется для борьбы правоохранительных органов с проявлениями агрессивного преступного поведения.

Психологическое портретирование преступника (профайлинг) успешно применяется правоохранительными органами во многих областях деятельности и считается одним из способов сужения круга подозреваемых в ходе

следствия. Это экспертная оценка, которая не устанавливает личность преступника, но дает представление о том, какими особенностями характера и поведения должен обладать человек, совершивший определенное преступление.

Использование базовых психологических характеристик помогает службам безопасности аэропортов в проведении мероприятий, направленных на предотвращение авиаугонов и перевозки наркотиков. Поиск характерных черт позволяет выявлять в массе авиапассажиров потенциальных угонщиков и наркокурьеров.

Методы профайлинга используются также для идентификации авторов анонимных писем (Casey-Owens, 1984) и лиц, угрожающих насилием в письменной или устной форме (Miron and Douglas, 1979). В последнем случае с помощью психолингвистических методов создается «словарь угроз», на основе которого компьютер присваивает каждому слову послания определенную категорию. Затем путем сравнительного анализа использования слов в послании и использования тех же слов в обычной устной речи или переписке определяются характерные признаки лексики и речевые обороты, присущие только его автору. Тем самым полицейские не только устанавливают факт единого авторства серии угроз, но и получают представление о происхождении и психологических особенностях правонарушителя.

> В деятельности правоохранительных органов широко применяется метод профайлинга, заключающийся в составлении психологического портрета преступника. Зачастую он предоставляет информацию, которую невозможно получить иным путем.

Методы профайлинга применимы также и к лицам, совершившим изнасилование или поджог. Детальный опрос

жертвы изнасилования о поведении насильника позволяет сотрудникам правоохранительных органов создать психологический портрет преступника (Hazelwood, 1983). В основе этого метода лежит теория о том, что поведение отражает особенности личности, и, следовательно, изучив его особенности, следствие может определить тип человека, совершившего преступление. Личностные особенности поджигателей можно выявить на основе анализа информации из Единой базы данных о преступлениях (Rider, 1980). Знание психодинамики поджигателей помогает следователям определить круг подозреваемых и разработать стратегию и тактику их допросов.

Применение профайлинга в расследовании убийств на сексуальной почве считается особенно эффективным, поскольку, как отмечалось выше, многие из таких преступлений выглядят безмотивными и дают очень мало зацепок для установления личности убийцы. В убийствах из ревности, в результате семейной ссоры или сопровождающих тяжкое преступление присутствует легко идентифицируемый мотив, сообщающий важнейшую информацию о личности убийцы. Многие убийства на сексуальной почве подобной информации не дают, и для установления личности преступника следователям нужно обращаться к методам, дополняющим традиционные способы расследования.

Основой психологического портретирования служат личностные особенности преступника; из обстоятельств и деталей убийства на сексуальной почве можно почерпнуть массу информации о поведении убийцы. Методы профайлинга позволяют следователю увидеть эту информацию с нового ракурса. Так, во многих случаях убийств на сексуальной почве кажущееся отсутствие мотива под-

крепляется, казалось бы, случайным выбором жертвы. Однако, как указывает Лунде (1976), этот выбор основан на восприятии убийцей определенных черт жертвы, имеющих для него символическое значение. Хотя сами жертвы наверняка не имеют представления об этом, убийца может исходить из того, что им прекрасно известно об их роли в его бредовом представлении. Соответственно, анализ схожестей и различий жертв конкретного убийцы может дать важную информацию о мотиве, казалось бы, безмотивного преступления. А это, в свою очередь, может вывести на информацию о личности преступника.

Сама по себе идея создания образа убийцы не нова. В 1960 году Палмер опубликовал результаты трехлетнего изучения пятидесяти двух убийц, отбывавших заключение в тюрьмах Новой Англии. Среднестатистический убийца по Палмеру совершил свое преступление в возрасте 23 лет, застрелив незнакомого мужчину во время ссоры. Это выходец из низших слоев общества, не достигший успехов ни в учебе, ни в работе. У него была благонамеренная, но социально неблагополучная мать, а в детстве он подвергался физическому и психологическому насилию.

Схожим образом Риццо (1982) исследовал более тридцати убийц, направленных на судебно-психиатрическую экспертизу. Он заключил, что среднестатистический убийца — 26-летний мужчина, скорее всего, знакомый со своей жертвой, а наиболее вероятным мотивом его преступления является материальная выгода.

Психологическое портретирование, используемое правоохранительными органами в наши дни, призвано делать несколько больше, чем просто давать описание типичного убийцы, если о существовании такового можно говорить в принципе. Следствие должно оценить место

преступления с позиции возможности обнаружения деталей, указывающих на тип личности преступника. Хотя Лунде отмечал, что убийства в художественных произведениях не имеют ничего общего с реальными (1976), связь между описанными в популярной литературе детективными методами и современным профайлингом действительно можно проследить. Так, отличительной чертой знаменитых литературных сыщиков является внимание к деталям: от них не ускользает ни одна мельчайшая деталь с места преступления. В детективном романе Уилки Коллинза «Лунный камень», впервые опубликованном в 1868 году, сыщик Кафф говорит:

> «На одном конце следствия было убийство, а на другом — чернильное пятно на скатерти, которого никто не мог объяснить. Во всех моих странствованиях по грязным закоулкам этого грязного света я еще не встречался с тем, что можно назвать пустяками».

Такое внимание к деталям не менее существенно и для современного профайлинга. Каждая мельчайшая деталь преступления тщательно изучается с целью составления психологического портрета убийцы.

В отличие от литературных сыщиков, в профайлинге не полагаются на то, что дело может быть раскрыто на основании какой-то одной улики. В действительности не существует сломанной спички, которая приведет полицейских прямиком к убийце. Напротив, опытные психологи-криминалисты рассматривают картину преступления во всей ее полноте. Совершенно очевидно, что информацию об убийстве может дать лишь комплекс улик, а не каждая из них в отдельности.

Правильнее всего рассматривать психологическое портретирование как способ сконцентрировать усилия правоохранительных органов в определенной области. Профайлинг описывали как совокупность первичных версий следствия (Rossi, 1982), как эмпирический метод получения информации об определенных типах преступников (Geberth, 1981) и как своего рода набросок биографии на основе поведенческих паттернов, трендов и тенденций (Vorpagel, 1982). Геберт также назвал психологическое портретирование особенно эффективным в случаях, когда налицо признаки психических отклонений у преступника, и отметил, что место преступления обычно отражает личностные и поведенческие особенности преступника точно так же, как убранство дома отражает личность его хозяина. Психологическая экспертиза помогает следователям выявить модели поведения и мышления людей, преступивших закон.

2
На пути к убийству: социальное окружение и события, способствующие формированию личности убийцы

Участвующие в расследованиях психологи-криминалисты (профайлеры) ФБР изучают преступления в поисках информации, проливающей свет на характерные черты виновного лица. Определенное представление об особенностях личности преступника может дать экспертиза улик с места происшествия. В ходе исследования 36 преступников, совершивших убийства на сексуальной почве, нам удалось не только выявить некоторые из таких типичных особенностей, но и изучить факторы, способствующие их возникновению. Первичная информация, почерпнутая нами из бесед с преступниками и их досье, позволила прийти к определенным выводам об этих мужчинах.

В этой главе представлены собранные нами сведения о социальном окружении и событиях, способствовавших формированию личностей 36 исследованных нами убийц. Эти сведения были проанализированы с точки зрения того, что они говорят о собственно человеке. Понимание движущих сил девиантного сексуального поведения дает возможность более точно установить причины возникновения стремления убивать.

Читателям следует учитывать, что мы говорим об этих 36 преступниках в общем. Не все наши утверждения спра-

ведливы применительно к каждому из них, но они могут быть справедливы по отношению к большинству из них или к большинству из тех, относительно кого была получена информация. Не все испытуемые ответили на все поставленные им вопросы.

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСТВА

На первый взгляд кажется, что обстоятельства начала жизни этих 36 убийц были однозначно благоприятными (см. табл. 2.1). Как правило, это старшие дети мужского пола, почти все они (33 человека) — представители белой расы. Четверо были единственными детьми в семье, а еще четверо были усыновлены в младенчестве или в самом раннем детстве. В большинстве своем они росли в 1940-х и в 1950-х годах, когда в США отношение к старшему ребенку мужского пола белой расы было предпочтительным.

Таблица 2.1

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСТВА

Отличительная особенность	Число/Всего	Процент
Мужской пол	36/36	100
Белый	33/36	92
Старший сын	20/36	56
Уровень умственного развития средний или выше	27/34	80
Изначально полный состав семьи	20/35	57
Мать-домохозяйка	16/31	52
Семья со стабильным доходом	20/27	74
Экономически самостоятельное домохозяйство	30/35	86

На момент наших интервью внешность большинства из исследованных преступников была непримечательной, что позволяет предположить отсутствие непривлекательности в детском возрасте. Их рост и вес были в пределах нормы, а выделяющиеся на общем фоне физические недостатки или ограничения были лишь у немногих. В том, что касается внешности, они мало чем отличались от любой другой группы лиц мужского пола.

Интеллект исследуемых был на хорошем уровне. Коэффициент IQ ниже 90 был только у семерых из них. Шестнадцать человек располагались в диапазоне между средним и высоким уровнем интеллекта (IQ от 90 до 119). Примечательно, что одиннадцать преступников отличались высоким или очень высоким уровнем интеллекта с показателями IQ выше 120.

Большинство мужчин появились на свет в полных семьях. У половины матери были домохозяйками, не занимавшимися другой работой, кроме домашней. У большинства (58%) отцы занимались неквалифицированным трудом, хотя у тринадцати человек главы семейства были квалифицированными работниками. Намного важнее, что три четверти отцов имели стабильный заработок. Свыше 80% исследованных отозвались о социально-экономическом положении своей семьи как о среднем или выше, и только пятеро сочли уровень жизни своей семьи низким (см. табл. 2.1).

Таким образом, матери не работали и занимались воспитанием детей, а у отцов был стабильный заработок; по своему социально-экономическому положению семьи не могли считаться бедными. Однако, несмотря на столь положительные личностные и социальные факторы, эти мальчики стали не успешными членами общества, а убийцами, отбывающими тюремное заключение.

СОЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Пролить свет на возможные причины произошедшего могло более тщательное изучение биографий преступников. Присутствовали ли в них свидетельства того, что могло способствовать развитию потребности убивать? Нами были исследованы факторы социальной среды, семейных отношений, воспитания и сексуального опыта в детском и подростковом возрасте.

Функциональность семьи

Хотя изначально полные семьи выглядят функциональными, сведения о родителях свидетельствуют о наличии у них других стрессов и проблем, помимо непосредственно связанных с воспитанием детей. Рассказы этих 36 убийц показывают, что в их семьях существовало множество проблем. Прежде всего, серьезной проблемой было злоупотребление алкоголем и наркотиками. Почти в 70% семей их члены злоупотребляли алкоголем, а в одной трети — наркотиками. Один из преступников рассказывал, как алкоголизм отца способствовал его собственному регулярному злоупотреблению спиртными напитками:

Преступник: Каждый раз, когда меня отстраняли от занятий в школе, пусть даже и за дело, мне нужно было объясняться с отцом. В те времена он по уши погряз в своем пьянстве. И вот он приходит со мной в школу и дожидается, пока не придет учитель и не начнет меня ругать на чем свет стоит. Отцу это не нравится, он слетает с катушек и начинает материть учителя, угрожать ему и все такое… Заставляет учителя пойти на попятную, а меня — вернуться в школу.

Сотрудник: Как долго вы проучились в школе?

Преступник: До десятого [класса] проучился, а потом они распустили слухи, будто я у других учеников деньги вымогаю…

Сотрудник: Это было на самом деле?

Преступник: В то время я пил. Реальные проблемы были с алкоголем.

Примечательно, что преступник воспринимает проблему с вымогательством, но уходит от темы, пытаясь заменить ее другой.

В семейных историях присутствовали также и психиатрические проблемы. Случаи психических расстройств имели место в более чем половине семей: у десяти матерей, семи отцов, четырех братьев и одной сестры. В ряде случаев матери временно отсутствовали в семьях в связи с госпитализацией в психиатрической клинике. Часто подобные явления сочетались с проявлениями агрессии. В биографической справке одного из преступников приведен краткий обзор уголовного прошлого его отца, свидетельствующий о тесном переплетении психиатрических проблем и агрессивного поведения:

Когда объекту исследования было тринадцать, его отец застрелил одного из своих братьев. До этого отец находился под следствием по делам об умышленном поджоге и страховом мошенничестве. На суде по делу об убийстве его признали невменяемым и освободили от уголовной ответственности. Судебно-психиатрическая экспертиза установила, что он страдает паранойей. Отца также подозревали в двух других убийствах: человека, нарушившего границы его владения, и пропавшего без вести приемного ребенка. После суда отца поместили на принудительное лечение в психиатрическую клинику штата, откуда он сбежал

через два года с помощью матери объекта исследования. Позднее он был задержан полицией соседнего штата, но отпущен в связи с отказом властей экстрадировать его.

В ряде случаев эта комбинация психических нарушений и агрессивных проявлений присутствовала у преступника уже в детском возрасте. По 25 из этих мужчин имелась информация о наличии проблем с психикой в детстве. Некоторые из них утверждали, что не помнят об этом, как, например, в следующем случае:

Преступник: Мама говорит, что водила меня к психиатру, когда я был маленьким, но я такого не помню. Она говорит, что это из-за того, что в школе я очень много дрался. Я и правда как-то раз ударил учительницу. Я бегал по коридору, тут меня берут сзади за шиворот и велят притихнуть и заканчивать беготню. Я же не знал, что это учительница. Ну и стукнул ее. Когда мне было лет четырнадцать-пятнадцать, я еще нескольким успел навалять.

В семьях половины преступников были случаи уголовных преступлений. Иногда в семье было известно о противоправном поведении ее членов («Моя мать была косметологом и устраивала нелегальные лотереи, а отец был столяром и приторговывал наркотой»), а порой это бывало семейной тайной, как в следующем случае:

Преступник: Мой отец отсидел пять лет в тюрьме и после этого сменил имя. А одна из его сестер даже навсегда перестала с ним общаться из-за этого.

Сотрудник: Это был большой секрет?

Преступник: Да я даже не знаю, за что его [арестовали].

Изучение материалов этого дела подтвердило наше подозрение о том, что отца этого мужчины посадили за сексуальное преступление в отношении ребенка его сестры.

Кроме того, почти половина случаев преступных проявлений в семье была связана с сексуальной проблематикой. Одной из подобных проблем являлись беспорядочные половые связи матери, как в следующем случае:

> Отношения правонарушителя с матерью можно охарактеризовать как отношения любви и ненависти. Он утверждает, что его мать была алкоголичкой и что он часто видел ее с мужчинами, поэтому «возненавидел всех, кто встречался с матерью». Он сообщает, что в возрасте шестнадцати лет пригласил домой мужчину, с которым его мать вступила в половую связь. После этого, по словам правонарушителя, он набросился на этого мужчину с намерением убить его.

В нижеследующем примере в центре внимания объекта исследования были скорее чувства матери, а не внебрачные связи отца:

> Уже потом отец весело и беззаботно рассказывал мне истории о том, как ходил налево, когда мне было лет десять или меньше… Маму же я в подобном заподозрить никогда не мог… Наоборот, она ужасно боялась потерять отца, переживала, что они могут разойтись или развестись.

Отношения с родителями, братьями и сестрами

Многие специалисты по вопросам семьи и детства считают структуру и качество семейных отношений важным фактором развития ребенка, в особенности то, как он воспринимает взаимодействие членов семьи с ним

и между собой. Степень привязанности ребенка к родителям и другим членам семьи имеет первостепенное значение для его способности находить общий язык с окружающими и ассоциировать себя с ними во взрослом возрасте. По сути дела, эти детские связи (иногда называемые узами) способствуют формированию у него некой схемы восприятия ситуаций вне семьи. По причине важности таких детских связей нас особенно интересовали отдельные факторы семейных отношений, максимально характеризующие степень привязанности объектов исследования к окружающим людям (см. табл. 2.2).

Таблица 2.2

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО ОКРУЖЕНИЯ

Отличительная особенность	Число/Всего	Процент
Проблемы в семье		
Алкоголизм	20/29	69
Употребление наркотиков	9/27	33
Психические отклонения	16/30	53
Правонарушения	16/32	50
Сексуальные проблемы	12/26	46
Насилие и жестокость		
Случаи физического насилия	13/31	42
Случаи психологического насилия	23/31	74
Отношения с родителями/братьями и сестрами		
Частые переезды	23/34	68
Отец покинул семью до того, как ребёнку исполнилось 12 лет	17/36	47
Деспотичная мать	21/32	66
Плохие отношения с опекуном-мужчиной	26/36	72
Плохие отношения с матерью	16/36	44
Ощущение несправедливого отношения	15/28	53
Отсутствие примера для подражания в лице старшего ребенка	16/36	44

Обнаруженные нами многочисленные проблемы предполагают не только нестабильность контакта между членами семьи и убийцей в детском возрасте, но также и неадекватные модели общения. Следовательно, наличие опыта позитивного взаимодействия с членами семьи у большинства этих преступников представляется маловероятным. Вспоминая детство своего сына, один из отцов заметил: «Ему всегда больше нравилось быть самому по себе. Мне думалось, что это не вполне естественно». Еще один родитель сказал, что его сын был угрюм и мог по нескольку дней кряду не разговаривать с родителями.

Большинство убийц происходили из полных небедных семей, обладали интеллектом выше среднего и не имели каких-либо физических недостатков. Однако почти у всех в семье были проблемы с преступностью или агрессией.

При изучении картин семейной жизни, описанных убийцами, создается впечатление крайней нестабильности их жизненного уклада. Лишь не более трети преступников провели свое детство в одном месте. Семнадцать мужчин сообщили о периодическом ощущении неустойчивости жизни, а шестеро говорили о хроническом ощущении нестабильности и постоянных переездах с места на место. Кроме того, более 40% этих преступников проживали вне семьи еще до достижения совершеннолетия. В числе их мест жительства были интернаты, детские приюты, колонии для несовершеннолетних и психиатрические больницы. Частые переезды свидетельствуют о минимальном уровне вовлеченности семьи в жизнь общества, что не дает ребенку достаточных возможностей для развития позитивных устойчивых связей вне дома, способных компенсировать неустойчивость внутри семьи.

Как указывалось выше, более чем в половине случаев (двадцати) в семье присутствовали оба родителя, в десяти случаях в семье не было отца, в трех — матери, а в двух — и отца, и матери. Однако важным представляется тот факт, что в семнадцати случаях биологический отец покидал семью до достижения мальчиком двенадцатилетнего возраста. Это обусловливалось различными причинами, в том числе смертью или тюремным заключением, но чаще всего разъездом или разводом супругов. В шести из тринадцати случаев развода родной отец покидал семью, когда мальчику не исполнилось шести лет, а в семи — когда мальчику было от семи до одиннадцати. В период от двух до пяти лет после этого мать обычно снова выходила замуж, и в доме появлялся приемный отец. Иногда мальчик больше никогда не встречался со своим родным отцом, как в следующем случае:

> Мать преступника вышла замуж в пятнадцать лет и родила двоих сыновей, после чего разошлась с мужем и аннулировала брак. Об отце известно, что он отбывал срок в тюрьме для душевнобольных преступников. Сразу же после повторного брака матери ее второй муж начал процедуру усыновления. Доступ к этой информации был закрыт, чтобы родной отец объекта исследования не узнал о его усыновлении.

Совершенно очевидно, что мальчику требовалось время, чтобы сначала свыкнуться с утратой отца, а затем приспособиться к жизни с новым опекуном-мужчиной. Некоторые из преступников отмечали значение развода родителей и появления в их семье нового мужчины. Ниже приведена цитата преступника, совершившего свое первое убийство в четырнадцатилетнем возрасте, когда его мать проводила медовый месяц со своим третьим мужем.

Сотрудник: Было ли в вашей юности что-то, что вновь и вновь вызывало у вас тяжелые чувства?

Преступник: Думаю, что все это началось еще с растерянности и непонимания по поводу разрыва родителей. Я же их обоих любил.

Сотрудник: А сколько вам тогда было?

Преступник: Семь.

В другом случае убийца рассказывал:

> Когда мои родители были вместе, я мог обращаться к любому из них. А потом между ними почему-то возникли проблемы. В итоге папа по большей части отсутствовал дома… Тут-то и начались мои проблемы, потому что, хоть они вместе уже не жили, я все равно очень любил папу, а маме это совсем не нравилось.

Принимая во внимание уход отца из семьи, нет ничего удивительного в том, что доминирующим родителем для преступника в детском и подростковом возрасте была мать (в 21 случае). Некоторые из опрошенных рассуждали о значении этого факта для их жизни, как в следующем примере.

> Распад семьи стал для меня чем-то непостижимым. Я всегда считал, что семья — это навсегда. Думаю, это сыграло роль в моем падении… В моем воспитании не хватало мужской руки. Ни отец, ни отчим никогда не говорили мне, что хорошо, а что плохо. Оставляли это целиком на усмотрение матери. Мы плавали на лодках, катались на великах и все такое, но что касается серьезных вопросов отношений родителей с детьми, то с мужской стороны никто никогда не проявлял активности… Брату было восемнадцать, и он переехал к нашему родному отцу. Мне было десять, и я остался с матерью.

Лишь девять убийц назвали доминирующим родителем отца, и еще двое сказали, что их в равной степени воспитывали оба родителя. Тот факт, что двадцать две семьи (63%) сохранились, тогда как лишь тринадцать (37%) распались, свидетельствует о том, что ощущение неучастия отца в жизни сына объясняется не только физическим отсутствием первого. Скорее именно неумение отца создавать у сына позитивное впечатление о себе или выражать заботу по отношению к нему создает предпосылки к ощущению мальчиком, а впоследствии и мужчиной бессмысленности своего существования. Эти мальчики испытывали глубокую психологическую и социальную отчужденность. С учетом наложения на это уже сложившихся внутренних противоречий в отношениях с матерью признаки негативных отношений с другими людьми или неприятия потенциально позитивных были вполне ожидаемы еще в раннем возрасте.

Оценка убийцами эмоциональной составляющей семейных отношений указывает на низкий уровень взаимной привязанности членов семьи. Вероятно, наиболее интересным здесь является то, что большинство преступников говорили о недостаточной эмоциональной связи с отцом и о крайне противоречивой эмоциональной связи с матерью. Шестнадцать из опрошенных мужчин сообщили о равнодушии или неотзывчивости матерей, а двадцать шесть — об аналогичном отношении со стороны отцов. Примечательно следующее наблюдение из досье одного убийцы:

> По словам матери подсудимого, после развода родной отец не пропал из виду и питал крайнюю ненависть к двум своим маленьким сыновьям. Однажды этот человек ударил подсудимого, которому на тот момент было меньше года, стеклянной бутылкой. В другой раз, когда ему было около четырех лет,

отец чуть не задушил его. Был еще один случай, когда отец стрелял по своему сыну-дошкольнику, играющему на участке перед домом. Мать сказала, что из-за опасности, которую представлял собой ее бывший супруг, они с новым мужем были вынуждены часто менять место жительства.

Что касается братьев и сестер, то у двадцати преступников не было старших братьев, а у семнадцати — старших сестер. Таким образом, в годы становления личности у этих мужчин не было примера для подражания в лице брата или сестры, которые могли бы восполнить упущения родителей. Скорее в этой неблагоприятной социальной среде им даже приходилось соперничать с младшими детьми. Как сказал один из опрошенных: «В детстве я завидовал своей [младшей] сестре. После восьмого класса мне подарили спальный мешок, а она получила рояль». А в семьях с детьми от предыдущих браков мог также изменяться порядок старшинства братьев и сестер.

Этот дефицит привязанности переносился и на отношения со сверстниками. Убийцы часто характеризуют себя как людей замкнутых и одиноких. Они не пользуются популярностью в школе, как правило, люди их не запоминают. Адвокат одного из исследованных нами убийц с удивлением обнаружил, что учился со своим подзащитным в одном классе, но совершенно ничего не помнил о нем.

СОБЫТИЯ, СПОСОБСТВОВАВШИЕ ФОРМИРОВАНИЮ ЛИЧНОСТИ

В последнее время все более пристальное внимание уделяется специфическим психологическим моделям реагирования детей на травмирующий опыт, как прямой, так и косвенный. Прямой травмирующий опыт подразумевает, что

ребенок был подвергнут физическому или сексуальному насилию. Косвенный травмирующий опыт подразумевает присутствие при шокирующих сценах межличностного взаимодействия или их наблюдение. Пайнус и Эт (1985) выделяют такие характерные реакции детей на сцены изнасилования, самоубийства и убийства, как навязчивые гнетущие образы жестокости и насилия, проблемы с самоконтролем и потенциально разрушительные фантазии о мести.

Семейное воспитание

Трудности с выстраиванием позитивных родственных отношений у преступников усугублялись их восприятием родительских наказаний. Обычно они отзывались о них как о несправедливых, унизительных, непоследовательных и чрезмерных. Следующий пример наглядно иллюстрирует, каким образом один из преступников увязывает родительские наказания со своим влечением к совершению убийств:

> Думаю, что эти изнасилования — следствие того, что я рос без отца. Он ушел. С отчимом мы никогда не ладили. Меня пороли за то, что позволялось моим сводным братьям и сестрам, потому что, по его словам, мать подает мне дурной пример. За это я его возненавидел. Если бы эти женщины не ходили по улицам одни, многих изнасилований и убийств не было бы.

Многие преступники считали, что в годы становления личности взрослые относились к ним несправедливо. Ниже приводится высказывание серийного убийцы, в котором он дает представление о том, как семейный опыт отразился на его агрессивном отношении к миру. Такие мысли стали благодатной почвой для поиска отмщения.

> Знаете, будь моя воля, вы, парни, не дожили бы до работы в ФБР. Когда мне было лет девять-десять, я хотел, чтобы все вокруг сдохли. Я не хотел, чтобы мои родители расходились. Я любил их обоих. А они собачились по вечерам у меня на глазах, из-за чего я рыдал. А потом развелись. У меня было две сестры, так мать относилась ко мне как к третьей дочери: твердила, какой гад мой отец. Старшая сестра то и дело меня колотила — на пять лет старше была. А младшая — та про нас обоих заливала, чтобы нас наказали. Я прямо нутром чуял, что со мной обходятся несправедливо.

Жестокое или халатное обращение с детьми

Семейные истории этих убийц содержали случаи жестокого обращения и халатности. Безнадзорность часто была неявной. Так, в одном случае мальчик был единственным ребенком в только что переехавшей в Америку семье. Родители держали небольшой магазин, и им нужно было работать по двенадцать часов в сутки без выходных. Мальчика оставляли на попечение разных родственников или соседей. Имеются подозрения, что в этот период времени он стал объектом сексуальных домогательств со стороны присматривавшего за ним лица. Дальнейшее изучение этого компонента жестокого или халатного обращения с детьми выявило его определенное влияние на формирование личностей исследованных убийц.

> У большинства убийц в детстве были сложные отношения с матерью или отцом или они не могли найти общего языка с отчимом. Также эти дети часто становились свидетелями или жертвами насилия.

Во многих случаях в детском возрасте имело место психологическое или физическое насилие. Психологическое

насилие отмечалось в двадцати трех случаях и обычно заключалось в унижении ребенка. Ниже один из объектов исследования описывает, как в шестнадцатилетнем возрасте он перестал мочиться в постель:

Преступник: Когда мы куда-нибудь ездили и я мочился под себя, мне становилось очень стыдно… Когда они принялись насмехаться надо мной, я перестал писаться.

Сотрудник: Кто принялся?

Преступник: Вся семья. Они таким образом добивались, чтобы я прекратил.

Физическое насилие упоминалось в рассказах о детстве тринадцати преступников. Как сказал один из них: «Мои родители разрешали семейные разногласия криком и рукоприкладством».

Сексуальный опыт

Нас особенно интересовали случаи посягательства на половую неприкосновенность в детском возрасте, поскольку ряд исследователей считает это важным фактором развития в дальнейшем сексуальной агрессивности.

Изучение особенностей развития личностей этих 36 убийц показало наличие у них сексуальных проблем, насильственных действий и навязчивых сексуальных фантазий в детском и подростковом возрасте (см. табл. 2.3). Поскольку зрелище полового акта или акта насилия может оказать сильное воздействие на ребенка, мы интересовались наличием подобного опыта у объектов нашего исследования. В девяти случаях мужчины были свидетелями сексуального насилия; еще в девяти — шокирующего сексуального поведения родителей;

в одиннадцати случаях убийцы были очевидцами шокирующего сексуального поведения родственников или знакомых («Я застукал свою подружку с приятелем в голом виде»).

Таблица 2.3

СЕКСУАЛЬНЫЙ ОПЫТ ДЕТСКИХ ЛЕТ

Отличительная особенность	Число/Всего	Процент
Присутствие при сексуальном насилии	9/26	35
Шок при виде полового сношения родителей	9/26	35
Шок при виде полового сношения прочих взрослых (в т. ч. знакомых)	11/26	42
Увечье половых органов или ЗППП	9/25	28
Стрессогенные события сексуальной окраски	19/26	73
Развратные насильственные действия	12/28	43
Вуайеризм	20/28	71
Порнография	25/31	81
Фетишизм	21/29	72
Практикуемые фантазии об изнасиловании	22/36	61
Первая фантазия об изнасиловании в возрасте от 12 до 14 лет	11/22	50
Секс по обоюдному согласию	20/36	56
Отсутствие секса по обоюдному согласию со сверстниками	16/36	44
Сексуальная неполноценность	14/32	44
Сексуальная аверсия	13/30	43
Аутоэротические практики	22/28	79

Убийц также спрашивали о случаях травм половых органов (потребовавших хирургического вмешательства) или заболеваний, передающихся половым путем (ЗППП). Шестеро из них сообщили о наличии ЗППП в подростковом возрасте («Я подцепил триппер во время своего первого опыта с проституткой») и прочих инцидентах, включая самоповреждение половых органов в виде наказания за «дурные мысли» и сбривание волос на всем теле «в целях чистоплотности». Связанные с сексом стрессогенные ситуации имели место у девятнадцати преступников и включали негативную реакцию родителей на мастурбацию, оскорбления в связи с гендерной идентичностью и/или обнаружение гомосексуальных наклонностей в подростковом возрасте.

На вопрос о предыдущем опыте насильственных действий сексуального характера двенадцать из двадцати восьми ответивших мужчин (43%) сообщили, что подвергались им в детстве (в возрасте от года до двенадцати); девять (32%) подвергались им в подростковом возрасте (от тринадцати до восемнадцати лет) и десять (37%) — во взрослом. Психологически травмирующие случаи прямого сексуального принуждения имели место как в семье («Еще ребенком я переспал со своей матерью», «Отец насиловал меня с четырнадцати лет», «Мой сводный брат попытался изнасиловать меня»), так и вне ее («Когда мне было то ли семь, то ли восемь, в городе меня снял какой-то мужик»), а также во взрослом возрасте в тюрьме.

Во взрослом возрасте сексуальный опыт этих убийц часто ограничивался фантазиями, аутоэротизмом или сексуальным самоудовлетворением. Хотя двадцать из них смогли назвать возраст, в котором впервые получили оргазм от секса по согласию, они не сообщали о случаях длительных сексуальных связей со сверстниками. Так, один мужчина, имевший бога-

тую историю мастурбации на девиантные фантазии с подросткового возраста, в последний год обучения в колледже посчитал себя «слишком старым, чтобы оставаться девственником», и начал ходить к проституткам.

Почти половина испытуемых сообщили о развившейся у них во взрослом возрасте сексуальной аверсии[1]. Более трех четвертей опрошенных признали наличие у них опасений и проблем, связанных с сексом. Больше половины назвали себя сексуально безграмотными; почти 70% считали себя сексуально неполноценными; 56% сталкивались с сексуальной дисфункцией; 30% были озабочены размером своих гениталий. Многих волновали другие проблемы сексуального характера («Думаю, я не такой, как все»); некоторые предпочитали секс только с трупами женщин. У интервьюеров возникло подозрение, что у большинства из шестнадцати мужчин, не сообщивших о возрасте первого сексуального контакта по обоюдному согласию, вообще никогда не было полового акта не по принуждению.

Анализ связи между принуждением к сексу в детском и подростковом возрасте и возникновением сексуальных проблем показывает, что подвергшиеся сексуальным домогательствам с большей вероятностью (в порядке убывания разницы) сообщали о конфликтах на почве секса (92% против 40; $p = 0{,}01$[2]), сексуальной дисфункции

---

[1] Сексуальная аверсия — одна из наиболее тяжелых разновидностей сексуальной дисфункции; отвращение к половому акту. *(Прим. ред.)*

[2] Р-значение — статистический критерий, позволяющий определить вероятность того, что полученный результат является следствием случайности. Для большинства исследований минимально приемлемым р-значением является $p = 0{,}05$, то есть существует 5%-й шанс, что результат был получен случайно. В данном случае этот шанс составляет 1%, то есть результат почти наверняка не является случайным. *(Прим. ред.)*

(69% против 50) и сексуальной неполноценности (77% против 60). В части сексуальной безграмотности различий почти или совсем не было.

В иерархии сексуальных интересов преступников преобладали визуальные стимулы. На первом месте была порнография (81%, или 25 ответов из 31), следом шли компульсивная мастурбация (79%), фетишизм (72%, или 21 из 29 ответов) и вуайеризм (71% или 20 из 28 ответов). Реже упоминались связывание, эксгибиционизм, сексуальный контакт с животными, непристойные телефонные звонки, фроттеризм[1] и переодевание в женскую одежду.

Анализ связи между принуждением к сексу в детском и подростковом возрасте и сексуальными практиками показывает, что подвергшиеся сексуальным домогательствам с большей вероятностью (в порядке убывания разницы) сообщали о сексуальных контактах с животными (40% против 8; $p = 0,06$), сексе со связыванием (55% против 23), фетишизме (83% против 57), совершении непристойных телефонных звонков (36% против 15), эксгибиционизме (36% против 21), просмотре порнографии (92% против 79), фроттеризме (27% против 15) и переодевании в женскую одежду (18% против 7). В части вуайеризма различий почти или совсем не было.

Трое преступников самостоятельно заявили о том, что с 12-летнего возраста практиковали гипоксифилию (удушение во время полового акта). В одном случае мужчина рассказал о своих сексуальных фантазиях (начавшихся в возрасте 4–5 лет), которые он интенсифицировал путем мастурбации с одновременным прокалыванием нижней

---

[1] Фроттеризм — сексуальная девиация, заключающаяся в получении удовлетворения от прикосновений, притираний к телу своей жертвы в толпе. *(Прим. ред.)*

части живота булавками, перочинными ножиками и рыболовными крючками. Однажды в возрасте 13 лет он совершил суицидальный жест, выстрелив себе в живот из пистолета 38-го калибра.

Роль сексуального насилия и отношений в семье

Мы сравнили убийц, подвергшихся сексуальному насилию, с убийцами без подобного опыта с учетом следующих факторов семейных отношений: (1) эмоционально-социальное качество отношений испытуемого с его матерью; (2) эмоционально-социальное качество отношений испытуемого с его отцом; (3) родитель, занимающий доминирующую позицию в воспитании; (4) социально-экономическое положение семьи; (5) постоянство места жительства и (6) состав семьи. Исходные данные для анализа были получены от 24–28 убийц.

Отношения с матерью. Согласно результатам исследования, 42% из 12 сексуально виктимизированных убийц сообщили о низком эмоционально-социальном качестве отношений с матерью в детском и подростковом возрасте. Аналогичный показатель среди убийц, не подвергавшихся сексуальному насилию в детском и подростковом возрасте, составил 21% (см. табл. 2.4).

Отношения с отцом. Согласно результатам исследования, 92% из 12 убийц, подвергшихся сексуальному насилию в детстве, сообщили о низком эмоционально-социальном качестве отношений с отцом в детском и подростковом возрасте. Это существенно отличается ($p = 0{,}002$) от доли убийц, не подвергавшихся сексуальному насилию (см. табл. 2.4).

Социально-экономическое положение. О социально-экономическом положении семьи, в которой воспитывался

убийца, говорит ее принадлежность к средним/обеспеченным или к малоимущим/неимущим (в некоторых случаях живущим на социальное пособие). Согласно результатам исследования, 54% сексуально виктимизированных убийц происходили из малоимущих или неимущих семей, тогда как среди испытуемых, не подвергавшихся сексуальному насилию, этот показатель составил 33% (см. табл. 2.4).

Доминирующий родитель. Доминирующая роль отца или матери не влияла на вероятность сексуального насилия над испытуемым (см. табл. 2.4).

Постоянство места жительства. Согласно результатам исследования, 23% сексуально виктимизированных убийц не имели стабильного места жительства против 20% тех, кто не был виктимизирован, то есть этот фактор не влиял на вероятность сексуального насилия в детстве (см. табл. 2.4).

Состав семьи. Согласно результатам исследования, 26 убийц описали свои семьи как полные с двумя биологическими родителями или как полные с одним биологическим и одним приемным родителем. Среди тех, кто подвергся сексуальному насилию, 46% происходили из семей с приемным родителем, тогда как среди тех, кто не был сексуально виктимизирован, этот показатель составил лишь 15% (см. табл. 2.4).

Таким образом, наши результаты подтверждают тезис Хирши (1969) о том, что нормальные родственные связи, традиционные занятия, жизненные цели и приверженность традиционным ценностям понижают вероятность делинквентного (антиобщественного) поведения среди молодых людей. Хирши установил, что привязанность к родителю в значительной степени связана с сопротивляемостью делинквентности.

Таблица 2.4

ЗАВИСИМОСТЬ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ
ОТ ФАКТОРОВ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СОСТАВА СЕМЬИ

Фактор	Сексуальное насилие (%)	Отсутствие сексуального насилия (%)
Отношения с матерью (n = 26)		
Теплые, средние, вариабельные	58.3 (12)[a]	78.6 (14)
Холодные, равнодушные, враждебные	41.7(12)	21.4 (14)
Отношения с отцом (n = 25)[b]		
Теплые, средние, вариабельные	8.3 (12)	69.2 (13)
Холодные, равнодушные, враждебные	91.7(12)	30.8 (13)
Социально-экономическое положение (n = 28)		
Обеспеченное, среднее	46.2 (13)	66.7 (15)
Малообеспеченное, необеспеченное	53.8 (13)	33.3 (15)
Доминирующий родитель (n = 24)		
Отец	27.3(11)	30.8 (13)
Мать	72.7(11)	69.2 (13)
Постоянство места жительства (n = 28)		
Стабильное на всех этапах развития	30.8 (13)	33.3 (15)
Эпизодические переезды	46.2 (13)	46.7 (15)
Постоянные переезды	23.1 (13)	20.1 (15)
Состав семьи (n = 26)[c]		
Оба биологических родителя	53.8 (13)	84.6 (13)
Один биологический и один приемный родитель	46.2 (13)	15.4 (13)

[a] Цифра в скобках = общее число включенных в категорию
[b] $p < .01$
[c] $p = .09$

Наше исследование показало также, что вместо раскрытия себя в соответствующих возрасту интересах и занятиях в подростковом возрасте убийцы погружались в собственный мир агрессивно-сексуальных фантазий. Нетрудно заметить, что фантазии ребенка, первоначально призван-

ные помогать ему справляться с издевательствами и тяготами домашней жизни, постепенно перенаправляют его из реального мира в его собственный, где можно осуществлять полный контроль насильственными методами. Эти фантазии становятся критически важными для ребенка, а впоследствии и для мужчины. Однако это не фантазии о побеге в лучшую жизнь, часто свойственные детям, восстанавливающимся после сексуальных надругательств или жестокого обращения. Эти мужчины не компенсировали пережитую в детстве агрессию идиллическим мировосприятием или творчеством. Напротив, их энергия сосредоточилась на фантазиях об агрессии и контроле над другими, втайне имитирующих издевательства над ними самими и отождествляющих их с агрессором. Как сказал один из убийц: «Никто не потрудился выяснить, в чем была моя проблема, и никто не знал о моем воображаемом мире».

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ

Мы считаем поведение и жизненный опыт важными индикаторами того, что будет мотивировать убийцу в дальнейшем. В рамках данной работы нами были изучены эти факторы, которые мы назвали поведенческими индикаторами действий по отношению к другим в связи с возможностью их влияния на акты агрессии со стороны объектов исследования. Для анализа поведенческих индикаторов использовался контрольный список симптомов и поведенческого опыта (см. табл. 2.5). Контрольный список был создан на основе стандартного опросника, используемого в социально-психологических исследованиях, с включением индикаторов преступного поведения и мышления, полученных из

опыта изучения преступности профайлерами ФБР. Однако читателю следует помнить, что многие из этих поведенческих симптомов не имеют строгого определения или возможности измерения. Например, не существует метода количественной оценки модели мастурбации[1].

> Такие факторы, как сексуальные отклонения и пережитое в детстве сексуальное насилие, оказывают значительное влияние на формирование личностей убийц.

Детство. Анализ 24 позиций контрольного списка показывает, что в детстве у свыше 50% убийц имели место мечтательность (82%), компульсивная мастурбация (82%), замкнутость (71%), патологическая ложь (71%), энурез, или недержание мочи (68%), нежелание подчиняться (67%), ночные кошмары (67%), порча имущества (58%), пиромания (56%), воровство (56%), жестокость по отношению к детям (54%) и комплексы по поводу своей внешности (52%).

Подростковый возраст. В подростковом возрасте у свыше 50% убийц имели место агрессивные действия, направленные на взрослых (84%), нежелание подчиняться (84%), компульсивная мастурбация (82%), воровство (81%), мечтательность (81%), замкнутость (77%), патологическая ложь (75%), ночные кошмары (68%), комплексы по поводу своей внешности (63%), жестокость по отношению к детям (64%), порча имущества (62%), энурез (60%) и пиромания (52%). Почти половина убийц (46%) сообщила о жестоком обращении с животными в подростковом возрасте.

[1] По-видимому, имеется в виду отсутствие методов непосредственного измерения параметров этого явления, не основанных на проведении опроса. *(Прим. ред.)*

Таблица 2.5

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ УБИЙСТВА НА СЕКСУАЛЬНОЙ ПОЧВЕ, ДЛЯ ДЕТСКОГО, ПОДРОСТКОВОГО И ВЗРОСЛОГО ВОЗРАСТОВ

Особенность	Детство		Подростковый возраст		Взрослый возраст	
	*n	(%)	*n	(%)	*n	(%)
Мечтательность	28	82	27	81	11	81
Компульсивная мастурбация	28	82	28	82	11	81
Замкнутость	28	71	26	11	16	73
Патологическая ложь	28	71	28	75	28	68
Энурез	22	68	20	60	20	15
Нежелание подчиняться	27	67	25	84	25	72
Ночные кошмары	24	67	22	68	21	52
Порча чужого имущества	26	58	26	62	23	35
Пиромания	25	56	25	52	25	28
Воровство	27	56	27	81	25	56
Жестокость по отношению к детям	28	54	28	64	27	44
Комплексы по поводу внешности	27	52	27	63	26	62
Приступы ярости	27	48	26	50	25	44
Проблемы со сном	23	48	22	50	22	50
Агрессивность по отношению к взрослым	25	38	25	84	28	86
Фобии	24	38	23	43	24	50
Побеги из дома	28	36	26	46	26	11
Жестокость по отношению к животным	28	36	26	46	25	36
Предрасположенность к несчастным случаям	24	29	22	32	22	27
Головные боли	21	29	21	33	22	45
Порча собственного имущества	25	28	23	35	23	35
Расстройства пищевого поведения	26	27	25	36	26	35
Конвульсии	26	19	24	21	23	13
Самоповреждение	26	19	24	21	25	32

n = количество испытуемых, предоставивших информацию

Взрослый возраст. Во взрослом возрасте у свыше 50% убийц имели место агрессивные действия, направленные на взрослых (86%), мечтательность (81%), компульсивная мастурбация (81%), замкнутость (73%), нежелание подчиняться (72%), патологическая ложь (68%), комплексы по поводу своей внешности (62%), воровство (56%) и ночные кошмары (52%).

В чисто описательных целях мы используем для классификации поведенческих индикаторов термины «внешние» и «внутренние». К внутренним особенностям поведения относятся присущие данному индивиду образ мыслей и жизненный опыт. Мечтательность, компульсивная мастурбация и замкнутость — внутренние поведенческие индикаторы, наиболее устойчиво наблюдавшиеся на протяжении трех периодов развития убийц. К внешним особенностям поведения относятся те, которые могут наблюдаться другими людьми. Наиболее часто упоминавшиеся из них — патологическая ложь, нежелание подчиняться, воровство, жестокость по отношению к детям и агрессивные действия, направленные на взрослых.

Интервью с 36 осужденными преступниками, совершившими убийства на сексуальной почве, позволили получить более глубокое представление именно об их внутреннем мире. Как указывалось в предыдущей главе, мы считаем, что этот мир содержит установки, убеждения и обоснования относительно подробностей совершения убийства. Такие установки и убеждения подпитывают фантазии, не позволяющие преступнику связать себя с жертвой каким-либо позитивным, сочувственным или эмпатическим образом. Напротив, убийца постоянно прибегает к фантазиям для построения конструктов и убеждений, оправдывающих жестокость и умаляющих их воздействие на жертву.

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Изучение показателей деятельности этих убийц выявило еще один парадокс. Несмотря на их ум и способности, они часто показывали низкие результаты в учебе, работе и воинской службе. Степень успешности во всех этих областях не соответствовала их потенциалу (см. табл. 2.6). Многие преступники с детских лет ощущали себя неудачниками. По всей видимости, в конечном итоге они компенсировали низкую успешность именно фантазиями, в которых имели полный контроль над всем.

Хотя уровень умственного развития подавляющего большинства этих преступников позволял им хорошо учиться в школе, в начальных классах некоторые из них оставались на второй год. Один убийца с показателем IQ 112 сказал следующее:

> Во втором классе я не успевал, потому что оказался необучаемым. [Родители] меня хотели вообще из школы забрать. Хотели, чтобы я сидел дома и работал на ферме. Но потом я сразу перескочил в третий класс, потому что сдал экзамены за весь второй, и там что-то у меня шло отлично, а что-то — вообще никак. В арифметике я был силен, а с грамматикой ничего не получалось.

Только треть испытуемых показывали среднюю или выше средней успеваемость в средней школе, а 22 учились плохо или очень плохо. Большинство среднюю школу не закончили.

Кроме того, мужчины часто упоминали об отставании в учебе в связи с детским ощущением собственной неполноценности. Как сказал один из убийц:

Со своим образованием я подзадержался. Когда я попал в тюрьму, там со мной сидел один университетский профессор. Он и научил меня толком читать. Времени не жалел, помогал мне с гласными. Засиживался со мной, не относился как к какому-то тупому малолетке. Разговаривал со мной так, будто я ему ровня.

Таблица 2.6

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вид деятельности	**Положительные/ Всего ответов**	**Процент**
Учеба		
Повтор учебного года	11/30	36
Незаконченное среднее образование	17/36	47
Низкая успеваемость в старших классах	15/25	60
Работа (до совершения убийства)		
Постоянная работа	7/35	20
Непостоянная работа	24/35	69
Безработный	4/35	11
Военная служба		
Судимость в период военной службы	4/14	29
Уволен с положительной характеристикой или на общих основаниях	6/14	42
Уволен по приговору суда/по нежелательности дальнейшей службы/по медицинским основаниям	8/14	58

В дополнение к школьной успеваемости мы изучили успехи испытуемых в работе. Несмотря на уровень умственного развития, позволяющий заниматься квалифицированным трудом, большинство преступников имели небогатый опыт работы даже на позициях, не требую-

щих наличия квалификации. Только 20% из них когда-либо имели постоянную работу. Так, послужной список одного преступника за три года, предшествовавших его аресту за тройное убийство, выглядел следующим образом: мясник (восемь месяцев), продавец/разносчик товаров (пять месяцев), несколько временных работ (восемь месяцев), радиомеханик (три месяца), безработный (десять месяцев), мастер по ремонту телевизоров (два месяца).

Не отличалась успешностью и воинская служба. Только четверо из четырнадцати служивших в армии были уволены с положительной характеристикой. Один из них относит зарождение своих девиантных фантазий к периоду после увольнения из армии.

> Мои детские и подростковые фантазии сильно отличались от тех, которые появились после возвращения из Вьетнама. В тех, которые были в подростковом возрасте, я бывал всего лишь жертвой и только после Вьетнама начал фантазировать, как выплескиваю ярость и гнев на внешний мир, женщин и общество.

Двое мужчин были уволены на общих основаниях, трое — по нежелательности дальнейшего прохождения службы, и еще двое — по медицинским основаниям. Одно из увольнений в запас последовало в результате «явно выраженной агрессии по отношению к женщинам». В данном случае командование решило уволить мужчину в запас, поскольку сочло вероятной причиной этого тяготы военной службы. Как ни прискорбно, но впоследствии агрессивность этого мужчины вылилась в убийство нескольких женщин.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При оценке социального окружения и главных событий детства объектов нашего исследования целесообразно рассматривать их с точки зрения важности для формирования предпосылок преступного поведения в дальнейшем. Наличие определенных талантов, которые обычно способствуют положительному развитию и достижению жизненного успеха, не отвратило этих людей от убийства. Напротив, они были полностью поглощены своими личными и семейными проблемами. Можно ли утверждать, что именно эти проблемы обусловили склонность к человекоубийству во взрослом возрасте? Подобные причинно-следственные связи труднодоказуемы, однако разумно предположить, что неудовлетворительное социальное окружение включает также и внешних интервентов в лице учителей, сотрудников органов по работе с несовершеннолетними и врачей-консультантов, к которым направляют для обследования проблемных детей. Примечательно, что 25 из этих 36 мужчин в детском или подростковом возрасте проходили психиатрическую экспертизу или подвергались принудительному лечению. Многие люди, включая родителей, не уделяли должного внимания поведению мальчика, бездействовали и руководствовались ложными представлениями о развитии детей (например, «дети есть дети»).

> Большинство убийц имеют схожие поведенческие паттерны на протяжении своего развития, а также отличаются отсутствием успехов в учебе, работе и военной службе.

Со временем основанные на негативных установках стереотипы мышления и взгляды развивались и перерастали в безусловное оправдание насилия над людьми.

3
Потребность убивать: стереотипные реакции

Ответы 36 исследованных нами убийц на фундаментальный вопрос о том, что послужило толчком к их первым убийствам, показали, что для группы в целом были характерны: (1) продолжительное добровольное существование в собственном воображаемом мире; (2) увлеченность мыслями о насилии и фантазиями сексуальной направленности. В преддверии первого убийства эти фантазии в основном концентрировались на умерщвлении. Фантазии же, появлявшиеся после первого убийства, часто концентрировались на совершенствовании навыков маньяка.

С недавнего времени роль мыслей и фантазий в мотивах и поведении подозреваемых лиц изучается в контексте насильственных преступлений, особенно убийств на сексуальной почве. За последние двадцать лет роль садистских фантазий была объектом внимания целого ряда исследований (Brittain, 1970; Reinhardt, 1975; Revitch, 1965, 1980; Westet al., 1978), в частности, Маккалох и коллеги (1983) предположили, что акты садизма прямо связаны с фантазиями и что фантазии определяют поведение.

Анализируя информацию, почерпнутую из наших интервью с убийцами, мы попытались увязать количественные данные с показаниями самих убийц о наличии у них агрессивных мыслей и фантазий, направленных на сек-

суализированную смерть. Результаты свидетельствуют о том, что такие паттерны мышления сформировались на ранних этапах жизни и существовали в контексте социальной изоляции.

Центральная роль фантазирования в процессе формирования мышления у этих мужчин отмечена в высказывании одного из них: «Всю свою жизнь я понимал, что в конечном итоге буду убивать». Она заметна и в высказывании родителя одного из испытуемых: после осуждения сына за фетишизированный разбой он высказал опасение, что переменчивость настроений и замкнутость доведут того «до чего-то действительно ужасного и трагического».

Современные представления о стереотипах мышления как о факторах стереотипов поведения (Beck, 1976) в сочетании с исследованиями садистских фантазий (Brittain, 1970; MacCulloch et al., 1983; Ressler et al., 1985) служат основой нашей гипотезы о том, что фантазирование является фундаментом мотивации к убийству на сексуальной почве.

РОЛЬ ФАНТАЗИЙ

В фантазиях маньяка убийство является своего рода компенсацией. Поскольку эти преступники считают, что имеют право на все что угодно и что жизнь к ним несправедлива, фантазия становится для них отдушиной и местом, в котором можно самовыражаться и властвовать над другими людьми. Занимая центральное положение в жизни этих людей, фантазии становятся их личным и ярким представлением об объективной реальности.

Как заявил один из убийц: «Убийство — очень реальная штука… Нужно сделать все необходимое, чтобы

остаться непойманным». Он разграничивает сам акт человекоубийства и последствия его устоявшихся фантазий о насилии и причинении смерти. Его слова говорят о том, что после совершения убийства преступник должен справляться с реалиями, образующимися в результате его поступка, что запускает процесс дальнейшего развития мира его фантазий. Это явление будет рассмотрено в главах 4 и 5, посвященных этапам убийства.

Что именно порождает мысль об убийстве? Под мыслями понимаются идеи, являющиеся результатами работы головного мозга, получившего стимулы извне (Gardner, 1985). Мечтание определяется как любая когнитивная деятельность, свидетельствующая о переключении внимания с некой конкретной задачи на что-либо еще (Singer, 1966). Согласно нашему определению, фантазия есть тщательно продуманная идея, являющаяся предметом глубокой озабоченности, закрепившаяся в эмоциях и уходящая корнями в мечтания. Обычно фантазия переживается мысленно, хотя индивид может осознавать присутствие образов, чувств и внутреннего диалога. Некоторые люди осознают только мысли, некоторые — только чувства. Как у взрослых, так и у детей фантазирование является нормальным способом создания воображаемой ситуации и осуществления контроля над ней.

Однако уровень развития фантазии у разных индивидов может различаться и обычно основывается на способности человека идентифицировать определенные мысли как мечты, формулировать их содержание и воспроизводить в памяти. Сингер (1966) отмечал, что 96% взрослых предаются мечтам несколько раз в день, а по замечанию Береса (1961), фантазии могут и замещать действия, и подготавливать почву для них. Садистские фантазии

могут иметь место у самых разнообразных групп людей (MacCulloch et al., 1983). Скольким людям удается воплотить их садистские фантазии и в каких условиях это может происходить, неизвестно, но Шлезингер и Ревич (1980) предупреждают, что нарастание фантазии до точки непереносимого стресса открывает путь к действию.

В то время как в научной литературе принято считать, что психологические мотивы насильственных преступлений коренятся в травмах, обидах и/или сверхстимуляциях раннего детства, мы думаем иначе. Мы предполагаем, что этих мужчин мотивировал на убийство их способ мышления. Их модели мышления формировались постепенно, в соответствии с приобретаемым опытом детских лет жизни. Так, ребенок, которого бьют его родители, приучается ожидать побоев от любых взрослых и находиться в постоянном ожидании удара. Он может мечтать (фантазировать), что на помощь ему приходит некто, способный проучить взрослых. Это может приносить облегчение, поскольку в фантазиях его защищают. Кроме того, при побоях ребенок может психологически отдаляться от боли. Перед лицом обидчика он может бравировать своей властью над болью: например, принимать побои не защищаясь и не отводя глаз. С помощью фантазии ребенок может повышать или понижать степень ужаса происходящего. Развитие такой модели мышления необязательно означает, что ребенок вырастет домашним насильником, наш пример лишь иллюстрирует роль фантазий и процесс их формирования.

В следующем разделе мы описываем значение мыслей и фантазий как среды, в которой убийство является нормальным и оправданным. У исследованных нами убийц налицо проявления в раннем возрасте фантазий, порождающих агрессию и садистские идеи. Эти фантазии

реализуются в домашнем кругу и в играх со сверстниками. Некоторые из них принимают форму устойчиво повторяющихся паттернов, которые впоследствии находят свое выражение в моделях убийства.

Развитие фантазий на ранних этапах жизни

В раннем возрасте фантазии находят свое выражение в играх детей. По мере развития ребенка его навык владения языком и фантазия развиваются. Детские фантазии обычно позитивны и способствуют его научению через однотипные представления и образную репетицию действий. В наших интервью с преступниками особенно примечательным было именно отсутствие воспоминаний о позитивных детских фантазиях. Остается неясным, действительно ли таких фантазий не было или же положительные детские воспоминания преступников терялись в пучине негативных взглядов и поступков? Говоря о развитии фантазирования в детском возрасте, важно помнить, что не все дети реагируют на свою среду агрессивными фантазиями и не все они воплощают их в действие и становятся убийцами. Преступников отличает именно фантазирование с полной самоотдачей и тайной верой в реальность своих фантазий. В нижеследующем примере руководство школы отдавало себе отчет в чрезмерной мечтательности ребенка, но никто не озаботился проработкой содержания этих фантазий с мальчиком:

> Я стыдился таких мыслей [о родных] и подавлял их, враждебность нарастала и нарастала, а потом выстреливала фантазиями… В школе они могли бы обратить на это внимание, я ведь настолько уходил в свои мечты, что мне всегда замечание в дневник записывали… А мечтал я о том, чтобы уничтожить всю школу.

Сексуализация детских фантазий

Свидетельства наличия у исследованных нами 36 убийц детских сексуальных фантазий были получены от родителей, воспитателей и самих преступников. Сюжетные схемы их детских игр интерпретировались как выражающие доминантные фантазии. Некоторые преступники вспомнили свои игры и фантазии латентного[1] и пубертатного периодов. Родители предоставили информацию о фантазиях дошкольного возраста. В одном случае мать вспомнила, как обнаружила своего трехлетнего сына с ниткой, один конец которой был завязан на его пенисе, а другой был зажат ящиком письменного стола. Такое поведение предполагает, что это был не первый инцидент подобного рода, и указывает на циклическое фантазирование сексуального и аутоэротического характера. Кроме того, представляется наиболее вероятным, что первоначально подобным вещам ребенка учит кто-то из старших, и в данном случае мы считаем, что это была его няня. Таким образом, можно видеть, как совсем маленький ребенок перенес фантазию на свою игру в отсутствие няни.

Агрессивные составляющие детских фантазий

Рассказы убийц об их любимых играх детства, особенно в латентном возрасте, указывают на повторяющиеся воплощения базовых агрессивных фантазий. Это повторение является не только ментальным конструктом. Говоря о детских фантазиях, мы говорим о явно доминирующих фантазиях, которые становятся постоянными темами игр ребенка с другими детьми или с самим собой. Такая по-

---

[1] В теории Фрейда латентной фазой психосексуального развития называется возраст от 6 до 12 лет. *(Прим. ред.)*

вторяемость может прямо выражать изначальные насилие или агрессию. Так, в возрасте пятнадцати лет один из объектов исследования затаскивал мальчиков младше себя в туалет исправительного центра и принуждал их к оральному и анальному сексу, воссоздавая таким образом собственную виктимизацию в десятилетнем возрасте. На сознательном уровне он не связывал свое поведение с ранее пережитыми актами насилия. Сексуализированные подростковые ритуалы не ассоциировались у него с виктимизацией прошлого. Эти подчас аномальные ритуалы скорее служили демонстрацией вторичного стремления к господству и контролю над людьми и ситуациями.

Детские фантазии во многом влияют на дальнейшее развитие личности. Сексуальные, садистские, агрессивные фантазии часто проявляются у преступников еще в детстве.

Еще один преступник подростком открыто мастурбировал у себя дома, преимущественно на виду у своих сестер, используя в этих ритуалах их нижнее белье. Это поведение выражало состояние перевозбуждения, в которое его приводили детские воспоминания о виктимизации со стороны взрослого. Он рассказывал, что реакцией на его мастурбацию были карательные меры со стороны матери и неприятие членами семьи. Было очевидно, что даже воспоминание об этом заставляет его мучиться и страдать. Он явно игнорировал непристойность своих поступков, оставаясь при этом оскорбленным их реакцией, нетерпимостью, несправедливостью и ощущением своей отверженности.

Из наших бесед с преступниками мы получили лишь некоторое представление о высокой степени эгоцентризма их игр и фантазий, в которые другие дети и члены

семьи включались лишь в качестве элементов расширения внутреннего мира. Информации для более глубокого анализа воздействия их поведения на окружающих было немного. В одном случае объект исследования в двенадцатилетнем возрасте регулярно играл с сестрой в «газовую камеру». В этой игре сестра должна была связать его, посадить на стул и нажать воображаемую кнопку. При «поступлении газа» испытуемый падал на пол, бился в конвульсиях и «умирал». Эта игра сочетала в себе фантазии на темы секса и смерти.

Также у объектов исследования было отмечено зарождение фетишистских наклонностей в детском возрасте. Некоторые испытуемые рассказывали, что еще в возрасте 5–6 лет их сильно интересовали и привлекали дамские туфли на шпильке, нижнее белье и веревки. Часть преступников осознавала наличие у себя более активного и навязчивого интереса к подобным предметам в подростковом и взрослом возрасте. В дальнейшем, когда они начали убивать, эти фетиши приобрели еще большее значение в качестве ритуальных элементов убийств.

Ранние проявления сексуальных и агрессивных фантазий

Фантазии раннего возраста часто бывают причиной поступков, предшествующих преступному поведению (MacCulloch, 1983). Такие поведенческие предвестники способны привлечь ребенка к процессу причинения боли. Они могут проявляться как едва заметным, так и явным образом. Они могут быть заметными для всех (например, издевательства над младшими) или же обнаруживаться сотрудниками правоохранительных органов при их контакте с юным правонарушителем. Хотя подобным контак-

там часто не придают особого значения и списывают их на проблемы подросткового возраста, они могут свидетельствовать об эскалации агрессивности по отношению к окружающим.

Особенно наглядным в плане усиления проявлений подобных фантазий является приводившийся выше пример мальчика, обнаруженного матерью с пенисом, привязанным к ящику письменного стола. Уже в подростковом возрасте родители обнаружили его в ванной комнате за занятиями аутоэротической асфиксией с пенисом и шеей, привязанными к стойке душа. В возрасте четырнадцати лет они заметили на его шее следы от веревки и отвели к психиатру. В семнадцатилетнем возрасте, угрожая оружием, он заставил девочку-подростка пойти с ним в заброшенный дом, где продержал ее всю ночь до утра. Девочка заявила в полицию, и юношу задержали, а потом отпустили. В протоколе его вина значилась как «причинение неудобств». Агрессивные действия по отношению к жертве заключались в угрозе оружием и принуждении к выполнению указаний. Здесь следует обратить внимание на перенос правонарушителем объекта агрессии с самого себя на легко контролируемую жертву (человека младше и слабее себя под угрозой оружия). В тюрьму этого преступника отправили лишь в позднем подростковом возрасте, когда он начал преследовать женщин и, угрожая ножом, связывать их с последующим совершением развратных действий. После выхода из тюрьмы его преступная деятельность вылилась в убийство трех молодых женщин путем удушения.

Интересно, что эти ранние проявления агрессивных фантазий зачастую являются самыми неприятными воспоминаниями для преступника, от обсуждения которых

он старается уклониться. Мы предполагаем, что данный мужчина осознавал, что контролировал свои поступки, и понимал, что переступает черту. Другими словами, он понял, что может поступать жестоко и безнаказанно убивать, поскольку предыдущие деяния практически сошли ему с рук. Он не чувствовал ответственности перед законом. Такие люди очень рано приобретают опыт власти над жизнью и смертью и возможности контролировать, калечить и убивать по собственному усмотрению.

Садизм. На первых порах детская агрессия может быть направлена на животных. Некоторые убийцы рассказывали о своем детском садизме по отношению к животным. В одном случае убийца еще ребенком получил кличку Док, очевидно, из-за того, что любил разрезать животы кошкам и наблюдать, насколько далеко они убегут, прежде чем погибнут. В другом случае убийца ответил на вопрос об агрессии к животным рассказом о том, как убил кошку и как пережил утрату любимой собаки:

> Однажды я убил кошку... Сам не знаю зачем. Просто был зол, а эта кошка попала под горячую руку, и я ее придушил. Это был единственный раз, когда я убил животное... Когда я был маленьким, у меня была собака, а кто-то накормил ее битым стеклом, и нам пришлось ее усыпить. Для меня это было большим потрясением. Больше у меня никогда не было собаки.

В этом примере заметны несколько моментов: смещение гнева на животное, отождествление с агрессором, скормившим битое стекло собаке, и чувство глубокого потрясения. Будучи рассмотренным в связке с девиантным поведением преступника, этот эпизод проясняет повто-

ряющуюся схему его преступлений (вырывание ногтей у женщин с последующим их убийством путем удавления) и последующие угрызения совести. В беседах с агентами он признавался, что понимает, что продолжит убивать, и что, хотя чувство вины не удерживает его от дальнейших убийств, после каждого случая он испытывает угрызения совести.

Еще один убийца рассказал о том, как выставление виновником инцидента кошки (а не себя самого) в итоге вылилось в жестокое обращение с животными:

> Однажды, когда шел дождь, я нашел котенка. Он весь дрожал, и я принес его домой. А недели через две у нас блохи скакали по всему дому. После этого я просто возненавидел кошек.

На вопрос о том, что стало с кошкой, он ответил:

> Не знаю, что с ней стало. Отец думал, это я что-то с ней сделал, а я думал на него, потому что как-то прихожу домой из школы, а кошки нет… Вот тогда-то я и начал привязывать кошкам к лапам петарды, поджигать их и смотреть, как она шпарит по улице… Кучу кошек лап лишил.

Начиная с самого детства доминирующие представления и игровые модели преступников характеризуются крайней агрессивностью и жестокостью. Преступники осознают глубину и тщательность проработки своих фантазий. Их воображение учитывает любые действия, способные приблизить выброс ярких эмоций. Действия же служат импульсом для еще более изощренных и жестоких мыслей. То, что может показаться внезапной переменой в человеке, неожиданно для всех совершившем убийство, на самом

деле является результатом большого объема сознательной и подсознательной деятельности и подготовительных шагов. Этот процесс окончательно закрепляет центральное место в жизни таких людей за актами агрессии и убийствами. Теперь это естественные и оправданные поступки.

Помимо животных жертвами жестокого обращения могут становиться предметы или сверстники. Силу символики детских игр демонстрирует следующий эпизод. Один из объектов исследования связал свои кровожадные преступления с подростковой привычкой обезглавливать кукол сестры: «Ребенком я с сестринскими куклами так же поступал… просто откручивал им головы». В другом случае преступник рассказал о своем поступке по отношению к мальчику своего возраста: «Когда я был мелким, поссорился с одним парнишкой и гонялся за ним с топором».

В одном из случаев период времени между жестоким обращением с животными и воплощением фантазий о человекоубийстве оказался очень коротким. Преступник в подростковом возрасте убил своих дедушку и бабушку. В дальнейшем он не связывал свои агрессивные фантазии с умерщвлением животных, за которым последовало убийство его родственников. Хотя на сознательном уровне он не отдает себе отчета в причинах этого убийства, его подсознательные ассоциации проявляются в этом фрагменте интервью:

> Мы со сводным братом бегаем с палками по двору, хотим замочить здоровенную сойку. Мы ее ранили, она мечется туда-сюда, орет, а мы стараемся прикончить ее, пока отчим не заметил. Иначе он с нас шкуру сдерет за своего пернатого друга. И дед с бабкой были такие же со своими маленькими пушистиками да птичками всякими. Так что я валил все, что летает, когда как следует в стрельбе натренировался.

Преступник описывает жестокую и агрессивную псевдоигру, заключающуюся в истреблении птиц, которая, как им со сводным братом понятно, приведет в бешенство отчима. С точки зрения языкового наполнения фантазии показательно, что в связи с предсказуемой реакцией отчима он использует выражение «содрать шкуру», обычно употребляемое по отношению к тушам животных.

Далее этот убийца рассказал, что в возрасте 12 лет ему подарили ружье. Когда ему было 14, его дедушка и бабушка потребовали отдать им это ружье из-за его привычки стрелять куда ни попадя. За это он их застрелил. Он смог увидеть связь между решением убить и использованием огнестрельного оружия, но не связывал убийство родственников с их требованием вернуть ружье. О недостатке желания разобраться в своем явно агрессивном поведении с огнестрельным оружием говорит следующий фрагмент интервью:

Сотрудник: Как вы думаете, есть ли какая-то взаимосвязь между умением обращаться с оружием и способностью убить человека?

Преступник: Конечно, это полезно. Это становится чертой характера.

Сотрудник: Уже после пары выстрелов?

Преступник: Нет, я думаю, это неважно, пока ты не решил начать убивать. Но уж тогда это просто чертовски хороший навык, как у ветеранов, у которых крыша съезжает.

Как ни прискорбно, в попытке прекратить его выходки дедушка и бабушка забрали ружье, вместо того чтобы спросить: «Что с тобой, почему ты так используешь оружие? Что у тебя в голове?» Мы предполагаем, что этот убийца

не захотел обнажать свой внутренний мир и совершил убийство, чтобы оставить свои фантазии в целости и сохранности. Он знает лишь, что принял решение убить. Он не увязывает это решение с конкретными предпосылками. Единственное, что ему известно, — это то, что он заранее принял решение об убийстве. Этот трагический пример показывает рано проявившуюся у мальчика силу преступного воображения и его отчаянное желание хранить свои мысли при себе. Отбыв срок в колонии для несовершеннолетних, он вышел на свободу с пониманием, что будет убивать вновь. Вскоре после своего освобождения он начал убивать женщин.

Нам представляется, что ранняя сексуальная агрессивность в сознании ребенка подкрепляется ритуализированными играми с другими детьми. В этот момент происходит уточнение фантазии, и ее воплощения становятся все более продуманными. Модель агрессивного возбуждения находит свое выражение в играх, а затем в действиях, направленных против людей или других живых существ, обычно без боязни неодобрения или санкций со стороны взрослых. Эти мужчины еще в раннем возрасте осознают, что агрессивное поведение может сойти им с рук. Многие из них подчеркивали, что делали то, о чем помышляют все остальные.

Самовиктимизация. В детстве исследованных нами убийц имели место проявления не только садизма, но также и самовиктимизации, или мазохизма.

Детские фантазии одного из преступников указывали на некую фиксацию на его внутренних органах. Он рассказал о следующем случае, произошедшем с ним в пятилетнем возрасте (критически важном для гендерной идентификации). Он спал в одной кровати со своей

матерью и беременной теткой, когда у последней началось сильное кровотечение. Кровь была на постели, на полу спальни и в ванной, где у женщины случился выкидыш. Кроме того, примерно в то же время его бабушке удалили матку. Можно предположить, что сон с двумя взрослыми женщинами стимулировал ощущение уюта и близости, которое было разрушено непонятной и пугающей сценой. Зрелище крови и выкидыша, судя по всему, возбудило у испытуемого болезненное любопытство к внутренним органам женщин и своим собственным. Далее преступник сообщил об одной детской фантазии: он увидел на своем животе муравья и решил, что тот собирается продырявить его насквозь. Он также рассказал о сне, в котором его живот разрастался в три-четыре раза, а он безуспешно пытался отрезать его ножом. Здесь заметна фантазия и на тему беременности, и на тему аборта. Тематика наличия обеих альтернатив присутствует в его фантазиях о существовании в виде мужчины и женщины одновременно и о наделении женщины фаллосом («Я воображал, как попадаю в плен к амазонкам, они занимаются со мной сексом и протыкают копьями в момент оргазма»). Непоследовательное самоотождествление с женским полом отчетливо выражалось у мужчины и во взрослом возрасте. Впоследствии он воплощал это в своих убийствах. Впрочем, сам он не усматривает связи между своими мыслями раннего периода жизни и преступлениями. Он сообщает о «нормальных» подростковых фантазиях об обнаженных красотках с плакатов и одноклассни-

> Часто желание убивать людей происходит из жестокого обращения с животными в детстве. Иногда этот переход происходит пугающе быстро.

цах. Преступник вспоминает, что аномальные фантазии имели место только на территории ванной комнаты, а обычной мастурбацией он занимался в кровати. Такое разделение можно связать с его детским переживанием: в кровати он спал с матерью и теткой, а ванную комнату увидел после тетиного выкидыша. Испытуемый списывает свои мысли на проблемы подросткового периода и утверждает, что не помнит об аномальных фантазиях после окончания средней школы. С достижением взрослого возраста у него стали возникать вспышки ярости и агрессии, связанные с сексуальными фрустрациями. Он рассказывает, что однажды схватился за кухонный нож, чтобы ударить им свою подружку, которая в шутку заигрывала с ним, но положил его и прогнал эту мысль из головы. Эта фантазия на тему проникновения заметна в его преступлениях: он калечил жертв, вспарывая им животы. Опрос показал, что в 13% случаев (15 из 118 жертв) преступники совершали акты мазохизма во время своих убийств.

Агрессия во взрослом возрасте

Элементы детской игры часто проявляются в убийствах, совершаемых взрослым преступником. Убийца, отрывавший головы куклам, обезглавливал жертв; тот, кто в детстве гонялся за приятелем с топором, использовал его в своих преступлениях. Добавим, что убийства этих двоих отличались все возрастающим количеством наносимых жертвам увечий.

Проявление и приятие мощных садистских и кровожадных порывов, наряду с аномальными проявлениями сексуальной агрессивности, обескураживающе ярко проявляются и во взрослом возрасте. Сомнения относительно

возможной неправильности такого поведения практически отсутствуют. Напротив, внимание уделяется исключительно самовыражению. Один из преступников описывает подобную ситуацию следующим образом:

> Как-то в армии я стою в карауле и вижу, как один парень лезет через забор. Он путается в проволоке, я начинаю смеяться, и тут он хватает меня за грудки и начинает мне угрожать. Говорит, если проболтаюсь, то прибьет меня. А у меня же с собой карабин — я снимаю его с предохранителя и начинаю стрелять. Я прогнал его через семь рядов палаток, хотел прямо там убить. Ну а что? Он меня за грудки хватает ни с того ни с сего, мол, чего это я смеюсь, вот и выбесил он меня.

Постепенное развитие фантазий

Интервью с объектами нашего исследования показали, что фантазии часто развиваются постепенно. Приведенный ниже пример служит иллюстрацией того, как детские фантазии серийных убийц постоянно развиваются по мере совершения преступлений. В данном случае фантазии стали следствием перемещения детской спальни преступника в подвальное помещение без окон, что, очевидно, привело его в воображаемый мир, где он провел бóльшую часть последующей жизни.

Детская фантазия:

> Мне было восемь, снились кошмары, и как раз тогда я ударился в болезненные фантазии и ступил на кривую дорожку. В моей комнате поселился сам дьявол, он жил у меня в печи. Она пыхтела в углу напротив и зловеще светилась по ночам.

Подростковая фантазия. Далее в интервью этот же мужчина рассказывает о мотивах, побудивших его на убийство:

> Задолго до того как я приступил к убийствам, я понял, что буду убивать, что дело этим кончится. Слишком уж сильно фантазировал. Слишком долго и слишком детально.

Взрослая фантазия. После первого убийства фантазия стала реальностью. Для повторных преступлений требовалось как-то изменить ее структуру. Тот же убийца рассказывает о развитии своей фантазии:

> С первыми двумя убийствами это было больше похоже на черную комедию, потому что за первые сутки я совершил три фатальные ошибки. Чудом не попался… Я обратил внимание на свою разболтанность, собрался и впредь с каждым разом становился все собраннее и собраннее, больше не косячил.

Фантазии на тему изнасилования

Многие из убийц отмечали значение мира грез на ранних стадиях своего развития. На вопрос о возрасте, в котором они начали фантазировать на тему изнасилования, ответили 19 мужчин из 36. В ответах назывался возраст в диапазоне от 5 до 25 лет. Сравнительный анализ показывает, что преступники, подвергшиеся сексуальному насилию в детстве (11 человек), начинали фантазировать на эту тему раньше тех, кто не имел подобного опыта (8 человек), — в среднем в возрасте 11,6 года против 15,3. Семеро из этих мужчин реализовали свои фантазии в течение года после их появления. Помимо прочего, некоторые из преступников признались, что первое изна-

силование было для них и первым сексуальным опытом. Ниже рассказывается о первом изнасиловании, которое один из убийц совершил в 14-летнем возрасте. К 19 годам он изнасиловал и убил пять женщин.

Преступник фантазировал об изнасиловании 25-летней соседки, для которой выполнял мелкие поручения. Чтобы реализовать свою фантазию, он забрался вверх по стене многоквартирного дома, где она проживала («как ворфорточник, с чулком на голове»), и проник в квартиру через балконную дверь. Он знал, что это возможно, по опыту совершенных ранее квартирных краж. Угрожая взятым на кухне ножом, он напал на женщину в ее спальне, ограбил ее и изнасиловал. После преступления полиция опросила всех соседей, в том числе и преступника. Он рассказал подробную историю о том, что, возвращаясь с вечеринки, заметил на парковке дома подозрительного человека, затеял с ним драку и сумел прогнать его. Три недели спустя его арестовали после обнаружения отпечатков пальцев и одежды, уличающих его в совершении этого преступления.

Фантазии убийц не ограничиваются проявлениями в детском возрасте, по мере взросления они лишь развиваются, стремясь вырваться наружу, что в конечном счете и происходит.

Данный пример иллюстрирует предрасположенность преступников к тому, чтобы вмешиваться в ход следствия. Здесь прослеживается интересная связь между реализацией фантазии и отыгрывающим поведением, то есть между преступлением как таковым и попыткой повлиять изнутри на работу правоохранительной системы.

Фантазирование играет важную роль в преступлениях на сексуальной почве. Отвечая на вопросы об убийствах

и подготовке к ним, преступники указывали на важность фантазии в изнасилованиях и убийствах. В этой главе показано, что эти мужчины совершали убийства исходя из своего образа мыслей. Этот образ мыслей формируется когнитивной схемой, складывающейся вследствие психологических травм и отсутствия заботы на ранних этапах жизни; в то же время своими взглядами и действиями они рефлективно стимулируют, подкрепляют и развивают модели поведения, необходимые для совершения преступлений и убийств на сексуальной почве. Их фантазии отражают поступки, основанные на их взглядах и моделях мышления. Обширный детский опыт агрессии и сексуальной озабоченности актами мщения и садизма как с воссозданием травмирующих эпизодов ради собственного удовольствия, так и с повторяющимися игровыми элементами не только развивает и укрепляет их убежденность в правомерности убийств, но также позволяет предварительно испытывать различные методы их совершения. Эта когнитивная деятельность постепенно приводит к сознательному планированию и оправданию актов человекоубийства.

4
Антецедентное поведение и акт убийства

Реализация идей и планов убийства заставляет преступника выбирать из множества различных вариантов поведения. Выбранный образ действий многое говорит о человеке, совершившем преступление, и служит основой для воссоздания картины преступления в ходе расследования. Мы рассматриваем убийство в разрезе четырех отдельных этапов: (1) антецедентное поведение и планирование; (2) непосредственно акт убийства; (3) избавление от тела жертвы; (4) постпреступное поведение. Как указано в главе 3, выбор преступником образа действий на каждом из этих этапов определяется присущими ему моделями мышления. Мы обсудим каждый из этих этапов по отдельности, хотя они и представляют собой частично накладывающиеся друг на друга фазы одного события — убийства. В данной главе мы рассмотрим первый и второй этапы на примере исследованных нами 36 преступников.

ЭТАП 1: АНТЕЦЕДЕНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПЛАНИРОВАНИЕ

Первый этап — антецедентное поведение убийцы — создает фон, на котором происходит преступление. На этом этапе действия преступника определяются предшествующими инциденту стресс-факторами, расположением духа и процессом составления плана.

Предпреступные стресс-факторы

Психологическое и эмоциональное состояние убийцы, его расположение духа и, следовательно, его поведение перед убийством в разной степени определяют события, происходящие вокруг него. В качестве причин своих поступков убийцы часто называют провоцирующие стрессы. Они не всегда отдают себе отчет в базовых проблемах, обусловивших возникновение этих стресс-факторов и играющих важнейшую роль в мотивации. Тем не менее в сознании убийцы эти факторы (например, ссора с родителями) являются более чем достаточным основанием для агрессии, направленной на окружающих, даже совершенно незнакомых. Объекты нашего исследования упоминали в числе стресс-факторов, наличествовавших непосредственно перед совершением убийства, конфликты с лицами женского пола, конфликты с родителями, финансовые затруднения, супружеские проблемы, конфликты с лицами мужского пола, рождение ребенка, телесные повреждения, проблемы с законом, проблемы с работой и стресс в связи с чьей-то смертью.

Конфликты с лицами женского пола. В 48 из 81 случая убийств (59%), по которым имелась соответствующая информация, мужчины заявляли о том, что, по их мнению, почву для совершения убийства подготовил среди прочего некий конфликт с женщиной. В одном из таких случаев убийца рассказал, что познакомился в баре с женщиной и выпивал с ней. Затем она начала подвергать его насмешкам. После этого он подцепил другую женщину и отвел ее к себе домой, где убил с особой жесткостью.

В то же время некоторые убийцы признавались, что в основе стресса, на первый взгляд вызванного конфликтом с женщиной, лежали другие факторы. Один из убийц описал свой дополнительный стресс таким образом:

За три дня до этого я порвал со своей подружкой и чувствовал себя очень тревожно и напряженно. А потом, на следующий день после случившегося [убийства], она позвонила, чтобы сказать, что была не права и хочет меня видеть. Я понимал, что наделал, и все такое, и видеть ее мне было неохота. Так что я избегал ее пару недель… Я сделал это [совершил убийство] не просто потому, что был зол на свою подружку… Тут было влияние среды, были проблемы в школе. Из-за своей девушки я стал прогуливать учебу, и примерно за месяц до того, как все произошло, у меня начались проблемы. Мне кажется, несколько вещей сошлись в одной точке, вот и случилось то, что случилось. На меня и дома давили, чтобы я оценки исправлял, работать шел и так далее.

Конфликт с родителями. Другим значительным стресс-фактором, непосредственно предшествующим убийству, является конфликт убийцы с родителями. В 48 из 86 случаев (53%) преступники говорили о проблемах с родителями. В одном случае убийца несколько раз подрался с отчимом и попытался убить его из револьвера 45-го калибра. В другом случае усыновленный в раннем возрасте молодой человек, получив имя и адрес своей биологической матери, связался с ней. Он отправился к ней домой в полной уверенности, что она возьмет его к себе жить. Однако женщина ему в этом отказала, а позже он узнал, что у него есть сестра, которую воспитала их биологическая мать. Свою ярость из-за этого он неосознанно переносил на своих жертв, напоминавших ему сестру возрастом и внешним видом.

Финансовые проблемы. В 48% из 86 случаев убийств мужчины говорили о существовании у них финансовых проблем в период совершения преступления. Опять же, данный стресс-фактор может быть тесно связан с каким-либо еще, как в следующем примере:

> У меня были кое-какие финансовые затруднения, [тем не менее] с женой отношения были вполне ничего. С родителями я ссорился, потому что все время пил. У меня случались конфликты с тещей, тестем и шурином. У нас с ними то и дело [возникал] какой-нибудь спор.

Высокая степень агрессивности этого мужчины была связана с финансовыми трудностями, алкоголем и проблемами с родственниками. Все эти факторы обусловили его эмоциональное состояние.

Проблемы с работой. Трудности с работой указывались в качестве провоцирующего стресс-фактора в 39% из 90 случаев убийств и предполагались еще в 26% случаев. К проблемам с работой относятся ситуации, когда преступник был безработным или испытывал трудности на рабочем месте. Работодатель одного из убийц сообщил следующее:

> [Преступник] не выполнял приказы и указания. Не ладил с другими сотрудниками. Он часто вступал в конфликты без повода. Сотрудники боялись сказать при нем лишнее слово или перечить ему в чем-либо. От него пахло пóтом, и я не мог заставить его что-то с этим сделать. [Хотя] он неплохо справлялся с доставкой и нареканий от заказчиков практически не было, проблема с ним была в том, что он создавал проблемы другим сотрудникам.

Супружеские проблемы. Поскольку лишь немногие из преступников были женаты, брак не так часто упоминался в качестве источника стресса. Однако в 21% из 89 случаев убийств его указали как одну из проблем. Так, один из убийц признался, что имел связи с другими женщинами и узнал, что у жены тоже есть роман на стороне. В этот

период его фантазии об изнасиловании и убийстве стали особенно яркими.

Дополнительные стресс-факторы. В числе прочих провоцирующих стрессовых событий убийцы называли проблемы с законом (28% из 89 случаев), конфликт с лицом мужского пола (11% из 81 случая), телесные повреждения (11% из 83 случаев), смерть близкого человека (8% из 78 случаев) и рождение ребенка (8% из 89 случаев). Примером последнего события в качестве провоцирующего фактора служит следующий отрывок из тюремного досье преступника:

> Узнав о беременности жены, [убийца] приобрел пистолет, который хранил дома под предлогом того, что на жену могут напасть или попытаться ограбить квартиру, когда он на работе. После рождения первого ребенка в преступнике что-то изменилось. Он стал более озабоченным, жаловался на физические боли, спал беспокойно, а его отношения с окружающими испортились. Он перестал уделять внимание исполнению супружеского долга… Конкретное отношение к рождению ребенка имели три убийства. Первое убийство было совершено спустя шесть недель после этого события, второе убийство случилось, когда жена забеременела вторым ребенком, а третье произошло на следующий день после того, как их первенцу исполнился год.

Сложную взаимосвязь стресс-факторов демонстрирует также следующий пример:

> Убийца, регулярно употреблявший наркотики, сообщил о продолжительной депрессии, что подтверждается его частыми госпитализациями в психиатрические стационары. Мужчина мечтал стать актером и выражал глубокое разочарование

в связи со своей неспособностью получить эту работу. Карта стационарного больного показывает, что в течение нескольких недель перед совершением преступления мужчина находился в депрессии, страдал бессонницей и диареей и говорил о самоубийстве. На следующий день после того, как он обсудил с медперсоналом выписку из больницы, мужчина совершил убийство.

Расположение духа

Расположение духа — общепринятый термин для обозначения доминирующего эмоционального состояния, служащего первичным фильтром и механизмом интерпретации внешних событий. Умонастроение преступников непосредственно перед убийством свидетельствовало о таких крайне негативных эмоциональных состояниях, как фрустрация (50%), враждебность и злость (46%), смятение (43%) и возбужденность (41%). Не менее интересны симптомы и состояния, сопутствующие внутреннему стрессу, такие как нервозность (17%), депрессия (14,6%), страх (10%), безразличие (8,8%) и растерянность (7%). Эти данные показывают, что убийца практически не испытывает эмоций, хоть в какой-то мере указывающих на восприимчивость, что позволяет ему интерпретировать поведение жертвы самым негативным образом. Расположение духа наглядно демонстрирует, каким образом убийца поддерживает свои отрицательные установки и обосновывает свое преступление. Мы можем видеть здесь полное отсутствие эмоций, позволяющих соотнести себя с беззащитностью, болью и ужасом жертвы.

> Совершение убийства обычно спровоцировано стресс-факторами, такими как конфликт с женщиной или родителями, проблемами в семье или на работе, а также трудным финансовым положением.

Предварительное планирование преступления

Что касается планирования, 50% опрошенных убийц оценили свои действия как заранее обдуманные в отношении жертвы, времени и места совершения преступления. Еще 34% признавали, что были в соответствующем настроении и ожидали удобной возможности совершить убийство. В последнем случае может показаться, что преступные деяния были обусловлены импульсивностью маньяков, однако в плане структуры и организации мышления эти мужчины вполне соответствуют первой группе. Зная места и способы привлечения жертв, при удачном стечении обстоятельств они совершают преступление и называют его спонтанным. Остальные 16% преступников считали свои деяния исключительно произвольными и незапланированными. Эти мужчины были лишены механизмов оценки своих действий или не отдавали себе отчета в наличии у них каких-либо мыслей или эмоций, подводящих к кровавой развязке. В то же время нам представляется, что лица, совершающие преступления на сексуальной почве, могут действовать более предумышленно и целенаправленно, чем было принято считать ранее.

Мотивацией к убийству могут послужить сознательная фантазия, план, установка или повод. Убийцы, действующие на сознательном мотивационном уровне, обычно помнят, что думали непосредственно перед убийством. Один из опрошенных нами убийц так описал свою зацикленность на мысли об убийстве: «Весь день меня так и тянуло сделать это, а я все надеялся успокоиться, надеялся заглушить это желание выпивкой».

Такие люди разрабатывают детальный план убийства. Обычно этот план совершенствуется с каждым новым убийством: каждый новый опыт снабжает преступника

новыми идеями. Мужчина, совершивший свое первое преступление после разрыва с подружкой, не планировал его сознательно, но все последующие убийства тщательно готовил во избежание поимки. С каждой новой жертвой этот убийца становился все изощреннее в своих фантазиях.

Других преступников могут толкать на убийство провоцирующие факторы внешней среды. И хотя их действия являются результатом серии различных событий, на самом деле убийство совершается не спонтанно, а в рамках некоего плана. Некоторые, в частности Саменов, ставят под сомнение само понятие спонтанного убийства (Samenow, 1984).

В одном случае предположительно спонтанного убийства преступник встретился со своей жертвой в лифтовом холле многоквартирного дома, оглушил ее и затащил на площадку под крышей. Осмотр места преступления показал, что убийца уже представлял себе свое преступление. Тело находилось в ритуализированном положении, жертва была посмертно связана, а в самом месте преступления была заметна определенная симметрия. Все это указывало на заранее обдуманное преступление.

Предпреступные действия

Поведение преступников в дни и часы, предшествующие совершению убийства, дает представление об их психологическом состоянии в этот период времени.

В дни, предшествовавшие совершению убийства, некоторые преступники совершали преступления или насильственные действия. По меньшей мере двое совершили фетишистские кражи со взломом, похищая из домов предметы, имевшие для них сексуальное значение. Мужчина, убивший

трех женщин, до этого угрожал физическим насилием жене и заставил ее написать записку о самоубийстве; другой преступник незадолго до убийства истреблял собак в своем районе. Один из маньяков, убивший пятерых человек в течение одной недели, за несколько дней до этого совершил несколько поджогов и стрелял из пистолета внутри своей квартиры и из окна автомобиля. А в день первого убийства жители его района заявили в полицию о кражах со взломом.

За несколько часов до убийства некоторые преступники отправляются на поиски жертвы. Они обходят бары, парковки, гей-клубы и прочие злачные места. Бывает, что в поисках жертвы они высматривают голосующих на шоссе. Иногда они действуют под воздействием алкоголя и/или наркотиков. Один убийца зарезал и выпотрошил женщину и пытался сделать то же с другой после совместного употребления пива и марихуаны.

Предпреступное поведение убийцы подводит его непосредственно к совершению преступления. Процесс выбора жертвы и развития провоцирующих факторов увенчивается самим актом убийства.

Выбор жертвы

Для убийц, действующих в соответствии с планом или фантазией, начало процесса выбора жертвы означает переход на уровень воплощения замысла. Такой план или фантазия может требовать жертву, соответствующую определенным критериям, и многие убийцы ищут именно подходящую по всем параметрам. Часто для них бывают важны биография или жизненные обстоятельства жертвы. Она может символизировать кого-то из прошлого, как в случае мужчины, который убивал пожилых женщин, напоминавших ему мать-инвалида. При ее жизни он экс-

гумировал женские останки на кладбищах и совершал с ними сексуальные действия, а после смерти горячо любимой матери убил первую из двух своих жертв. В другом случае убийца находился в состоянии длительного конфликта с матерью, которая часто подвергала его насмешкам за неспособность заинтересовать определенную категорию женщин. Мужчина отыскивал и убивал красивых студенток из богатых семей: именно таких женщин мать считала недосягаемыми для него.

Другие убийцы хотят, чтобы жертва вела себя определенным образом. Один из них, охотившийся на голосующих на шоссе девушек, сказал: «Она все сделала как надо: красавица, села в машину с улыбкой до ушей. Жаль ее, конечно, но она сама напросилась». Еще один убийца искал женщин, которые согласятся позировать обнаженными в чулках и туфлях, после чего убивал их.

Жертвами убийц, не следующих определенному плану или фантазии, могут становиться люди, вызывающие у них определенную реакцию. Например, кто-то может напомнить маньяку о том, что мир к нему несправедлив, и это послужит основанием для убийства. Один убийца считал неправильным, что женщины то и дело отказывают ему. Это вызывало у него глубокое разочарование, и в отместку он убивал женщин со спутниками или просто достаточно красивых, чтобы возбуждать к себе интерес мужчин. Другие убийцы вымещали на жертвах свою ярость и злобу.

Провоцирующие факторы

При обсуждении своих первых убийств преступники обычно указывали на некое происшествие, заставлявшее их перейти к воплощению своих фантазий. Такие события,

обычно тесно связанные с поиском жертвы, мы называем провоцирующими факторами. Маньяки с продуманными во всех деталях фантазиями об убийстве отнимают жизни ради сохранения этих образов, так же как и застигнутые врасплох во время своих ритуалов фетишисты. Убийцы же, которые грезят о насилии над женщинами, воплощают свои фантазии, часто указывая, что были спровоцированы алкоголем или самой жертвой.

Большинство убийц действуют исходя из сложившегося плана или проработанной фантазии. Обычно они ищут определенную жертву и, найдя ее, приступают к осуществлению своего замысла.

Насилие может быть спровоцировано самыми разными факторами, воздействие которых усугубляется эмоциональным состоянием убийцы. Многие провоцирующие факторы так или иначе связаны с различными аспектами контроля. Ощущению убийцей своего контроля и господства часто мешает поведение жертвы. Ее естественное стремление сбежать может разъярить убийцу или обеспокоить его возможностью утраты контроля. Убийцу другого типа может распалить готовность жертвы подчиняться, понятое им как нарушение его права определять ход событий.

В одном случае провоцирующим фактором стало поведение жертвы, не соответствовавшее представлению насильника об исключительном сексуальном опыте. Мужчина постоянно отдавал жертве приказы, давая таким образом понять, как он представлял себе «идеальное» изнасилование. Его фантазию разрушила неготовность жертвы к «сотрудничеству». Он рассвирепел и убил ее. Другой убийца припомнил, что его спровоцировала попытка жертвы сбежать, хотя само убийство стерлось из его памяти.

Его фантазия строилась вокруг контроля и господства, и сопротивление жертвы заставило его убить, чтобы сохранить эту фантазию.

> Мы были наверху, я начал раздеваться. И вдруг она бросилась вниз по лестнице. Тут-то я ее и ударил, в первый раз, между прочим. Поймал ее на ступеньках... Она спросила, за что я ее ударил, а я велел ей заткнуться. Она заныла, что ей пора домой и что ее родители будут беспокоиться. На секс она согласилась... Потом не помню ничего, кроме того, что очнулся в кровати рядом с ее трупом.

Некоторые убивают ради воплощения специфических фантазий. Отдельные мужчины говорили, что «выходили на охоту» каждый вечер. Им требовался вполне определенный типаж, и они были готовы ждать, пока не появится жертва, соответствующая сложившемуся в их сознании образу. По сути, соответствие жертвы критериям убийцы и было провоцирующим фактором. Маньяк мог поджидать женщину наедине со спутником в припаркованной машине или одинокую женщину на машине определенной модели. Появление подобной жертвы и провоцировало его на убийство.

Другие убийцы становятся одержимыми фантазиями, возникшими до совершения убийства. Один мужчина, чьи преступления выглядели бессистемными, сказал, что убивать ему приказывали летающие тарелки. В подобных случаях личность жертвы не важна, главное значение придается самому акту человекоубийства.

> Я был полностью готов убивать все равно кого. Это было дело решенное. Как я полицейским говорил, убивал первого, кто ко мне в машину сядет... Неважно, мужчину или женщину, я просто собирался кого-нибудь замочить.

В этом случае убийство провоцировало просто наличие доступной жертвы.

Хотя некоторые из исследованных нами убийц не сообщали о наличии осознанных фантазий, в их рассказах о совершенных убийствах заметны скрытые мечты о насилии, чаще всего по отношению к женщинам. Некоторые называли в качестве провоцирующих факторов плохое самочувствие, депрессию, алкоголь или наркотики. В 49 из 118 случаев убийцы сообщали, что перед преступлением употребляли спиртное. На вопрос о том, отличалось ли употребление ими спиртного непосредственно перед убийством от обычного выпивания, 30% ответили утвердительно. Под действием наркотиков в момент совершения преступления находились 35% опрошенных, однако только 12,5% сказали, что доза существенно отличалась от обычной. Ниже приводится типичный пример рассказа убийцы, совершившего преступление в нетрезвом виде:

> Все было так же, как с предыдущей. Я выпивал в баре. Даже не помню, как уходил оттуда. Не знаю, что заставило меня убить ее. И почему насиловать стал, тоже не помню. Дома меня ждала красавица жена. Смотрю: она в свою машину садится. Подсаживаюсь к ней, ору на нее и заставляю ехать туда, где я ее и изнасиловал. Я все твердил, что не хочу делать ей больно, но сам уже принялся душить ее.

Предположительно, такие убийцы поглощены непрекращающимся внутренним диалогом, выражающим гнев, недовольство, раздражение или депрессию. Чтобы умерить это внутреннее напряжение, они прибегают к алкоголю или наркотикам, но фантазирование не прекращается.

Внутренний диалог такого преступника обычно лишен каких-либо рамок. К примеру, в ответ на замечание учителя или начальника он может сказать себе: «Ну попадись мне этот сукин сын, я с него три шкуры спущу. Разорву на кусочки». Один из убийц во время службы в армии плохо выполнял свои обязанности, за что подвергался гонениям со стороны сержанта. Он ушел в самоволку, напился и забил до смерти задевшего его на улице пьяницу. Убийца считал свои действия оправданными и не осознавал ни степени своей ярости, ни последствий применения силы. Затем он избил до смерти еще одного случайного встречного.

В конце концов он насильно увел с собой знакомую женщину. Проснувшись следующим утром, он обнаружил рядом с собой ее труп. Во влагалище женщины находилась ручка метлы, воткнутая с такой силой, что были задеты легкие. Он верит, что убил ее, но утверждает, что ничего не помнит.

Мужчины, не строившие планов, не считали, что мысли о насилии серьезно повлияли на их поведение. Они полагали, что к намерению совершить убийство их подтолкнули внешние обстоятельства. Один убийца отозвался о заключенных как о «хороших ребятах». Однако, описывая ощущение всесильности, которое ему придавал алкоголь, он намекал на фантазии о господстве:

> Если бы не пиво с виски, не было бы меня здесь [в тюрьме] сегодня. С тех пор как меня посадили, я повидал кучу народу — одни приходят, другие уходят. И единственная причина, по которой они садятся в тюрьму, — бутылка. 90% из тех, кто сейчас здесь сидит, — хорошие ребята, но стоит им к бутылке приложиться — и все, считают себя суперменами.

ЭТАП 2: АКТ УБИЙСТВА

Непосредственно убийство

Убивая свою жертву, преступник перемещается из своих фантазий в реальность. Жертва может погибнуть не так, как было задумано. Возможно, убийце потребовалось больше насилия, ему было страшнее, чем он ожидал, или его поразил факт того, что он почувствовал возбуждение. Кто-то может испытать восторг: он нарушил все законы, он убил человека. Кого-то это чувство побуждает убивать еще и еще, тогда как другие впоследствии осознают ужас содеянного и сдаются полиции.

Для некоторых процесс лишения жизни превосходит пределы самых ярких мечтаний. Фантазия получает практическое подкрепление, а акт убийства становится триумфом. Ниже один из убийц описывает, как нарастало его возбуждение во время поездки в автомобиле с двумя трупами жертв:

> Подъезжаю на своей машине к дому, со мной тела жертв. Один труп в багажнике: там полный бардак, все в крови. Другой труп на заднем сиденье. Возле дома сидит хозяин моей квартиры с двумя приятелями. Я приехал, а они все сидят, разговаривают. Думаю, вот бы они офигели, если бы я трупы из машины вытащил и перед ними выложил… Головы я принес с собой в комнату. Расположил их на мягком кресле, сам сижу на кровати, разглядываю их и балдею. Тут одна вдруг скатывается с кресла и падает на пол — бабах, страшное дело. Сосед снизу меня на дух не переносил, мол, я все время шумлю по ночам. Начинает, значит, стучать снизу шваброй в потолок. Ну, я такой: «Простите-извините, уважаемый, головой стукнулся». Таким вот образом я из депрессий выходил. И балдел.

Других убийц охватывал ужас от содеянного. Пример ниже показывает, как преступник отреагировал на второе из трех своих убийств:

> На теле тридцатилетней женщины были обнаружены следы удушения, ножевые и огнестрельные ранения. Труп был чисто вымыт и усажен на кровать. На месте преступления были обнаружены отпечатки пальцев и послание, написанное губной помадой на стене: «Ради всего святого, поймайте меня, пока я не убил кого-то еще. Я не в силах совладать с собой». Спустя шесть месяцев преступник похитил и убил шестилетнюю девочку; почерк оставленной на месте преступления записки с требованием выкупа совпадал с почерком предыдущего послания.

Сексуальная составляющая убийства

Несмотря на то что сексуальная составляющая присутствовала во всех исследованных нами убийствах, очевидно, что ее значение и воплощение различны для разных преступников. Некоторые жертвы были изнасилованы и затем убиты, другие подверглись сексуальному надругательству только посмертно. В одном случае очевидных признаков сексуального насилия не было, однако впоследствии было установлено, что извлечение внутренних органов имело для убийцы сексуальное значение. Как отмечает Рада (1978), убийцы-насильники редко сообщают о сексуальном удовлетворении от акта убийства и не совершают половой акт с трупом. В отличие от них для убийц-садистов (Brittain, 1970), называемых также сексуальными садистами (Hazelwood and Douglas, 1980), акт убийства является элементом ритуализированной садистской фантазии.

Убийство с изнасилованием. Из 108 исследованных нами случаев в 56% фигурировали жертвы, изнасилованные до наступления смерти. Один из убийц вспоминал, как сексуально надругался над женщиной в одном месте, а затем перевез в другое, чтобы убить: «Мы зашли ко мне домой. В квартире я ее связал. Я хотел заняться с ней сексом... Потом мы вышли, сели в мою машину, я отвез ее в пустынное место, где и убил».

Убийство с изнасилованием может быть обусловлено эмоциональным состоянием, как в следующем случае, где преступник в ярости зарезал свою жертву:

> Мы пошли по туннелю под шоссе. Там я достал нож и, ни слова не говоря, ударил ее. Вот в этой руке у меня был пистолет, а нож лежал в заднем кармане. Вот так я ее обошел и ударил. Она сразу упала и принялась кричать. А я продолжал наносить удары. Она лежит на земле, а я все бью и бью ее ножом — может, раз пятьдесят или сто ударил.

Убийство с нанесением увечий. Убийца может насиловать свою жертву как до, так и после ее смерти. Часто это бывают акты садизма, сопровождающиеся нанесением увечий и пытками. Так, в одном случае преступник изнасиловал жертву, затем медленно задушил ее с помощью удавки, а после наступления смерти изнасиловал еще раз.

Половое сношение только после смерти жертвы имело место в 42% изученных нами 92 случаев. В одном из них убийца эякулировал в нанесенную им ножевую рану. Еще в одном убийца совершил сексуальное надругательство над двумя предварительно застреленными жертвами.

Элементы пыток, нанесения физических увечий и причинения чрезмерного количества травм присутствуют

во множестве случаев таких убийств. Необычность или вычурность визуализации и действий может быть необходима маньяку для сексуального возбуждения. Нужная для получения и поддержания эмоционального возбуждения степень сложности или причудливости убийства может потребовать от извращенного преступника нанесения жертве физических увечий.

По опыту криминалистов-психологов ФБР, частым элементом убийств на сексуальной почве является введение посторонних предметов в вагинальные и анальные отверстия жертв. Это часто сочетается с другими актами нанесения увечий, такими как нанесение множественных резаных ран, отрезание молочных желез и ягодиц и укусы разных частей тела. Следует заметить, что подобные действия могут не сопровождаться завершенными половыми актами, особенно в случае дезорганизованного преступника. Вследствие этого в полостях жертв отсутствуют следы предэякулята и эякулята. Если они все же присутствуют, то зачастую являются продуктом мастурбации, а не полового сношения, и чаще всего они обнаруживаются на теле жертвы или в непосредственной близости от него. Это указывает на то, что убийство и насилие стали толчком для возбудившей убийцу сексуальной фантазии. Поскольку межличностные отношения в лучшем случае даются убийце с трудом и он привык самоудовлетворяться, он прибегает к мастурбации даже при наличии реального партнера (своей жертвы). Обычно мастурбация имеет место после причинения смерти, когда фантазия достигает максимума интенсивности.

Научные сотрудники ФБР предполагают, что помещение посторонних объектов в тело жертвы дезорганизованным преступником является разновидностью рег-

рессивной некрофилии[1] и, следовательно, суррогатом полноценного полового сношения. Фантазия убийцы превращает это действие в половой акт, при этом у следователей нет прямых улик, свидетельствующих о его сексуальной подоплеке. Именно по этой причине полицейские, психологи и психиатры часто упускают из виду сексуальную составляющую преступления. Обследующие убийц психиатры редко получают возможность изучить фотографии с места преступления и делают свои выводы исключительно на основе словесных описаний содеянного. Вследствие этого внедрение постороннего предмета во влагалище обычно ошибочно рассматривается как нанесение увечий, а не как суррогатный половой акт. Руководствуясь концепцией сексуального замещения, профайлер может составить более точный и подробный психологический портрет убийцы. (Описание места совершения дезорганизованного преступления со свидетельствами регрессивной некрофилии приведено в главе 9 в разделе «Пример из практики».)

У трети из 92 жертв, по которым имелись соответствующие данные, присутствовали следы пыток. Один из убийц подбирал голосовавших на шоссе женщин и отвозил их в удаленную местность, где сначала насиловал, а потом наносил удары по голове молотком. Другой убийца принуждал своих жертв к оральному сексу, одновременно вводя им во влагалище рукоятку молотка.

---

[1] Некрофилия является видом психического расстройства и исходя из этого при расследовании преступлений подобного рода очень важно всестороннее обследование преступника не только с точки зрения его вменяемости, но и общего психического состояния. Исследование должно быть более глубоким и детальным, где психофизиологическое состояние преступника подвергается глубокому анализу. (*Прим. науч. ред.)*

Нанесение увечий часто происходит уже после смерти жертвы, когда убийца получил над ней полный контроль. Одна из жертв была обнаружена с изувеченными гениталиями и ампутированными грудями; чтобы отрезать груди, ее убийца вернулся на место преступления спустя 14 часов. Еще одна жертва была найдена с ножевыми ранениями влагалища и паховой области и перерезанным горлом. Ее соски были удалены, лицо сильно изувечено, а отрезанные волосы висели на ветке дерева неподалеку.

Некоторые убийцы рассказывали о целях нанесения увечий. Один из них сказал, что расчленил труп жертвы из прагматических соображений: в попытке избавиться от тела. Однако вдобавок к этому он вырвал жертве ногти, хотя впоследствии утверждал, что не помнит этого.

> Для многих убийц сексуальный подтекст имеет особое значение. Для одних убийство является логическим продолжением изнасилования, другие получают сексуальное удовлетворение от самого процесса лишения жизни и совершают насильственные действия уже после смерти жертвы.

Разновидностью нанесения увечий является деперсонализация, которую мы наблюдали в некоторых из исследованных нами случаев. Под деперсонализацией понимаются действия убийцы, совершаемые для лишения жертвы ее личной идентичности. Эти действия могут иметь место до умерщвления жертвы, как в случае с преступником, почти до неузнаваемости обезображивавшим лица мальчиков, которых он насиловал и убивал. Другой убийца накрывал лица своих пожилых жертв одеялами, подушками, полотенцами или простынями. При этом деперсонализация может проявляться и не настолько открыто. Одной из неяв-

ных ее форм является переворачивание жертвы на живот, чтобы не было видно лица.

На первых этапах убийства преступник руководствуется своими кровожадными идеями и фантазиями. На первом этапе большое значение для его действий имеют стресс-факторы, расположение духа, планирование и предпреступное поведение, выбор жертвы и провоцирующие факторы. Второй этап убийства ставит преступника перед реальностью совершенного им деяния.

Третий и четвертый этапы заключаются в избавлении от тела и постпреступном поведении и описываются в следующей главе.

5
После убийства

После убийства преступнику необходимо решить, как поступить с телом. Если подобное столкновение с реальностью стало для него неожиданностью, убийца может сдаться властям. Как сказал один из них: «Эти убийства не укладывались у меня в голове. К такому я не был готов. Да, фантазии были, но справиться со зрелищем смертей и трупов я оказался не в состоянии. Я испугался и сдался». И наоборот, для одного из убийц кульминацией преступления стало не убийство как таковое, а удачное и никем не замеченное расчленение тела и избавление от него.

Некоторые убийцы накрывают тело, промывают раны или взаимодействуют с телом как-то еще, что демонстрирует их сожаление или участие к жертве. Другие же прячут или погребают тело, чтобы сохранить дело в тайне и удерживать контроль над ситуацией. Третьи выставляют тело жертвы напоказ в публичном месте, чтобы шокировать и оскорбить общество.

Ряд аспектов этого этапа убийства способствует лучшему пониманию данного вида преступлений. В этой главе рассказывается о третьем и четвертом этапах акта человекоубийства. Способы избавления от тела, его состояние и место обнаружения дают представление о реакциях убийцы на воплощение своей фантазии на третьем этапе. Четвертый этап представляет собой постпреступное поведение убийцы.

ЭТАП 3: ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ТЕЛА

Модели избавления от тела

В данной выборке присутствовали несколько различных моделей избавления от тела. Хотя причины, по которым одни убийцы просто бросают труп жертвы, а другие применяют изощренные методы избавления от него, понятны далеко не всегда, отдельные преступники все же объясняли свое поведение. Один из них передал содержание своего внутреннего диалога при виде тела жертвы после первого убийства:

> У меня на руках труп. А ведь люди видели, как я сюда заходил. И как же мне с этим быть? Просто сложить в мешок или завернуть в простыню и утащить отсюда? Решил, лучше по кусочкам. Порубил [труп] на куски... что-то в холодильник сложил... что-то по пустырям раскидал... выносил куски в мешке и разбрасывал куда попало... Страшно мне было.

В следующий раз этот преступник был уже в большей степени готов решать проблему избавления от тела. Он рассказал, что во второй раз заранее спланировал, что убьет жертву в машине, а затем расчленит труп. Тело убитой он положил в мешок и перенес в квартиру, где проживал с матерью, по пути встретив на лестнице двух человек. «Мне пришлось потрудиться на совесть... почти четыре часа... Сперва я расчленил тело, потом избавился от всей этой кровищи с кишками и отмыл ванну дочиста» — сказал он.

Существуют и более простые способы избавления от тела жертвы. В одном случае прямо посреди пустыни был найден частично разложившийся женский труп. Впоследствии полицейские установили, что женщину убили где-то еще, после чего привезли тело на место его обнаружения. Другой

убийца просто оттащил труп своей жертвы в близлежащий перелесок, чтобы он не так бросался в глаза.

Преступник может решать проблему с трупом и без его перемещения в другое место. Он может прятать тела там же, где совершает убийства, как в следующем примере:

> Преступник насиловал и удушал жертв у себя дома. Тела он закапывал в подвале, а когда места там стало не хватать, начал выбрасывать их в близлежащую реку.

Еще один убийца неглубоко закопал свою жертву прямо на месте убийства. Свои действия он обосновал так: «Я просто присыпал ее землей, чтобы случайные прохожие не заметили, если только они не специально труп ищут».

Убийцы другого типа даже не пытаются скрыть трупы своих жертв и оставляют их на виду прямо на месте преступления. Мужчина, убивший восемь женщин в разных комнатах общежития, оставил их там, где они находились. Полиция, вызванная единственной уцелевшей жертвой нападения, обнаружила их трупы следующим утром.

Иногда преступник совершенствует свои методы избавления от тела и делает их частью своих фантазий об убийстве. «Испугавшийся» после первых совершенных им убийств преступник сдался властям и сел в тюрьму, где мысленно прорепетировал во всех подробностях процедуру избавления от тела. Освободившись из тюрьмы, он убил восемь женщин.

Я избавился от отвращения к трупам. Так же спокойно, как я, к мертвецам относятся только гробовщики да патологоанатомы. Но некоторые из моих фантазий были настолько дикими, что и патологоанатома наизнанку вывернуло бы.

Состояние трупа

Дополнительно пролить свет на поведенческие особенности убийцы может изучение состояния, в котором он оставил труп своей жертвы. Заметность, состояние одежды и положение тела являются результатом определенных решений преступника.

Заметность. Как указывалось выше, заметность тела жертвы обычно определяется практическими соображениями убийцы. Труп может быть спрятан во избежание обнаружения, как в случае преступника, который расстреливал своих жертв в лесном массиве и прятал их тела в снег. В 58% исследованных нами случаев трупы были скрыты, а в 42% не были. Труп может быть оставлен на виду из-за обстоятельств, не позволяющих убийце спрятать его, как в случае преступника, который издалека расстреливал молодых женщин, находившихся в относительно оживленных местах. Тела убитых оставались там, где их настигала пуля.

В числе прочих причин заметности или незаметности трупа может быть стремление убийцы продемонстрировать свой акт. Предположительно, так было в случае с мужчиной, оставившим труп одной из шести своих жертв на крыльце дома своего брата. Убийцы же, стремящиеся к сохранению контроля над своими деяниями, прячут тела жертв.

Состояние одежды. Во многих случаях тела жертв находятся в полуодетом или раздетом состоянии. Из 100 случаев, по которым имелась соответствующая информация, трупы были найдены полностью обнаженными в 47, с обнаженными гениталиями — в 5, с обнаженной грудью — в 9, с обнаженными ягодицами — в 11 или же в одежде, частично отсутствующей на разных частях тела. Одежда

жертвы может быть использована для ее связывания или накрывания, просто брошена рядом или даже аккуратно сложена. Только 28 тел были обнаружены полностью одетыми.

Имеются случаи необычно причудливого состояния одежды жертвы. Многие из жертв, захороненных в подвале дома одного из убийц, были найдены с предметами одежды во рту и будучи в различной степени раздетыми. В другом случае преступник обмыл труп убитой, перебинтовал раны, одел ее в чистую ночную рубашку и уложил в кровать.

Положение тела. Несмотря на то что чаще всего убийцы захоранивают, прячут или просто оставляют тело жертвы на месте преступления, в некоторых случаях они размещают его определенным образом по специфическим причинам. В тридцати случаях (28%) труп был размещен специфическим образом, еще в восемнадцати (17%) это можно было предполагать. В числе причин этого явления может быть желание убийцы скрыть определенные черты своего преступления. В одном случае двое преступников решили разместить труп убитой ими женщины так, чтобы создать видимость ее изнасилования:

> На следующий день после убийства двое мужчин и их подруга вернулись на место преступления, где оставался труп, чтобы перевезти его туда, где его скорее обнаружат. Они сняли с трупа одежду, вымыли его в близлежащем ручье и перевезли на ближайшую свалку. Там девушка услышала, как один из мужчин сказал: «Сделаем так, чтобы это выглядело как изнасилование». Вытащив труп из машины, мужчины нанесли по нему несколько ударов ножом, попытались обезглавить его и изувечили различные части тела. После этого один из них попытался совершить с трупом половой акт.

Некоторые убийцы размещают тела своих жертв определенным образом, имеющим значение только для них и основанным на их сексуальных фантазиях. При этом они не всегда настолько же старательны, как в описанном выше случае. Один убийца всего лишь уложил труп своей жертвы на бревно лицом вниз. Однако оказалось, что такое положение тела имело для него определенное значение. Выбор положения жертвы свидетельствовал о выраженной поведенческой особенности, связанной с его фантазиями и указывающей на предумышленность совершенного им преступления.

Место обнаружения трупа

Для человека, совершившего убийство на сексуальной почве, выбор места, где он в конечном итоге оставит труп жертвы, имеет особое значение по различным причинам. Это может быть важным с точки зрения того, насколько быстро будет обнаружен труп. Мужчины, расположившие тело жертвы так, чтобы создать видимость ее изнасилования, выбрали для этого часто посещаемую свалку, поскольку хотели, чтобы его обнаружили без труда. И напротив, мужчина, выбрасывавший части тел своих жертв в реку, привязывал к ним гири, поскольку не желал, чтобы их когда-либо нашли.

Для убийцы может иметь значение само место, в котором он оставляет труп. Вполне возможно, что оно играет определенную роль в его фантазиях, как в следующем случае:

> Убийца, работавший водителем машины «Скорой помощи», похищал своих жертв с ресторанных парковок и перевозил в другое место, где насиловал и убивал их. После этого он звонил в полицию и анонимно сообщал о замеченном трупе, затем возвращался на работу, ехал на вызов и прибывал в больницу с трупом жертвы в своей машине «Скорой помощи».

Оставляя труп в пределах своего рабочего участка, этот убийца мог полностью реализовать свою фантазию. Можно предположить, что преступник, зарывавший трупы жертв в подвале собственного дома, хотел не просто спрятать их, но еще и иметь поблизости источник для подпитки своих фантазий, особенно если принять во внимание, что в некоторых случаях до захоронения имели место акты некрофилии.

Еще одной важной причиной выбора места является стремление убийцы выразить свое отношение к другому человеку. Известно, что мужчина оставивший труп жертвы на крыльце дома брата, находился в сложных отношениях как с ним, так и с их матерью. В другом случае убийца захоронил головы двух своих жертв под окном спальни своей матери лицами вверх.

Как упоминалось выше, у этого мужчины был продолжительный конфликт с матерью, и он убивал женщин, которые, по мнению матери, никогда не стали бы с ним встречаться.

Убийца сообщил, что захороненные таким образом головы распаляли его фантазии. «Ты смотришь на людей сверху вниз», — говорил он матери, и истинный смысл этих слов был понятен только ему.

В некоторых случаях убийцы хранят отдельные части тела у себя. Это возбуждает их еще сильнее. Убийца, фетишизировавший женские ноги в туфлях на высоком каблуке, отрезал своим жертвам ноги и хранил их в своем морозильнике.

Еще один хранил груди своих жертв и делал с них слепки. Он описывал свое состояние повышенного возбуждения в процессе избавления от тела следующим образом:

Я спешил как мог. Сердце колотило двести ударов в минуту. Давление было такое, что в висках стучало. Я подумал, что сзади кто-то крадется, психанул, схватил пистолет, но это стучало у меня в ушах. Меня всего колотило. Думал, ласты склею, пока от улик избавляюсь.

Психоз отдельных убийц находил свое выражение в их выборе места оставления трупа. Это особенно заметно в следующем случае. Убийца, у которого диагностировали параноидную шизофрению, сохранял внутренние органы своих жертв. Он пил их кровь и поглощал истолченный головной мозг, утверждая, что так ему приказывают летающие тарелки, а иначе его собственная кровь «иссохнет». До совершения своих преступлений этот мужчина неоднократно проходил лечение в психиатрических стационарах, кроме того, он убивал и калечил животных точно так же, как впоследствии людей.

ЭТАП 4: ПОСТПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

На последнем этапе реакции убийцы могут варьироваться в диапазоне от чувства облегчения до сознательного стремления избежать поимки. Преступление совершено, с избавлением от трупа покончено. И тем не менее постпреступное поведение часто показывает, что фантазии не покидают убийцу.

Немедленная реакция

Покидая место преступления, убийца может испытывать огромное облегчение. Некоторые преступники рассказывали, что по возвращении домой засыпали глубоким сном. Другие осознавали реальность содеянного и реагировали

более активно. Один мужчина зашел в пивную и заказал еду, но не смог притронуться к пище. Затем он пошел к проститутке, затеял скандал и порезал себе вены. Его отвезли в больницу, где врач опознал его по описанию в полицейской сводке и вызвал стражей порядка. В некоторых случаях первичной реакцией бывает бегство. Убийца может пуститься в бега, стремясь избежать поимки, из-за отсутствия конкретного плана действий или будучи в восторге от содеянного и пытаясь продлить это ощущение. Точно установить подоплеку его действий порой бывает сложно. Иногда для бегства используется автомобиль жертвы.

По пути к своему бойфренду 18-летняя жертва подсадила в свою машину незнакомца, голосовавшего на парковке у придорожного ресторана. Мужчина заставил ее заехать в парк, где изнасиловал, избил и задушил. Спрятав труп у близлежащего водоема, убийца поехал дальше на машине жертвы.

При этом остается неясным, что заставило его продолжить путь: было ли это реакцией на содеянное, попыткой скрыться или способом продлить свою фантазию. Мужчина оставил себе машину и вещи жертвы, которые распродавал по дороге. Если бы он пытался скрыться, то вряд ли оставлял бы за собой подобный след. Представляется более вероятным, что такая его реакция была обусловлена потребностью поддерживать возбуждение, вызванное совершенным преступлением.

Последующие реакции

В дальнейшем реакции убийц обычно продиктованы стремлением защититься от преследования. Преступники могут избавиться от улик, затаиться или сфабриковать себе алиби. Тем не менее поведение убийцы в этот

период часто идет вразрез со стремлением не привлекать к себе внимания. Есть четыре вида такого поведения: (1) возвращение на место преступления; (2) наблюдение за поисками и обнаружением трупа жертвы; (3) хранение предметов, напоминающих о совершенном убийстве; (4) участие в расследовании. Подобные реакции показывают, что зачастую стремление продлить возбуждение от содеянного оказывается сильнее инстинкта самосохранения.

Возвращение на место преступления. В детективной литературе часто присутствуют сцены возвращения убийцы на место преступления под покровом ночи. В нашей выборке подобное поведение обнаружилось в 32 из 118 случаев (27%).

Почему же они возвращаются? Испытуемые перечислили множество причин, среди которых желание вновь пережить свою фантазию (31 из 118 случаев); желание узнать, как продвигается расследование (22 из 118 случаев); убийство другой жертвы на том же месте (9 из 118 случаев); совершение полового акта с трупом (7 из 118 случаев).

Один из убийц вернулся на место преступления спустя четырнадцать часов и отрезал жертве груди; другой вернулся на место убийства через несколько недель, чтобы совершить с трупом сексуальные действия. В случае с двумя мужчинами, вернувшимися на место преступления для имитации изнасилования, исключительная степень зверства при нанесении увечий свидетельствует не только о стремлении замести следы, но и о желании позабавиться с трупом.

Наблюдение за поисками и обнаружением трупа жертвы. Участие в поисках и обнаружении трупа, возмож-

но, также поддерживает возбуждение убийцы, продлевая его связь с жертвой и сам акт убийства. Он может звонить или писать в полицию или находиться в толпе зевак на месте обнаружения трупа. Убийца может даже признаться в совершении преступления, чтобы вместе с полицейскими отправиться к местонахождению тела жертвы. Случай с водителем «Скорой помощи», который организовывал собственное участие в освидетельствовании трупа, показывает, насколько сильное влияние на постпреступное поведение убийцы оказывает потребность продлить фантазию. Другой убийца звонил полицейским, сообщал об обнаружении трупа и сопровождал их на место. Хотя подобные действия были чреваты задержанием в качестве подозреваемого, потребность присутствовать при обнаружении тела пересиливала соответствующие риски.

То, как убийца обходится с телом жертвы, может пролить свет на его психологический портрет. Следователям приходится учитывать такие детали, как состояние трупа и место его обнаружения.

Другие убийцы, напротив, поддерживают свое чувство контроля над ситуацией (и следовательно, над фантазией) путем полного отказа от взаимодействия с трупом жертвы после избавления от него. Убийство остается тайной, а тело жертвы оказывается тщательно спрятано. Понимание того, что эта тайна известна только им, дает подобным людям ощущение власти и господства, которого требуют их фантазии.

Хранение предметов, напоминающих о совершенном убийстве. Частью постпреступного поведения многих убийц является хранение разнообразных предметов, связанных с жертвой, в качестве «сувениров» (имело место

в 32 из 118 случаев). Для убийцы ценность таких предметов перевешивает риск быть пойманным на их хранении. «Сувениры» служат для убийцы осязаемыми свидетельствами его способности реализовать свою фантазию и катализаторами дальнейшего фантазирования.

Убийцы хранят разнообразные предметы — от самых обычных до по-настоящему диковинных. Это могут быть личные вещи жертвы, например предметы гардероба и украшения, такие как нижнее белье, часы и кольца. Выше был описан случай, когда убийца забрал машину и чемодан жертвы, что в конечном итоге и привело к его поимке. В качестве трофея убийца может хранить фотографии. Так, один из преступников сохранял фотокарточки с документов, которые имелись у жертв при себе, а другой — фото обнаженных жертв, собственноручно сделанные им перед убийством. В качестве трофеев могут выступать также и части тела: разные убийцы сохраняли у себя ноги, груди и кровь своих жертв.

Обычно убийцы оставляют себе фетишизируемые ими предметы. Такие «сувениры» имеют для них особое сексуальное значение. Часто убийцы сохраняют различные части нижнего белья, фетишизация иных предметов не всегда бывает очевидна. К примеру, мужчину, который хранил в морозильнике ноги своих жертв, сексуально возбуждал вид женских ног в туфлях на высоком каблуке.

Не все «сувениры» имеют отношение к жертвам. Бывает, что орудия убийства имеют такое значение для преступника, что он хранит их в качестве трофеев, невзирая на очевидную необходимость избавиться от улик. В одном из таких случаев убийца отказался сообщить, где спрятаны пистолет и нож, применявшиеся в качестве орудий убийства. Он заявил, что они ему «особенно дороги» и что

он хочет покрыть их бронзой, если когда-нибудь выйдет из тюрьмы.

Что именно будет делать убийца с такими «сувенирами», обусловлено значением, которое он придает и этим предметам, и самому акту убийства. Ими дорожат и регулярно любуются, а также используют для сексуального возбуждения. В то же время иногда сувениры раздают. Вновь отметим, что в подобных случаях убийца подвергается серьезному риску навлечь на себя подозрения. Один преступник подарил ювелирные украшения жертвы своей сожительнице, потребовав от нее не задавать никаких вопросов об их происхождении. В другом случае убийца отдал жене пакет продуктов, которые его жертва загрузила в свою машину незадолго до убийства. Необычный набор товаров вызвал у жены подозрения, и впоследствии супруг признался ей в своем преступлении.

Стоит отметить, что на практике профайлеры ФБР разделяют понятия сувенира и трофея. Это различие заключается в значении предмета для преступника. Установлено, что дезорганизованный преступник хранит вещи своей жертвы в качестве напоминания о случившемся (т. е. убийстве) и, возможно, подпитки будущих фантазий. С другой стороны, организованный преступник обычно хранит личные вещи жертвы в качестве своего рода трофея или награды за успешно осуществленное предприятие. Для него такой предмет во многом схож с висящим на стене дома чучелом головы дикого зверя — свидетельством охотничьего мастерства хозяина.

Участие в расследовании. Постпреступное поведение убийцы может включать в себя определенную форму участия в полицейском расследовании совершенного убийства (наблюдалось в 24 из 118 случаев). Такое участие может

выражаться как в жадном интересе к новостям о ходе расследования, так и в активном стремлении внедриться в ход следственных действий. В любой своей форме такая вовлеченность убийцы помогает ему поддерживать высокую степень возбуждения, вызванную актом убийства.

Следившие за ходом расследования по сообщениям в СМИ (54 из 118 случаев), судя по всему, получали удовольствие от того факта, что ускользнули от полиции, а их деяния привлекли к себе внимание общественности. Таким образом, они получали своего рода подтверждение своей власти над ходом событий. Подобные люди выискивают соответствующие новости в теле- и радиопередачах и газетах, могут хранить газетные вырезки и даже вести дневниковые записи о событиях, последовавших за преступлением.

Типичные реакции убийцы на совершенное преступление включают в себя возвращение на место преступления, наблюдение за поисками и обнаружением тела, хранение «сувениров» и участие в расследовании.

Убийца, стремящийся внедриться в ход полицейского расследования, демонстрирует потребность показать свою власть и контроль наряду с желанием сохранять активную связь с актом убийства, которое является источником его возбуждения. Он верит в свою способность одурачить следователей и может писать или звонить полицейским и даже оставлять для них зацепки. Он провоцирует следствие и активно старается демонстрировать свое превосходство, например, облегчив обнаружение трупа. Как заметил один из убийц, «чтобы это не выглядело серьезной заслугой».

Как минимум в одном случае присутствовали указания на то, что период после совершения преступления был для убийцы не менее возбуждающим, чем непосредственно акт

убийства. Хотя преступник и помнил, что испытывал сексуальное возбуждение, расстреливая своих жертв с далекого расстояния, именно расследование этих убийств наполняло его ощущением реализации своей фантазии. После каждого из шести убийств этот человек сохранял газетные заметки и фото и помещал их в специальный альбом, посвященный этим событиям. Он регулярно мастурбировал на фотографии своих жертв и на протяжении всего расследования писал письма в полицию и СМИ. Можно с уверенностью предположить, что для этого человека последствия совершенных им преступлений затмевали сами убийства по степени ощущения власти и восторга.

Связь между постпреступным поведением и способом убийства

Существует ли какая-либо связь между постпреступным поведением и способом убийства? Нами были изучены виды оружия, примененные в 64 случаях убийства, и двенадцать видов постпреступного поведения. Для целей анализа оружие было разбито на две категории: (1) только огнестрельное (36 из 64 случаев); (2) только тупые или острые предметы (28 из 64 случаев). Результаты показывают, что убийцы, использовавшие только огнестрельное оружие, были больше склонны вести дневниковые записи (56% против 26%), хранить газетные вырезки (64% против 26%), следить за ходом расследования из газет и прочих СМИ (82% против 50%) и намекать на свою причастность к преступлению или признаваться в нем кому-либо (21% против 6%). Преступники, использовавшие только огнестрельное оружие, были также несколько более склонны фотографировать своих жертв (21% против 11%) и возвращаться на место преступления (44% против 34%).

Преступники, использовавшие только тупые или острые предметы, были несколько более склонны каким-либо образом вмешиваться в ход расследования. Связи между типом оружия и сохранением «сувениров», коммуникацией с полицией или СМИ, сменой места жительства или работы или отъездом из города были незначительными или отсутствовали.

В завершение этой фазы создается рекурсивный фильтр, через который убийца воспринимает свое преступление, оправдывает свои действия и извлекает полезный опыт для следующего преступления, в случае если ему удается избежать поимки.

Задержание

Поведенческая вовлеченность убийцы в различные фазы совершенного им преступления завершается с его задержанием полицией. Задержание испытуемых происходило по-разному. Некоторых убийц опознавали выжившие жертвы (в 6 из 36 случаев) или выдавали сожительница или супруга (в 2 из 36 случаев). Некоторые сдавались полиции сами (в 4 из 36 случаев). Шестерых задержали за другие преступления. И в 18 случаях преступников идентифицировали в ходе разыскной работы. В двух из этих восемнадцати случаев применялся метод психологического портретирования, созданный силами отдела поведенческого анализа ФБР.

Навеянное фантазиями постпреступное поведение убийцы способно предоставить следствию важнейшую информацию о нем. Некоторых убийц связывали с их преступлениями сохраненные «сувениры», а в других случаях подозрения полиции относительно личности убийц подтверждались наличием у них личных вещей жертвы.

ПОСЛЕ УБИЙСТВА

Фантазии об убийстве не прекращаются с задержанием. Степень возбуждения может упасть, физические стимулы могут прекратиться. Однако фантазирование продолжается: убийца вновь переживает одни преступления и замышляет другие. Один из испытуемых пришел в ярость, когда исследователи захотели осмотреть его камеру. Все ее стены были увешаны порнографией, в основном садистской направленности.

ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Изучение судебных материалов показало, что семеро преступников (20%, или 7 из 35 случаев) совершили убийство, будучи освобожденными под залог. В 9 из 32 случаев с соответствующей информацией убийцы заключали сделки о признании вины для смягчения приговора (в одном случае для переквалификации преступления на несексуальное и в восьми — для сокращения срока тюремного заключения).

Предшествующие посягательства сексуального характера

Изучение прошлых преступлений показало, что только двое убийц (6%, или 2 из 38 случаев с соответствующей информацией) не осуждались прежде за сексуальные преступления, а тринадцать (38%) были осуждены за них по четыре раза или более. На вопрос о количестве сексуальных посягательств, за которые они не понесли наказания, ответили четырнадцать человек. Из них трое (21%) утверждали, что подобных случаев не было, восемь (57%) сообщили о наличии от одного до шести подобных случаев, а трое (21%) сообщили о более чем 25 случаях посягательств сексуального характера, оставшихся безнаказан-

ными. Двадцать человек ответили на вопрос о количестве случаев совершенных ими сексуальных домогательств, по которым они были оправданы судом. Из них тринадцать (65%) сообщили, что таких случаев не было, четверо (20%) сообщили об одном, и трое (15%) сообщили о двух. Напротив, из девятнадцати человек, ответивших на вопрос о количестве сексуальных посягательств, в которых их неправомерно признавали виновными, шестнадцать (84%) сообщили, что таковых не было, двое (11%) сообщили об одном, и один (5%) сообщил о двух. На вопрос о количестве сделок о признании вины в прошлом ответили двадцать человек. Тринадцать из них сказали, что таких сделок не заключали, а семеро сообщили о наличии от одного до трех случаев досудебных сделок по обвинениям в сексуальном посягательстве (двое преступников договорились о признании вины в менее тяжких половых преступлениях, трое договорились о переквалификации части посягательств на несексуальные, а трое договорились о снижении срока наказания).

Прошедшим службу в армии задавался вопрос о наличии невыявленных случаев сексуальных посягательств в период прохождения ими службы. Из тринадцати случаев в восьми (62%) ответ был утвердительным либо с их собственных слов, либо судя по материалам их личного дела.

Изучение возраста первого осуждения за убийство показало, что десять человек совершили его в несовершеннолетнем возрасте. Агрессивное поведение в юности подробно рассматривается в главе 6.

6
Модель мотивов убийства на сексуальной почве

Концептуальную основу понимания убийств на сексуальной почве составляют пять взаимодействующих между собой элементов, о которых рассказывалось в главах 2–5: (1) социальное окружение; (2) события, способствующие формированию личности убийцы в детском и подростковом возрасте; (3) стереотипные реакции на эти события; (4) возникающие в результате этого действия по отношению к другим; (5) реакции убийцы на свои преступные действия посредством психологического рекурсивного фильтра (см. схему 6.1). Важно отметить, что данная модель затрагивает в основном психосоциальные и когнитивные факторы и не учитывает воздействия нейробиологических и генетических факторов, которые могут присутствовать в некоторых случаях. Также мы приводим пример из практики, поясняющий отдельные элементы модели.

МОДЕЛЬ

Социальное окружение

Специалисты в области семьи и детства часто высказывают мнение о том, что семейный уклад и взаимодействие между членами семьи, особенно в части восприятия ребенком родных и их общения с ним и между собой,

1. Неэффективное социальное окружение

Безнадзорность; невмешательство; отсутствие поддержки; беззащитность

2. События, способствующие формированию личности в детском/подростковом возрасте

Насилие: физическое; сексуальное

Нарушения развития: негативная социализация; пониженный эмоциональный отклик

Отчуждение: ненадлежащая забота и отсутствие контакта; девиантные примеры родителей

3. Стереотипные реакции

Критически важные личностные качества: социальная изоляция; склонность к аутоэротическим практикам; фетиши; отказ подчиняться; агрессивность; патологическая ложь; ощущение вседозволенности

Устойчивые и повторяющиеся когнитивные паттерны:

Структура: мечты; фантазии; мысли с мощными визуальными составляющими; ночные кошмары

Внутренний диалог: устойчивые заблуждения относительно причин, следствий и вероятностей; склонность впадать в крайности; обобщения

Тематика: доминирование; месть; агрессия; изнасилование/развратные действия; причинение боли себе/другим; власть/контроль; умерщвление; пытки; изувечение

Возбуждаемость: чаще всего высокоагрессивными стимулами; требует высокого уровня стимуляции

5. Рекурсивный фильтр

Оправдывает свои поступки; исправляет ошибки; обнаруживает состояния повышенного возбуждения; обнаруживает усиленные ощущения господства, власти, контроля; знает способы ухода от поимки и наказания

4. Действия по отношению к другим/себе

Детство: жестокость по отношению к животным; жестокость по отношению к детям; деструктивные игровые привычки; неуважение к окружающим; пиромания; воровство; порча чужого имущества

Подростковый/взрослый возраст: агрессивное поведение; кражи со взломом; поджоги; похищения; изнасилования; убийства (несексуальные); убийства на сексуальной почве с изнасилованием, пытками/изувечением и некрофилией

Схема 6.1. *Убийство на сексуальной почве: модель мотивов*

являются важными факторами развития ребенка. Качество связи ребенка с родителями и другими членами семьи имеет определяющее значение для того, как он будет относиться к окружающим во взрослом возрасте. По сути, эти детские связи (иногда называемые эмоциональной привязанностью) формируют схему восприятия ребенком происходящего вне семьи.

В исследованной нами выборке убийц эти социальные связи были неудачными или приобретали ограниченный и избирательный характер. Лица, ответственные за надзор и воспитание, либо игнорировали особенности развития ребенка, либо своим проблемным поведением (в частности, преступными наклонностями, алкоголизмом и наркоманией) способствовали созданию у него искаженных и неправильных представлений о себе («Это не я»). Значимые для мальчика люди не обеспечивали ему заботу и защиту, напротив, на него возлагались ожидания, свойственные скорее для взрослого возраста («Мальчики должны быть сильными и обеспечивать себя сами»). Взрослые не были мальчику ни защитниками, ни помощниками. За определенные антиобщественные проявления ребенка могли наказывать, но социальные ограничения не регистрировались им на эмпирическом или когнитивном уровне, иначе говоря, получив выговор или представ перед судом, он оправдывал свое поведение тем, что «все мальчики попадают в передряги». Помимо лиц, непосредственно ответственных за воспитание и надзор, понятие неэффективного социального окружения распространяется на членов общества, контактирующих с молодым человеком в силу своих рабочих обязанностей (например, учителей, школьных психологов, священнослужителей, полицейских, адвокатов, судей).

События, способствующие формированию личности

В нашей модели события, способствующие формированию личности, обусловлены тремя факторами. Первый из них — психологическая травма, нанесенная физическим или сексуальным насилием. В своем развитии ребенок встречается с самыми разнообразными жизненными событиями, как соответствующими норме, так и выходящими за ее пределы и обычно крайне негативными. В главе 2 мы останавливались на некоторых примерах таких событий, включающих непосредственно травмирующий опыт (физическое и/или сексуальное насилие) и косвенный травмирующий опыт (присутствие при актах насилия в семье). В условиях неэффективного социального окружения психологическому стрессу ребенка, возникшему в связи с травмирующим опытом, не уделяется должного внимания. Ребенок не только оказывается беззащитен перед лицом психологических травм, но и не получает помощи в восстановлении после них. Внешняя среда не интересуется негативными последствиями случившегося.

Первое предположение в связи с травмирующими событиями детства состоит в том, что воспоминания об ужасах и обидах формируют паттерны мышления ребенка. Создавшаяся в результате этого ментальность способствует образованию поведенческих стереотипов, в свою очередь способствующих развитию мечтательности и фантазирования. В научной литературе, посвященной детям, пережившим психологическую травму в связи с физическим и сексуальным насилием, сообщается о таких негативных проявлениях травмы, как нарушение сна, кошмары и неприятные воспоминания (Burgess and Holmstrom, 1974, 1979; Conte, 1984; Pynoos and Eth, 1985). В других исследованиях описывается увлеченность таких детей болез-

ненным повторяющимся отыгрыванием травмирующих эпизодов (Axline, 1969; Gardner, 1971; Terr, 1979, 1981, 1983). В играх эмоционально неуравновешенных и неблагополучных детей часто присутствуют противоречивые и повторяющиеся темы, что контрастирует с творческой и гибкой тематикой игр благополучных детей. Мы полагаем, что во время игры травмированный ребенок остается сконцентрированным на мыслях, ассоциируемых с травмирующим событием (Hartman and Burgess, 1986), а не на вовлечении в игровой процесс или самовыражении в рисунках (Howe, Burgess and McCormack, 1987). Результатом удачной реакции на травмирующее событие является адаптивное поведение. Неудачная же реакция на травмирующее событие подчеркивает беспомощность жертвы и способствует появлению у нее агрессивных фантазий, направленных на достижение отсутствующих в реальной жизни господства и контроля (Burgess et al., 1984; Pynoos and Eth, 1985; MacCulloch et al., 1983).

Второе предположение в связи с травмирующими событиями детства состоит в том, что воздействие таких глубоких потрясений, как прямое сексуальное или физическое насилие, существенным образом сказывается на социальном развитии ребенка (Burgess et al., 1984; Conte, 1984; Pynoos and Eth, 1985). Травмирующему событию может сопутствовать продолжительная эмоциональная или физиологическая возбужденность. Во взаимодействии с повторяющимися мыслями о травмирующем событии эта возбужденность может видоизменять представления ребенка о межличностных отношениях.

Нарушения развития — второй фактор, влияющий на формирование личности. По каким-то причинам ребенок перестает связывать себя с ответственным за него

взрослым лицом. В результате возникновения такой негативной социальной связи ответственное лицо не оказывает влияния на ребенка, а позднее и на подростка. У психологически неблагополучного и обделенного вниманием ребенка также может наблюдаться пониженный эмоциональный отклик.

Третий фактор данного элемента модели — это отчуждение, то есть неспособность ответственного лица служить примером для ребенка. Это может происходить по различным причинам, в том числе из-за отсутствия опекуна или его неблагополучности (например, родитель, склонный к злоупотреблению алкоголем или склонный к насилию). Ребенок может воспринимать свой дом как агрессивную среду, где он становится свидетелем актов насилия (к примеру, пьяных драк), которые ассоциируются у него с сексуальным поведением взрослых.

Стереотипные реакции

Этот элемент нашей модели включает в себя две подкатегории: (1) критически важные личностные качества; (2) устойчивые и повторяющиеся когнитивные паттерны. Взаимодействие этих подкатегорий порождает фантазии.

Критически важные личностные качества. При позитивном росте и развитии ребенка такие положительные качества, как доверие, чувство защищенности и самостоятельность, помогают ему устанавливать отношения с окружающими. Эти важнейшие личностные характеристики в сочетании с эффективным социальным окружением позволяют ребенку развивать способности и уверенность в себе.

У всех 36 убийц из исследованной нами группы налицо была склонность к развитию негативных, а не пози-

тивных личностных качеств. Такие негативные качества мешают формированию социальных связей и развитию эмоциональных способностей в контексте адаптивного человеческого общения. Повышенная степень социальной изоляции стимулирует зависимость от фантазирования как суррогата человеческого общения. В свою очередь, развитие личности становится зависимым от фантазий и их доминантной тематики, а не от социального взаимодействия. Без человеческого общения и договоренностей индивиду не удается выстроить соответствующие им социальные ценности.

Среди критически важных личностных особенностей исследованных нами преступников можно выделить ощущение социальной изоляции, склонность к аутоэротическим практикам и фетишизму, отказ подчиняться, агрессивность, патологическую ложь и чувство собственной исключительности или вседозволенности. Наряду с представлениями о своей непохожести на всех остальных убийцы испытывают выраженное ощущение социальной изоляции. Лишь немногие из опрошенных упоминали о наличии близких друзей в школе. В результате у преступников возникает равнодушие к человеческим отношениям или устоявшаяся злоба на отвергающее их общество. Это ощущение изоляции проявляется также в склонности к аутоэротическим практикам. Патологическая ложь, присущая убийцам, подчеркивает их недоверие и нелояльность к обществу, основанному на соблюдении правил и договоренностей. Напротив, в их взглядах преобладают недоверие и ощущение вседозволенности. Социальная изоляция вкупе с агрессивностью мешают половому развитию, основами которого служат забота, получение удовольствия и дружеское общение. Из-за высокой степени изоляции эти мужчины

имели мало возможностей для получения опыта межличностных отношений, который мог бы изменить их ложные представления о себе и окружающих. Они соотносят себя с другими людьми лишь посредством фантазирования. В свою очередь, именно фантазии, а не реальный опыт становятся основным источником эмоционального подъема, представляющего собой сумбурную смесь сексуального влечения и агрессии.

Устойчивые и повторяющиеся когнитивные паттерны. Под когнитивными паттернами понимаются модели мышления, которые одновременно позволяют индивиду управлять своей внутренней жизнью и связывают его с социальным окружением. В процессе создания и развития когнитивных паттернов у индивида вырабатывается понимание смысла происходящего. Целью этих моделей мышления является самосохранение индивида путем понижения его чувства беспомощности, ужаса и тревожности. Эти чувства вызываются и поддерживаются двумя первыми элементами нашей модели — неэффективным социальным окружением и детскими психологическими травмами — и закрепляются в соответствующих паттернах поведения.

Когнитивным паттернам убийцы свойственны ригидность, негативность и повторяемость, что приводит индивида к антиобщественному мировоззрению. Он не способен на позитивное взаимодействие со своим социальным окружением, потому что его фантазии и модели мышления предназначены только для самостимуляции и снятия напряжения. Такого рода стимуляции усиливают образ «я», устрашающий как для самого индивида, так и для окружающих в его воображении. Снятие напряжения лишь подкрепляет его отчужденность.

Со временем этот процесс занимает ведущее место в психологическом мире индивида. Темы власти и господства над другими людьми становятся для него суррогатом ощущения контроля над своим внутренним и внешним опытом. Следовательно, мотивации, цели и задачи преступника определяются устройством и тематикой его когнитивных паттернов.

Когнитивные паттерны маньяков проявляют себя в мечтах, ночных кошмарах, фантазиях и мыслях с мощными визуальными составляющими. Обычно в голове у преступника происходит внутренний диалог, основанный на устойчивых заблуждениях относительно причин, следствий и вероятностей. Убийца живет в мире крайностей и обобщений. Для возбуждения ему необходимы мощные и агрессивные стимулы. Тематика его фантазий включает в себя доминирование, месть, агрессию, изнасилование, развратные действия, власть, контроль, пытки, изувечение, причинение боли себе или другим и умерщвление.

Неэффективное социальное окружение и травмирующие события детства часто приводят к тому, что ребенку становится трудно вписаться в общество. Вследствие социальной изоляции у будущего преступника начинают развиваться нездоровые фантазии.

Действия по отношению к другим

В основе детских поступков находится отношение ребенка к окружающим, равно как и его чувство собственного достоинства и психическая гибкость. Иначе говоря, поведенческие паттерны отражают особенности внутреннего мира ребенка.

Интервью с убийцами, проведенные в рамках нашего исследования, показали, что их внутренний мир наполнен

мучительными и безрадостными мыслями о доминировании над окружающими. Эти мысли находят свое выражение в широком спектре действий по отношению к другим людям. В детском возрасте они могут проявляться в виде жестокости по отношению к животным и другим детям, деструктивных игровых привычек, неуважения к окружающим, пиромании, воровства и порчи чужого имущества. В подростковом и взрослом возрасте действия становятся еще более опасными: агрессивное поведение, кражи со взломом, поджоги, похищения, изнасилования, убийства и, наконец, убийства на сексуальной почве с изнасилованием, пытками, изувечением и некрофилией.

Мы считаем, что ранние проявления жестокости по отношению как к животным, так и к людям подготавливают почву для противоправного поведения в будущем. Во-первых, агрессивные действия в раннем возрасте подкрепляются либо возможностью выразить свою ярость без негативных последствий, либо невосприимчивостью индивида к любым запретам на подобные поступки. Во-вторых, импульсивное и непредсказуемое поведение мешает заводить друзей. Неспособность к социальным отношениям дополняет уже сложившуюся отчужденность в семейных отношениях и препятствует развитию эмпатии, самоконтроля и навыков разрешения конфликтов. К тому же у преступника отсутствуют какие-либо сомнения относительно того, что он имеет право поступать так, как считает нужным. Хотя это и не означает неспособности поддерживать поверхностные отношения с окружающими, преступники имеют серьезные изъяны в части социального взаимодействия. Это одиночки, полностью поглощенные собой. Они погружены либо в мечтания (неупорядоченные мысли), либо в фантазии (упорядоченные и структурированные мысли).

Рекурсивный фильтр

Убийца реагирует на свои действия по отношению к другим и к себе самому и оценивает их, и эти реакции и оценки влияют на его будущие поступки. Мы называем такое реагирование рекурсивным фильтром, поскольку оно отзывается в стереотипных реакциях убийцы, в то же время пропуская через себя предыдущий опыт и формируя таким образом определенный образ мыслей. Система обратной связи присутствует во всех видах научения; у убийц она носит негативный и деструктивный характер.

В процессе обработки преступного опыта рекурсивным фильтром поступки убийцы получают обоснование, допущенные ошибки разбираются, а также принимаются меры для защиты внутреннего мира от ограничений внешней среды. Варьируя свои фантазии о насильственных действиях, убийца испытывает дополнительное возбуждение. Чувства господства, власти и контроля усиливаются. Убийца расширяет свои знания о способах ухода от поимки и наказания. Все это возвращается в его стереотипных реакциях и делает подробности его фантазий еще более яркими.

ПРИМЕР ИЗ ПРАКТИКИ: УОРРЕН

Лейтмотив данного кейса — «как убивать и оставаться безнаказанным». В его центре находится некто Уоррен (имя изменено), который на протяжении всей жизни с легкостью манипулировал своими родными и общественной системой (школой, органами по работе с несовершеннолетними правонарушителями, экспертами-психиатрами, судебными органами), одновременно причинив серьезные, а в некоторых случаях и фатальные увечья

нескольким женщинам. Данный случай иллюстрирует, насколько непростым делом оказалось привлечь Уоррена к ответственности за его преступления.

На примере этого мужчины мы можем видеть, что некоторым людям глубоко присущи модели поведения, направленные на совершение убийства, причем неоднократное. Применение разработанной нами модели мотивов к случаю Уоррена позволяет выделить в нем сильное ощущение собственного превосходства и идентификацию с матерью, а также раннее развитие сексуальных и агрессивных фантазий, выражавшихся сначала в домашнем насилии, потом в насильственных действиях по отношению к знакомым из числа соседей, а затем и по отношению к незнакомым людям. Хулиганские поступки в подростковом возрасте в конце концов привели к первому убийству, совершенному в возрасте 14 лет, за которое Уоррен не понес ответственности благодаря покрывательству со стороны родителей. Вскоре после того как мужчина покинул семью для прохождения армейской службы, Уоррен совершил вторую попытку убийства, но жертве удалось выжить, и его осудили. Агрессивные фантазии и поведение продолжились в тюрьме, но мужчине удавалось успешно манипулировать наблюдавшими его экспертами, вследствие чего его срок сократили на тринадцать лет. Он вышел из тюрьмы и женился, после чего сначала попытался убить жену, а затем совершил еще три убийства.

Социальное окружение

Пример социального окружения Уоррена особенно показателен неадекватностью роли семьи и девиантными, сексуально-агрессивными мыслями и поведением.

Таблица 6.1

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ В ЖИЗНИ УОРРЕНА

Событие	Сведения
1947 г. Рождение Уоррена	Провел девять дней в инкубаторе до достижения веса 2,3 кг.
Лето 1947 г.	Ангина с высокой температурой вызывает припадки. Уоррен считает, что «он умер и был реанимирован; это была судьба».
1947–1953 гг.	Спит в одной кровати с матерью.
1948–1952 гг.	Находится под присмотром бабушки, пока мать работает продавщицей в магазине.
1953–1965 гг.	Мать и Уоррен спят в разных кроватях в одной комнате.
1953 г.	Начальная школа.
1958 г.	Уоррен худеет.
1959 г.	Уоррен полнеет на 14 кг. (В 1976 году Уоррен заявил, что его изнасиловали две женщины, угрожавшие кастрировать его при помощи ножа.)
1960 г.	Уоррен худеет.
1961–1962 гг.	Занимается выхватыванием сумочек и участвует в коллективных драках.
Апрель 1963 г.	Обвинен в нападении и попытке изнасилования 14-летней девочки. Обвинен в грабеже (вырвал сумочку у пожилой слепой женщины). Обвинения сняты по формальным основаниям.
Май 1963 г.	Допрашивался по подозрению в убийстве пожилой женщины, но обвинение не было предъявлено в связи с недостаточностью улик (признался в совершении этого убийства в 1976 г.).
Июнь 1965 г.	Окончил среднюю школу.
Сентябрь 1965 г.	Поступил на военную службу.

Окончание таблицы 6.1

Событие	Сведения
Октябрь 1965 г.	Обвинен в покушении на убийство (осужден в 1966 г.).
1966 г.	Приговорен к двадцати годам тюремного заключения.
Апрель 1968 г.	В тюрьме угрожал физической расправой преподавателю. Привлечен к дисциплинарной ответственности.
Июнь 1971 г.	Написал письмо женщине-преподавателю с непристойностями и угрозами в ее адрес. Переведен в тюрьму строгого режима. Преподавательница отнеслась к угрозам настолько серьезно, что потребовала известить ее в случае его выхода из тюрьмы по УДО.
Июль 1971 г.	Привлечен к дисциплинарной ответственности за драку. В его камере найден нож. Утверждал, что сокамерник приставал к нему с гомосексуальными предложениями.
Ноябрь 1973 г.	По отбытии семи с половиной лет Уоррен вышел из тюрьмы по УДО.
Сентябрь 1974 г.	Женился на женщине с четырьмя детьми.
1975 г.	Жена утверждает, что Уоррен заставил ее написать предсмертную записку и пытался удавить тросом.
Март 1975 г.	Прекратил посещать психиатра.
Ноябрь 1975 г.	Застрелил продавщицу круглосуточного магазина (признался в совершении этого убийства в 1976 г.)
Апрель 1976 г.	Изнасиловал 44-летнюю продавщицу круглосуточного магазина, после чего убил ее и изувечил труп.
Октябрь 1976 г.	Изнасиловал 24-летнюю продавщицу круглосуточного магазина, после чего убил ее и изувечил труп. Предъявлено обвинение в убийстве с отягчающими обстоятельствами.
1977 г.	Признан виновным в трех убийствах и приговорен к смертной казни. Получил право на новое рассмотрение дела. Повторно признан виновным.
1985 г.	Приговор по делу в процессе пересмотра.

Уоррен был четвертым и последним ребенком мистера и миссис Т. Он родился недоношенным и с детства считал, что однажды умер и был реанимирован. Годами мать внушала ему, что различные неприятные случаи в его жизни, например судорожные припадки, обусловлены его недоношенностью (даже когда врач сказал, что причиной припадков была высокая температура при ангине). (Хронология событий изложена в таблице 6.1).

С момента рождения Уоррен спал в одной кровати с матерью (по ее утверждению, из-за тесноты), которая отправила мужа-алкоголика жить в комнату старшей дочери. Это распределение спальных мест продолжалось до достижения Уорреном 15-летнего возраста, хотя с семи лет он спал в отдельной кровати. На все его или сестры вопросы по этому поводу оба родителя отвечали туманно. Кроме того, Уоррен, его сестра, мать и бабушка по материнской линии (по некоторым сведениям, занимавшая в семье главенствующее положение) сплотились против отца. Двое его старших братьев ушли из дома после окончания средней школы и не могли служить примером для подражания. Когда Уоррен стал постарше, мать использовала его в качестве живого щита для защиты от приставаний отца. Женщины, в том числе сестра, подговаривали его драться с отцом. Отмечалось, что в пьяном виде отец подвергал Уоррена словесным оскорблениям.

На фоне этой сплоченности мать была сторонницей строгой дисциплины и, по рассказам, порола детей электрическим шнуром и требовала полного повиновения. Дети часто оставались под присмотром бабушки, которая била их по каждому поводу. Особое отношение матери к Уоррену странным образом сочеталось с тем, что

он служил для нее объектом использования, и это наложило характерный отпечаток на их отношения друг с другом.

Опыт первых лет учебы Уоррена в школе свидетельствует о его оторванности от сверстников и зависимости от матери, сестры и бабушки. С приближением половой зрелости в Уоррене начала заявлять о себе его глубинная озлобленность на женщин. Учился он неровно. Некоторые учителя считали его прилежным, но в то же время директор школы отмечал в одном из отчетов, что Уоррен часто «погружается в фантазии». Это замечание согласуется с рассказом сестры Уоррена о том, что временами он сидел на диване с видом полностью ушедшего в себя человека. Ребенком он не проявлял агрессии по отношению к матери, но затем стал набрасываться на нее в моменты гнева. Он мог вспылить из-за мелочей вроде желания пары хот-догов или шоколадного сиропа для мороженого.

В своей автобиографии Уоррен, в частности, написал следующее: «В возрасте нескольких месяцев я умер и меня оживили, как будто по воле рока… Я был чудаком в глазах других людей… Я решил, что буду глотать обиды». Он также привел такую аналогию: «Когда мне разрешили писать, я был словно пес, которого приласкали».

События, способствующие формированию личности

Личность Уоррена была сформирована такими событиями, как слишком тесный физический контакт с матерью, конфликтные отношения родителей, физические и словесные унижения со стороны других детей и проявившаяся в подростковом возрасте агрессивность по отношению к родителям, на которую в семье смотрели сквозь пальцы.

Этим факторам сопутствовало отсутствие у Уоррена социальных связей с его отцом и братьями, а также с людьми не из семьи. Домашнее окружение отрицало или сводило к минимуму его агрессивные проявления вне дома.

Стереотипные реакции

Чувство вседозволенности — одна из ключевых личностных черт Уоррена, источником развития которой было особое отношение к нему со стороны матери. Не менее важно и то, что уже на ранней стадии жизни он погружался в навязчивые фантазии. Дальнейшее изучение этого вопроса показало, что эти фантазии были связаны с мастурбацией. Уоррен признался в непреодолимой тяге к мастурбации, фетишизации женского белья и подглядывании за сестрой в ванной комнате. Такой набор сексуализированных интересов подтверждает сознательное восприятие им своих фантазий, поначалу пассивных (например, мастурбация под одеялом, подглядывание в замочную скважину и кража нижнего белья), а также тот факт, что для достижения состояния эмоционального подъема и получения удовольствия он испытывал необходимость в фантазировании, а не в нормальном взаимодействии со сверстниками.

> Неблагополучное окружение и полученная ребенком психологическая травма приводят к тому, что у него складываются нездоровые когнитивные и поведенческие паттерны, которые в конце концов выливаются в преступное поведение.

Другая часть стереотипных реакций Уоррена заключается в его способе мышления. Агрессивное поведение в семье указывает на раннюю зависимость от агрессивных фантазий как от основной области выражения эмо-

ций. Сексуально окрашенные фантазии начали сливаться с агрессивным поведением, отчасти вызываемым чувствами гнева и мести в связи с детскими переживаниями. Важно отметить легкость, с которой Уоррен переходил к агрессии. Налицо отсутствие мыслей, которые могли бы остановить его или заставить усомниться в правильности своих действий. Он умел быть вежливым и произвести на первый взгляд приятное впечатление, но мало что могло удерживать его от проявлений агрессии сначала по отношению к членам семьи, затем к соседям, а впоследствии и к незнакомым людям.

Действия по отношению к другим людям

Несмотря на отсутствие приводов в несовершеннолетнем возрасте, Уоррен занимался криминальной деятельностью: в компании двоих подельников он «подрезал» дамские сумочки. Также он обвинялся в нападении на пожилую слепую женщину с целью отобрать у нее сумочку. У пострадавшей была 14-летняя племянница, которая по утрам провожала ее до автобусной остановки, а после работы встречала там же и отводила домой. Однажды вечером Уоррен обматерил их и вырвал у женщины сумочку. На опознании племянница указала на Уоррена.

Во время следствия по делу об этом грабеже была найдена мертвой пожилая женщина, жившая в том же районе и, по слухам, регулярно отчитывавшая молодого человека за неподобающее поведение. Ее обнаружили с огнестрельным ранением в голову неподалеку от места, где подростки обычно вырывали у женщин сумочки. На место преступления привезли служебно-разыскных собак, которые привели полицейских к дому Уоррена. Отец сообщил им, что тот весь вечер находился дома. Уоррена отвезли

в полицейский участок для допроса по делу об убийстве. Его посчитали главным подозреваемым, поскольку соседи заметили пропажу их револьвера 38-го калибра спустя день-два после того, как Уоррен и мальчики из этой семьи играли с этим оружием.

Уоррен отказался разговаривать с полицейскими до приезда его матери в участок. Она поддержала его отказ от дачи показаний. Поняв, что Уоррен ничего им не скажет, полицейские предложили оказать ему психиатрическую помощь. Возмущенные этим родители наняли адвоката. Впоследствии все обвинения были сняты: обвинительный акт по делу о грабеже был аннулирован по формальным основаниям, а подозрение в убийстве было снято из-за недостатка улик.

Ни в детстве, ни в подростковом возрасте Уоррен не проявлял особого интереса к девочкам. Его единственной подружкой была 13-летняя девочка, с которой он не мог встречаться из-за возраста. Он приходил к ней в гости и поддерживал с ней контакт, предлагая дождаться, пока он вернется из армии.

Уоррен окончил среднюю школу и поступил на военную службу. Через месяц его обвинили в покушении на убийство молодой женщины, которую обнаружили в бессознательном состоянии и жестоко избитой. Ее жизнь спасло только своевременное прибытие врачей «Скорой помощи». Улики с места преступления указывали на Уоррена.

Рекурсивный фильтр I

Доминантой первого рекурсивного фильтра (действовавшего до ареста) было то, что все агрессивные действия Уоррена так или иначе приуменьшались его семьей. Мать не только не придавала этим актам значения и не заяв-

ляла о проявлениях агрессии в семье, но и постоянно защищала и выгораживала сына. Отец по большей части отсутствовал и был пассивен в качестве защитника семьи. В этой связи заметна сильная система поддержки агрессии подростка со стороны окружающих при деградации роли его отца. Социальная система семьи потерпела крах, а внешняя социальная система (полиция) не могла вмешиваться. Уоррен понял, что правоохранительная система в целом слаба, как и его отец, а сам он волен делать все, что пожелает; это усугубило его нарастающую поглощенность садистскими фантазиями и их воплощением. Ему все сходило с рук.

Уоррен окончил среднюю школу и впервые в жизни зажил отдельно от семьи, поступив на военную службу. Не прошло и месяца, как он снова попал в серьезные неприятности. В отсутствие родительских защиты и вмешательства Уоррену предъявили обвинение в покушении на убийство.

Психиатрическая экспертиза

В рамках предварительного следствия в ноябре 1965 года Уоррена обследовали психиатры, чтобы оценить возможность признания его невменяемым на суде военного трибунала. Согласно правовому стандарту того времени, экспертам необходимо было ответить на вопрос, достаточно ли преступник психически здоров, чтобы отличать правильное от неправильного и поступать соответствующим образом.

В период обследования находившийся в госпитале Уоррен не делал попыток ни согласиться с предъявленными обвинениями, ни отвергнуть их. Он заявил, что помнит, как запер все двери в здании, где произошло убийство,

кроме одной, и что видел работавшую за своим столом женщину. В 17:15 он отправился на автобусе в расположение части, куда прибыл около 18:00. Поужинав в столовой, он пошел играть в бильярд. Он ни разу не упомянул о каких-либо провалах в памяти. Комиссия врачей-психиатров признала, что он находится в ясном сознании; в то же время уровень его тревожности был меньше, чем можно было бы ожидать в данных обстоятельствах и с учетом предъявленного обвинения. Он продолжал отрицать наличие каких-либо воспоминаний о случившемся, говоря, что даже если и сделал это, то ничего не помнит. Некое подобие эмоциональной реакции Уоррен выразил лишь однажды, высказавшись о том, как будет расстроена его мать. При упоминаниях о жертве его лицо немного мрачнело, и он становился несколько более встревоженным. В любой другой ситуации он вел себя спокойно и непринужденно. На вопрос о причинах такого поведения он ответил: «У меня нет причин беспокоиться, пока я не узнаю, что у них на меня есть».

Поставленный психиатрами диагноз звучал следующим образом: явно выраженная хроническая агрессивность. В отчете также отмечалось, что Уоррен испытывает острую неприязнь к начальству и любым людям, которые, как ему кажется, могут им командовать. В подростковом возрасте он неоднократно участвовал в ожесточенных массовых уличных драках и признавался, что готов уничтожить каждого, кто встанет на его пути. Он также демонстрировал склонность к иждивенчеству, которую пытался отрицать, но которая очевидно проявлялась в его отношениях с матерью. Далее комиссия указала, что на момент совершения вменяемого ему преступления Уоррен был достаточно психически здоров, чтобы отличать пра-

вильное от неправильного; что он обладает достаточными умственными способностями и для понимания сути предъявленных ему обвинений, и для сотрудничества со следствием; и что он не страдает каким-либо хроническим психозом, ограничивающим его дееспособность и правоспособность.

Это заявление было приобщено к делу без дальнейшего анализа и полностью исключило возможность признания Уоррена невменяемым судом военного трибунала.

На процессе Уоррен заявил, что не признает себя виновным. Ниже приводится краткий пересказ свидетельских показаний жертвы, ставших существенной частью доказательной базы по этому делу.

19-летняя вольнонаемная, работавшая в бухгалтерии, решила задержаться на работе. Закрытием помещений после окончания рабочего дня занимался другой отдел. Обычно три двери запирались изнутри и для выхода оставалась только одна, находящаяся в юго-западном крыле здания. Через пятнадцать минут после окончания рабочего дня к этой двери подошел мужчина и обратился к пострадавшей. Она не видела его прежде и не знала, кто он. Это был крепкий молодой человек в военной форме. Он попросил ее обязательно запереть окна и выключить свет перед уходом. Затем она услышала, как он идет в северо-западное крыло, вешает замок на дверь и уходит в среднюю часть здания. Спустя еще 10–15 минут она решила пойти домой. Взяв свой кофе и бутылку содовой, она направилась в сторону гардероба. Следующим, что она помнила, было то, что она лежит головой на ступеньках лестницы и кто-то ее душит. Это был крепкий белый мужчина. Она оттолкнула его, перевернулась на живот и попыталась ползти, а он забежал за угол и взял в руки продолго-

ватый предмет, который, как ей показалось, представлял собой металлическую пепельницу. Он произнес: «Закричишь — убью». Она не помнила, как нападавший ее избивал, а очнувшись, почувствовала, что ей выстригают волосы на голове. Врач успокоил ее, объяснив, что ей состригли волосы, чтобы произвести смыв с кожи головы.

Впоследствии ей была оказана медицинская помощь; у нее были обнаружены множественные порезы скальпа, лба, лица, правого уха и носа. Также у нее был перелом черепа и были сломаны три зуба. Ее госпитализировали на семь недель. После выписки она страдала частыми и сильными головными болями, провалами в памяти и приступами учащенного сердцебиения.

Уоррен был признан виновным в покушении на убийство и был приговорен к двадцати годам колонии строгого режима.

ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ ДАВЛЕНИЕ НА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНУЮ СИСТЕМУ

Лишение свободы трудно дается человеку, привыкшему получать все, что он хочет. Поэтому неудивительно, что сразу после приговора Уоррен и его мать начали оказывать давление на правоохранительную систему по двум линиям: юридической и психиатрической. Что касается юридической стороны, то досье Уоррена заполнилось апелляционными жалобами. Когда стало понятно, что это бесполезно, отчеты психиатров запестрели замечаниями о переменах в поведении Уоррена (в лучшую сторону). И вдруг там же появилась рекомендация смягчить наказание («за успехи в коррекции поведения») и сократить срок заключения.

Подробности апелляционного процесса приводятся здесь с целью проиллюстрировать настойчивость Уоррена и его матери, а также отобразить количество времени и сил, которые система правосудия потратила на обеспечение защиты прав Уоррена.

После утверждения приговора в апреле 1966 г. в соответствующих инстанциях начали накапливаться письма — в первую очередь от Уоррена относительно обращения в апелляционный военный суд (АВС). Обжалование проводилось по двум правовым позициям: (1) являлись ли показания медсестры относительно слов пришедшей в сознание потерпевшей показаниями с чужих слов; (2) была ли изъята окровавленная одежда, принадлежащая Уоррену, незаконно и, следовательно, была ли она ошибочно допущена к суду.

В результате рассмотрения обжалования решение было принято не в пользу Уоррена, и АВС утвердил обвинительный вердикт в июне 1967 года.

Возражение о показаниях с чужих слов было отклонено, поскольку показания жертвы были идентичны показаниям медсестры. Таким образом, суд постановил, что показания медсестры были несущественными, поскольку они просто повторяли показания потерпевшей.

Изъятие одежды было признано законным, поскольку было произведено в ходе обыска при аресте, что исключает необходимость предварительного получения ордера[1].

Письмо о решении АВС, датированное 16 июля, было получено Уорреном 25 июля. Спустя три месяца, 9 ок-

---

[1] Согласно российскому законодательству при аресте на законных основаниях в протоколе указывается перечень вещей, изъятых у арестованного, что соответственно исключает получение дополнительных разрешений на изъятие вещей. *(Прим. науч. ред.)*

тября, он направил письмо начальнику отдела военной юстиции главной военной прокуратуры с просьбой о пересмотре дела. Уже 16 октября главная военная прокуратура ответила, что Уоррен утратил право ходатайствовать о пересмотре дела, поскольку предусмотренный для этого годичный срок истек (командная инстанция утвердила обвинительный вердикт 28 апреля 1967 года).

В письме сенатору от ноября 1967 года мать Уоррена опротестовала отказ в проведении нового судебного разбирательства, указав, что Уоррен не получил окончательного заключения от апелляционного военного суда до истечения установленного срока и что никто не сообщил ему о необходимости подать заявление о пересмотре дела в течение этого периода. Она также выразила обеспокоенность касательно нарушений, которые были допущены в ходе первого судебного разбирательства, а также психического состояния ее сына.

Уоррен является примером типичного убийцы: он происходил из неблагополучной семьи, с детских лет отличался агрессивным поведением и совершил первое убийство еще до наступления совершеннолетия.

Сенатор передал письмо в следственный отдел военно-воздушных сил (ВВС). Данный офис сообщил ему, что все процессуальные нормы были соблюдены, а психиатрическое освидетельствование во время судебного процесса показало, что Уоррен находится в здравом уме, хотя и страдает характеропатией[1] и расстройством поведения. Таким образом, преступник исчерпал все свои апелляционные возможности и не имел права обращаться с ходатайством

[1] Характеропатия — расстройство личности с заострением отдельных черт характера. *(Прим. ред.)*

о пересмотре после истечения годичного срока. По мнению управления, единственным оставшимся для Уоррена шансом было обращение в комиссию ВВС по исправлению ошибок военных судов. Это возможно только при наличии исключительных обстоятельств. Для этого Уоррену нужно было доказать, что он является жертвой несправедливости, и тогда комиссия рассмотрела бы его дело и дала соответствующие рекомендации министру ВВС.

Мать Уоррена обращалась также к другому сенатору и одному конгрессмену, поскольку информация о причинах отказа в пересмотре дела была направлена и им.

В ноябре 1967-го прошение Уоррена о помиловании и восстановлении в должности было отклонено.

В декабре 1967-го года Уоррен направил письмо другому конгрессмену, председателю комитета Палаты представителей США по вооруженным силам, и в подкомитет по конституционным правам судебного комитета Сената США. В них он объяснял, что откладывал подачу ходатайства о пересмотре дела до получения решения апелляционного военного суда и что никто и никогда не говорил ему о существовании предельного годичного срока. Эти письма также были переданы в управление ВВС по работе с законодательными органами.

В своем ответе управление по работе с законодательными органами сообщило о законопроекте, по которому срок подачи ходатайства о пересмотре увеличивается с одного года до двух лет с момента утверждения приговора командной инстанцией. В случае принятия нового закона его действие будет распространяться задним числом на решения, принятые в течение двух лет до даты его вступления в силу. Таким образом, если бы закон вступил в силу не позже чем 27 апреля 1968 года, у Уоррена

могло бы появиться право ходатайствовать о пересмотре дела.

Управление еще раз предложило Уоррену обратиться в комиссию по исправлению ошибок военных судов или же ходатайствовать об исправлении фактических ошибок, допущенных при вынесении судебного решения. Последнее означало, что мужчине необходимо обратиться в рассматривавший его дело суд военного трибунала и привлечь внимание к ошибкам, допущенным в ходе процесса.

Новый закон вступил в силу только в октябре 1968 года, поэтому Уоррен не получил права ходатайствовать о пересмотре дела, а ходатайствовать об исправлении фактических ошибок он не стал. Однако в мае 1968 года он направил в АВС ходатайство о судебной защите. Его смысл заключался в том, что в отдельных случаях главный военный прокурор имеет право не принимать во внимание законодательную норму об ограничении срока подачи ходатайства о пересмотре дела одним годом, отменить первоначальный приговор и разрешить пересмотр дела. В ходатайстве подчеркивалось, что год — это слишком короткий срок, а потому данную ситуацию можно считать отказом в праве на защиту в суде.

14 июня 1968 года это ходатайство было отклонено. Уоррен предпринял еще одну попытку в январе 1971 года, написав апелляционное письмо начальнику военно-юридической службы. В ответном письме мужчину проинформировали, что он полностью исчерпал свои апелляционные возможности и что единственной мерой, к которой он может прибегнуть, является обращение в комиссию ВВС по исправлению ошибок военных судов.

Такое обращение было направлено в сентябре 1971 года. В нем утверждалось, что в его случае имели место ошиб-

ка и/или несправедливость, поскольку (1) в момент ареста ему не сообщили о его конституционных правах и (2) принятые судом доказательства были недостаточными для вынесения обвинительного вердикта, а ряд доказательств был получен с нарушением его прав (можно предположить, что имелась в виду окровавленная одежда).

Оба эти вопроса были решены не в пользу Уоррена, и обращение было отклонено. Требование сообщать задержанному о его конституционных правах распространяется только на аресты, производящиеся после 13 июня 1966 года, тогда как Уоррена арестовали в марте 1966 года, а с проблематикой доказательной базы тщательно разобрался АВС, который вынес по этому поводу соответствующее решение.

Краткий обзор результатов психиатрических освидетельствований

Параллельно с подачей жалоб в судебные инстанции Уоррен время от времени проходил психиатрические освидетельствования в исправительном учреждении для молодых преступников. В его личном деле было зафиксировано, что он отказался участвовать в программах профессионально-технического и общеобразовательного обучения. Он не вступил на путь сотрудничества с администрацией и отказался от всех видов психиатрической помощи. Его сочли нарушителем программы перевоспитания и перевели в исправительное учреждение для взрослых преступников.

В марте 1968 года, на втором месте отбывания наказания, Уоррена обследовал психолог, который установил, что он нормально развит умственно, активен, раздражителен, нервозен, озлоблен и настроен враждебно по

отношению к другим. Также он указал, что преступник импульсивен, замкнут в собственных идиосинкразических представлениях об окружающем мире, легко возбудим и страдает тяжелым расстройством личности. Было рекомендовано перевести его на строгий режим содержания.

На ежегодном рассмотрении его личного дела в сентябре 1969 года штатные психиатры не рекомендовали смягчать меру пресечения. Они установили, что за время, прошедшее с момента прошлого рассмотрения дела, Уоррен слишком мало продвинулся на пути исправления и саморазвития. Указывалось, что он по-прежнему выказывает возмущение и злобу по поводу своего ареста и содержания на гауптвахте.

В октябре 1969 года Уоррена обследовал психолог, диагностировавший у того параноидную шизофрению в частичной ремиссии. В его отчете было указано, что преступник замкнут, временами полностью погружен в себя и, похоже, прислушивается к некоему внутреннему голосу (как при слуховых галлюцинациях, наличие которых он отрицал). Время от времени Уоррен гримасничал, ухмылялся без видимых причин, не к месту смеялся и периодически переходил на инфантильную манеру речи, неуместную в контексте исследования. Невзирая на незаинтересованность и демонстративную невнимательность, он показал IQ, равный 115. Указывалось также, что он идентифицирует себя скорее как женщину, а общая картина его отношения к взрослым людям сумбурна. Этот эксперт был единственным, кто указал на возможное наличие у Уоррена слуховых галлюцинаций, признав при этом, что это всего лишь его догадка.

В сентябре 1970 года преступника обследовал психолог, описавший его как очень незрелую личность со склонно-

стью к неадекватным действиям. Он рекомендовал Уоррену учиться контролировать себя и сдерживаться.

С октября 1970 года результаты психиатрических освидетельствований начали меняться в лучшую сторону. Комиссия исправительного учреждения изучила дело Уоррена и пришла к выводу о том, что с точки зрения возможности смягчения наказаний к нему можно применить меры позитивной поддержки. Было сочтено, что некоторое поощрение будет уместно, поскольку Уоррен ведет себя конструктивно, а в его установках и поведенческих особенностях произошли изменения. Комиссия предложила рассмотреть возможность смягчения назначенной меры пресечения и сокращения его срока с двадцати до десяти лет тюремного заключения. По мнению комиссии, сокращение срока помогло бы осужденному лучше справляться со своей подавляемой враждебностью и придало дополнительный импульс его работе по контролю над собой. Члены комиссии не сочли условно-досрочное освобождение уместным на данном этапе и высказались против него, но предложили спустя разумное время вернуться к этому вопросу.

Однако в январе 1972 года один психиатр обратил внимание на неизменный отказ Уоррена признать себя виновным в совершении преступления. В своем отчете он настоятельно просил членов комиссии по условно-досрочному освобождению перечитать свидетельские показания в суде и отказать в удовлетворении ходатайства об УДО в случае, если они убедятся, что Уоррен действительно совершил это преступление. Эксперт не поверил, что Уоррен исправился, и посчитал, что он будет представлять очень серьезную угрозу для любой женщины, проживающей с ним в одном районе. Исходя из предположения, что преступление со-

вершил именно Уоррен, психиатр заметил, что в этом случае нельзя говорить о допущенной по отношению к нему несправедливости. Далее психиатр сообщил, что заставил Уоррена поговорить с ним о его чувствах. О своих сексуальных влечениях Уоррен говорить отказался; по оценке эксперта, он отрицал и подавлял их. Этот психиатр считал, что Уоррен манипулирует сотрудниками, заставляя их думать, что он действительно изменился. Совершенно очевидно, что рекомендовавшие смягчить меру наказания члены комиссии не были убеждены в том, что Уоррен совершил покушение на убийство, поскольку на тот момент он это отрицал. Этот психиатр был совершенно убежден в опасности Уоррена и понимал, что он является психопатом. Однако он был в меньшинстве.

В сентябре 1972 года двое психиатров освидетельствовали Уоррена и положительно высказались о степени его контроля над собой. Признав, что он несколько инфантилен и эгоцентричен, они, тем не менее, сочли уровень самоконтроля Уоррена достаточным, чтобы рекомендовать вернуть Уоррена в общество.

В ноябре 1973 года, отбыв семь с половиной лет из шестнадцатилетнего заключения (первоначальный двадцатилетний срок был сокращен), Уоррен получил положительную рекомендацию от комиссии по условно-досрочному освобождению. Ему нашли работу в судостроительной компании, а также было поручено пройти курс лечения у психиатра.

Уоррен замечательно манипулировал обследовавшими его психиатрами. В отчетах не было отмечено ни одной попытки поговорить с ним о его агрессивных фантазиях. Вывод об уровне самоконтроля Уоррена был сделан, в частности, на основе того факта, что он работал на кух-

не с ножами и ни на кого с ними не напал. При этом два зафиксированных случая агрессивного нападения (на преподавательницу и сокамерника) комиссия никак не прокомментировала.

Рекурсивный фильтр II

Активация второго рекурсивного фильтра Уоррена началась с его выходом из тюрьмы. Там у него было время обдумать свои прошлые преступные деяния, идеи и фантазии, чтобы понять, как довести до полного совершенства будущие преступления. Давайте вернемся к хронике жизни Уоррена и узнаем, что происходило после его выхода из тюрьмы.

Жизнь после освобождения

После условно-досрочного освобождения из тюрьмы в ноябре 1973 года Уоррен поселился у матери и начал работать. В течение нескольких месяцев он встречался с 30-летней разведенной женщиной с ребенком. Она прекратила встречаться с ним из-за его «неадекватного» поведения. В частности, она рассказывала о том, что он «шевелил пальцами ног во время просмотра телевизора и хихикал, когда на экране не было ничего смешного» и «заставлял вести его машину, а сам сидел рядом и улыбался». По словам женщины, Уоррена веселило зрелище ее, пристегнутой ремнем безопасности. Кроме того, она сообщила, что он ни разу не домогался ее сексуально.

В марте и июне 1974 года Уоррен получил два штрафа за нарушение правил дорожного движения. Мать молодого человека позвонила, чтобы сообщить об этом, его инспектору по надзору, когда Уоррен был на работе. Первый раз мужчину оштрафовали за превышение скорости

в нетрезвом виде, а второй — за проезд на запрещающий сигнал светофора. За езду со скоростью 135 км/ч в зоне ограничения до 90 км/ч ему выписали штраф в размере 87,5 доллара. Ни инспектор по надзору, ни психиатр Уоррена не придали этим штрафам серьезного значения.

На работе Уоррен познакомился с разведенной матерью четверых детей, с которой встречался на протяжении семи месяцев до заключения ими брака в сентябре 1974 года. Она описала Уоррена как очень спокойного человека, который с пониманием относился к ней и ее проблемам с бывшим мужем из-за права на встречи с детьми. Она сказала, что в отличие от других знакомых ей мужчин он был милым и добрым. Ей не показалось, что он вел себя как-то необычно.

В октябре Уоррен заявил своему инспектору по надзору, что его жена «сбежала» и не сообщила, где живет. Он догадывался, что она направилась к подружке своего бывшего мужа. Как раз в то время местная полиция арестовала его жену по заявлению этой девушки, предъявив ей обвинение в нанесении тяжких телесных повреждений. Ее посадили в окружную тюрьму и выпустили под залог. После освобождения она не вернулась к мужу и поселилась у родителей. В отчете о соблюдении режима условно-досрочного освобождения за ноябрь указано, что пара проживает раздельно.

Будучи осужденным за покушение на убийство, Уоррен вместе со своей семьей принялся подавать апелляции во всевозможные инстанции, однако приговор суда не был изменен. Тем не менее при помощи манипуляций Уоррену удалось убедить административные органы в улучшении своего состояния, и через семь с половиной лет он вышел по УДО.

Жена Уоррена рассказала о нескольких неприятных инцидентах, свидетельствующих о тенденции к домашнему насилию. Вскоре после бракосочетания она была подавлена из-за посещения детей бывшим мужем и обронила, что проще ей будет покончить с собой. Она сказала это больше в шутку, но Уоррен, судя по всему, воспринял ее слова всерьез и сказал, что если уж она действительно хочет умереть, то он ее запросто убьет. Сперва они просто «дурачились»: он схватил подушку и изобразил, будто душит ее. Поняв, что он теряет контроль над собой, она не на шутку перепугалась. Женщина потеряла сознание и сообщила об этом инциденте в полицию. По ее словам, он заставил ее написать предсмертную записку. В качестве второго инцидента она приводит случай, когда Уоррен пришел домой нетрезвым. Когда она попросила его помочь ей, он пришел в бешенство и угрожал «проломить ей башку», если она не отстанет. Третий инцидент произошел, когда их домашний кролик убил своего крольчонка. За это Уоррен прибил питомца, ударив его головой о столб, после чего освежевал, чтобы приготовить на ужин. Жена была шокирована количеством крови на Уоррене.

Женщина также отметила, что их половая жизнь была активной и удовлетворительной вплоть до рождения совместной дочери, после чего Уоррен полностью утратил интерес к сексу и перестал помогать ей по дому. Изначально оба работали в дневную смену, но со временем перешли на ночной график, поскольку мужчине не нравилось рано вставать.

После рождения дочери характер и поведение Уоррена изменились настолько резко, что жена заподозрила его во встречах с другой женщиной. На вопросы об этом он

либо говорил ей, что она сама не понимает, что несет, либо утверждал, что он такого не помнит. Он мало спал. Раньше они ложились спать вместе, а теперь он оставался бодрствовать, когда жена шла спать, и сидел в гостиной один перед телевизором. Как-то ночью она обнаружила его сидящим в гостиной без света. Телевизор был включен, но ничего не показывал. Он утверждал, что переживал, как бы с ней или с младенцем ничего не случилось. Жена говорила, что он был сам не свой.

В декабре 1974 года Уоррен написал своему инспектору по надзору письмо с просьбой закончить консультации у психиатра. Он ссылался на разговор со своим консультантом: «Я сказал ему, что мог бы получать прибавку [на работе], если бы мне не нужно было периодически отлучаться. Мой консультант сказал, что не видит разницы, принимать ему меня раз в месяц на пятнадцать минут или вообще не принимать. Он сказал, что доволен тем, как я живу, уже довольно давно и что у меня нет проблем, кроме штрафов за нарушение ПДД, которые и ему приходят тоже. Я сказал ему, что не вижу проблем, с которыми не смог бы справиться сам, и оставляю ситуацию на его усмотрение. Так что если вы не против, я больше не буду ходить в клинику. Если у меня возникнет какая-то проблема, я позвоню своему консультанту». В марте 1975 года Уоррену отменили обязательные посещения психиатра.

В октябре 1975 года инспектор по надзору в своем рапорте рекомендовал снизить Уоррену срок приговора. Он доложил, что мужчина вновь сошелся с женой и продолжает работать. В ноябре 1975 года срок Уоррена сократили до тринадцати лет, и, таким образом, надзорный режим должен был завершиться для него в марте 1979 года.

Обвинение в убийстве

В октябре 1976 года Уоррену было предъявлено обвинение в убийстве, ограблении и изнасиловании. Полиция задержала его при попытке покинуть место преступления. Ниже приводятся подробности преступления и признания Уорреном вины.

Около 22 часов посетитель круглосуточного магазина не обнаружил никого в помещении и заявил о пропаже продавщицы, 24-летней матери двоих детей ростом 163 см и весом 77 кг. В последний раз женщину видели около 21:45 подметающей крыльцо магазина — об этом сообщил мужчина, живущий в доме напротив. Еще один свидетель показал, что около 22 часов услышал, как какая-то машина с шумом развернулась и на большой скорости уехала от магазина. Развернутая на следующий день масштабная поисковая операция не обнаружила каких-либо следов или зацепок.

Двумя днями позже один мужчина заметил подозрительного мужчину на принадлежащем ему лесном участке. Он сообщил полиции его приметы и описал его грузовик, после чего отправился осмотреть место, где находился преступник. Там он обнаружил необезображенный труп и сообщил об этом в полицию. Ожидая приезда полицейских, владелец участка увидел, что мужчина возвращается. Прибывшие стражи порядка обнаружили труп обезображенным.

Тело жертвы было обнаружено в лесополосе, прилегающей к кукурузному полю. Судя по всему, первоначальное место преступления находилось примерно в 28 метрах от дороги. На этом участке трава высотой около полуметра была примята и окровавлена. Следы указывали, что тело волочили до места обнаружения, где оно было уложено

навзничь. Трупные пятна указывали на то, что тело пролежало не меньше восьми часов. В руке у жертвы был зажат клочок травы с места, где, по всей видимости, произошло нападение. Левая грудь была отрезана, и обнаружить ее не удалось. На теле жертвы были резаные раны: на правой груди в районе грудной клетки длиной около 10 сантиметров и на животе длиной около 14 сантиметров. Все раны были нанесены посмертно. Нижняя часть тела была частично прикрыта обрывками картона, которые, по всей видимости, были найдены убийцей неподалеку. В области затылка также были найдены следы ударов.

Для задержания подозреваемого на шоссе был выставлен полицейский пост. Не доезжая до него, Уоррен съехал с шоссе на узкую тропу, ведущую в поле. Он выпрыгнул из своего заглохшего пикапа и ринулся в заросли. Его заметили с полицейского вертолета, который наблюдал за местностью. Полицейские моментально оцепили лесополосу, лишив Уоррена возможности скрыться. Спустя примерно час на место доставили жену Уоррена. С помощью громкоговорителя она попросила его сдаться властям. В ответ Уоррен прокричал ей, что он действительно сделал то, что предполагают полицейские, добавив: «Я вас [полицейских] заставлю меня убить». Затем он вышел, и на него надели наручники.

Зачитав Уоррену права, полицейские задали ему несколько вопросов относительно преступления и получили следующие сведения. По словам мужчины, в тот вечер они отмечали день рождения его дочери в компании сестры жены, ее мужа и матери Уоррена. Позднее он отвез мать домой и остановился, чтобы заправиться. Затем он отправился на собачьи бега. Вскоре он вернулся на заправочную станцию и под угрозой применения оружия

вынудил продавщицу прилегающего магазинчика сесть в свою машину. Далее он приехал на проселочную дорогу, где остановился и изнасиловал женщину. После этого он отвел ее в лесополосу, усадил и застрелил.

Он вернулся домой и лег спать, но заснуть не смог, поэтому встал и приготовил себе какао. На следующий день он вернулся к месту преступления. Увидев гуляющих по лесополосе мальчиков, он решил, что они могут найти труп, и уехал. На следующий день он вновь приехал на место преступления, перенес труп и нанес ему несколько ударов ножом в области живота и груди. Затем он ненадолго отъехал, а вернувшись, увидел на месте людей и автомобили.

Новая информация

На последовавших за арестом допросах Уоррен сознался и в других убийствах. 11 ноября 1975 года белая женщина 27 лет была обнаружена избитой и застреленной одиночным выстрелом в голову в круглосуточном магазине у заправочной станции, где работала продавщицей. Уоррен рассказал, что они с женой ранее останавливались в этом месте, чтобы заправить машину. Позже он вернулся туда один, но, увидев в магазине посетителей, отъехал и возвратился, когда они ушли. Зайдя в магазин, он выстрелил продавщице в лоб. Выручку он не забрал.

В 2:50 16 апреля 1976 года разносчик утренних газет сообщил об исчезновении продавщицы круглосуточного магазина — 44-летней голубоглазой блондинки плотного телосложения. В магазине никого не было. Сумочка женщины, в которой были 85 долларов наличными, сигареты, зажигалка и футляр от очков, осталась в магазине. Следы борьбы и какие-либо разрушения отсутствовали, все было на своих местах.

Через три дня обнаженное тело женщины было обнаружено неподалеку от заброшенного сельского дома. Труп лежал навзничь, нижнее белье было спущено до колен. Обе груди были отрезаны и лежали между ног. В районе живота имелась резаная рана, также были изрезаны обе ноги. Из дома вел окровавленный след. Рядом с трупом лежал детективный журнал, в правой руке жертвы были зажаты увядшие пуэрарии. Судя по всему, убийца возвращался на место преступления, чтобы нанести порезы на внешнюю и внутреннюю поверхность бедер. Судебно-медицинский эксперт установил, что смерть наступила в результате выстрела в упор в голову.

Уоррен рассказал, что похитил женщину под угрозой применения оружия и отвез ее в заброшенный дом. Сначала он заставил ее снять брюки и трусики, а потом лечь на пол. Поле этого он выстрелил ей в лицо. На следующий день он вернулся и вытащил ее из дома, после чего отрезал груди и изрезал живот и ноги.

Подготовка судебного процесса

В ходе подготовки к суду адвокаты Уоррена постоянно убеждали его в серьезности предъявленных обвинений и в необходимости отыскать в своей биографии что-либо из ряда вон выходящее и рассказать, когда именно он начал вести себя или чувствовать ненормально. После предварительного судебного заседания Уоррен сообщил о своем намерении высказаться. Заговорив, он начал обильно потеть. Он напрягся всем телом, его глаза были навыкате, зрачки расширились. Сильно дрожа, он рассказал своим адвокатам, что в двенадцатилетнем возрасте его изнасиловали две несовершеннолетние девушки. Он не был с ними знаком, и они не ходили в его школу. Он сказал, что ранним вече-

ром возвращался из школы (по шоссе в том же небольшом районе, где он провел детство, проживал в период совершения убийств и где жили все его жертвы) с бейсбольной перчаткой в руке. По его словам, с ним поравнялись две девушки и заговорили о том, чтобы заняться с ним сексом. Он отказался, и тогда девушки взяли его под руки и отвели в заросшее травой придорожное поле. Там они расстегнули свои блузки, а одна из них сняла шорты. Уоррен сказал, что они пытались вызвать у него эрекцию, но у него, как он выразился, «не встал». Он сказал, что его очень больно ударили в область мошонки. Затем его швырнули на землю, одна девушка села на него, а другая сняла трусики, накрыла его рот своей вагиной и, приставив нож к его шее, заставила «себя вылизать» (по его словам, он не делал ничего подобного ни до, ни после). После того как его отпустили, он пришел домой в ужасном состоянии, а родители заставили его идти искать бейсбольную перчатку, которую он потерял при нападении. На вопрос, почему он не рассказал родителям о происшедшем, он ответил, что отец был всегда пьян, а при матери «нельзя было и заикнуться о сексе или чем-то подобном».

Выйдя из тюрьмы, Уоррен какое-то время жил нормальной жизнью, работал и даже женился. Он производил хорошее впечатление на психиатра и инспектора по надзору, но спустя всего несколько лет после освобождения вновь совершил убийство.

Он также рассказал своим адвокатам о другом случае, когда женщина пыталась заигрывать с ним, а он смертельно испугался и набросился на нее с кулаками. По его словам, он застрелил одну женщину из-за того, что она была очень похожа на ту, которая села ему на лицо. Он сказал, что возвращался на место преступления и резал

убитых женщин, потому что хотел, чтобы им было «так же больно, как сделали мне [те девушки]».

Адвокаты узнали подробности о нападении Уоррена на 14-летнюю девушку перед поступлением на военную службу. По его версии, он собрался вступить с ней в половое сношение, но она испугалась и отказала ему. Он сказал, что до этого они уже занимались сексом и что она вела беспорядочные половые связи со всем районом.

Уоррен также сознался в убийстве пожилой женщины, которое совершил в подростковом возрасте и ранее отрицал. Пистолет, послуживший орудием убийства, был обнаружен несколько лет спустя при сносе дома, в котором жила его семья.

Досудебное психиатрическое обследование: вопрос о вменяемости

Во время досудебного психиатрического обследования у Уоррена диагностировали острое шизоидное расстройство с выраженными параноидными признаками. Также у него были выявлены признаки некросадизма и эпизодической утраты контроля. В итоге Уоррен был признан вменяемым и способным отвечать перед судом. Он понимал разницу между правильным и неправильным, был в целом осведомлен об основных правовых нормах и мог принимать участие в своей защите. При этом также не исключалось, что в периоды совершения убийств он был не способен в достаточной мере контролировать себя, чтобы удержаться от преступлений.

Поскольку Уоррен уже сознался в убийствах, проблема состояла не в установлении его вины в прямом смысле. Перед присяжными стоял вопрос о том, насколько он был вменяем в момент совершения убийств. Решение о его вменяемо-

сти означало бы высокую вероятность вынесения смертного приговора. А признание его невменяемым могло бы повлечь освобождение от уголовной ответственности. Поэтому адвокаты делали акцент на том, что, несмотря на свою общую вменяемость и способность различать правильное и неправильное, Уоррен не контролировал себя, когда совершал убийства. Они настаивали, что это обусловлено исключительно психическими недугами Уоррена и, следовательно, он не несет уголовной ответственности за свои деяния.

Психиатр, выступавший в суде со стороны защиты, диагностировал у Уоррена шизоидное расстройство с элементами паранойи и некросадизма и эпизодическую утрату контроля. Он нашел Уоррена способным отвечать перед судом. Он охарактеризовал его как человека достаточно бесстрастного и производящего впечатление спокойного и уравновешенного; в то же время он постоянно переживал мощные психические конфликты и острую тревожность. Он был подвержен проективности[1] и вспышкам ярости. Этот психиатр считал, что в моменты совершения убийства Уоррен утрачивал связь с действительностью, и указывал, что чудовищные подробности преступлений заставляют считать их делом рук психически больного человека. Выступая в суде, он заявил, что личность Уоррена всегда функционировала с изъянами, а временами деградировала настолько, что он становился психически больным. Именно в такие моменты он и совершал свои преступления, не будучи в состоянии удержаться от убийства женщины.

В стремлении пояснить причины совершения убийств этот психиатр обратился к биографии Уоррена и привлек внимание суда к следующему:

---

[1] Проективность — склонность индивида верить в то, что мир враждебен по отношению к нему. *(Прим. ред.)*

1. Уоррен вырос в доме, где всем заправляли женщины, а мужчины дискредитировались.
2. Виктимизация 12-летнего Уоррена двумя девушками старшего возраста послужила подтверждением сложившегося у него видения мира.
3. Женитьба Уоррена на женщине с четырьмя детьми свидетельствует о его склонности больше сочувствовать детям, нежели взрослым, и о его чувствительном отношении к материнству.
4. Период совершения убийств указывает на возобновление у Уоррена его детских страхов, что было обусловлено событиями беременности и деторождения, следовательно, он воспринимал убийства женщин как средство собственной защиты.
5. Изувечение жертв было попыткой лишить их половых признаков и придать им неженские черты.

В результате напряженного перекрестного допроса сторона обвинения сделала следующие выводы:

1. Выбор Уорреном жертв определенной внешности говорит о том, что он был способен контролировать свои поступки.
2. Если бы Уоррена застали за совершением убийства, он наверняка попытался бы покинуть место преступления и избежать поимки.
3. Периоды утраты контроля чередовались с периодами вменяемости, и нет никаких оснований полагать, что Уоррена можно было бы излечить с помощью какой-либо из известных психиатрических методик; следовательно, скорее всего, он продолжил бы следовать сложившейся модели поведения и даже мог стать еще более жестоким.

Психиатр, выступавший в суде со стороны обвинения, обнаружил у Уоррена превышение необходимого уровня контроля над эмоциями и счел его адекватно воспринимающим действительность. Уоррен пользовался защитными механизмами отрицания, подавления, проекции и рационализации. Он посчитал Уоррена высокоамбивалентным, эмоционально незрелым, капризным и боящимся взрослой жизни и близких отношений. По его мнению, Уоррен обладал достаточным контролем, чтобы планировать и совершать свои убийства с минимальным риском разоблачения. Этот психиатр диагностировал у Уоррена психопатию, характеризующуюся паранойей и шизоидным мышлением.

9 августа 1977 года Уоррена признали виновным, а 7 сентября того же года ему был вынесен смертный приговор. Обоснованием такого решения послужило наличие отягчающих обстоятельств (особая жестокость убийств) при недостаточности смягчающих (таких как вынуждающие обстоятельства, согласие жертвы или невменяемость).

Обвинительный приговор был обжалован по ряду оснований. Прежде всего, в апелляционной жалобе утверждалось, что Уоррен совершал убийства под воздействием психического или эмоционального расстройства крайней степени и при вынесении смертного приговора это должно было быть учтено в качестве смягчающего фактора. Апелляционный суд не принял этот аргумент, указав, что суд первой инстанции должным образом исследовал все отягчающие и смягчающие обстоятельства дела, после чего обоснованно вынес смертный приговор.

Однако два других аргумента убедили апелляционный суд в необходимости отмены обвинительного при-

говора и возврата дела в суд первой инстанции для пересмотра. Во-первых, было сочтено, что высказывания прокурора носили предвзятый характер. Это касалось его высказываний относительно последствий того, что присяжные признают Уоррена невменяемым в момент совершения убийств. Суд счел, что прокурор не мог упоминать на процессе о том, что следствием признания невменяемости Уоррена во время совершения убийств может стать его освобождение из-под стражи как лица, чья вменяемость на данный момент установлена. Кроме того, стороне обвинения было запрещено ссылаться на факт досрочного освобождения Уоррена, после которого он совершил убийства. Это было обосновано тем, что подобные ссылки не имеют значения для решения вопроса о вменяемости Уоррена во время совершения убийств, признанного единственным вопросом, на который должна была ответить коллегия присяжных. В своем заключительном слове прокурор сделал особый акцент на показаниях, свидетельствовавших в пользу нынешней вменяемости Уоррена. Вторым основанием для отмены была проблема формулировки вердикта. Подсудимый обвинялся в изнасиловании и умышленном убийстве, однако судья на процессе уведомил присяжных, что в случае, если они признают Уоррена виновным, формулировка вердикта должна гласить: «Мы, коллегия присяжных заседателей, считаем подсудимого виновным в убийстве с особой жестокостью в соответствии с предъявленными ему обвинениями и находим его заслуживающим смертной казни». Сама формулировка заключения была сочтена недопустимой, поскольку требовала от присяжных признания Уоррена виновным в преступлении, которое ему не вменялось. Еще больше осложнило ситуацию

то, что обвинительный вердикт присяжных гласил: «Мы, коллегия присяжных заседателей, считаем подсудимого виновным в убийстве при отягчающих обстоятельствах и находим его заслуживающим смертной казни электрическим током».

По законодательству штата тех времен признание присяжными вины подсудимого в преступлении, которое ему не вменялось, считалось «неустранимым противоречием» между обвинительным актом и решением суда. Правовой принцип подразумевал, что подсудимый ни при каких обстоятельствах не может быть осужден за преступление, в котором он не обвиняется. В подобных случаях решение суда подлежало отмене и дело должно было быть рассмотрено заново.

Судьи апелляционного суда и верховного суда штата разошлись во мнениях. Один из несогласных с решением верховного суда не принимать дело к рассмотрению выразил мнение о том, что формулировка вердикта коллегии присяжных давала судье достаточные основания для вынесения решения. Эта позиция отличалась от мнения другого судьи, поддержавшего решение апелляционного суда. Согласно ему, высказывания прокурора не могли считаться основанием для отмены судебного решения, но в то же время для этого было достаточно наличия «неустранимого противоречия».

Обвинение ходатайствовало о повторном рассмотрении дела апелляционным судом, но получило отказ. Тогда прокуроры обратились в верховный суд штата, который отказал им в рассмотрении дела. Таким образом, отмена судебного решения и его возврат на пересмотр в суд первой инстанции вступили в законную силу, и Уоррен получил право на новый суд.

В августе 1981 года дело Уоррена было рассмотрено повторно, и в сентябре того же года он был вновь признан виновным и приговорен к смертной казни. Это решение было также обжаловано; апелляционная инстанция утвердила вердикт о виновности и направила дело на рассмотрение в верховный суд штата, который вновь вернул его в первую инстанцию, на сей раз для пересмотра смертного приговора. Уведомление об этом было получено окружным судом в июле 1984 года. Кроме того, рассматривается гражданский иск супруга одной из жертв к Федеральной комиссии по вопросам условно-досрочного освобождения и Федеральному бюро тюрем. По этому иску супруг и дети погибшей требовали материальной компенсации вреда (в связи с лишением жены и матери), причиненного халатностью государственных служащих, которые выпустили Уоррена на свободу, невзирая на наличие медицинских данных о его патологической склонности к убийству.

Уоррен признался в совершении нескольких убийств и объяснил свое поведение детской травмой. Суд присяжных приговорил его к смертной казни, но из-за процедурной ошибки дело пересматривалось еще несколько раз в разных инстанциях.

Второй рекурсивный фильтр был сформирован в период отбывания Уорреном срока за покушение на убийство и активизировался с его выходом на свободу. Наша уверенность в том, что стереотипные реакции Уоррена не претерпели изменений, а склонность к садистским проявлениям лишь нарастала, основывается в том числе на информации о его полном неприятии любой психотерапевтической помощи и отказе от нее в период заключения и после условно-досрочного освобождения. Нет никаких сведений о том,

что кто-либо обсуждал с ним его кровавые фантазии. Эти фантазии не наводили его на мысль о том, что он ненормален и безумен; напротив, они продолжали являться главным из известных ему источников наслаждения. На момент выхода из тюрьмы они оставались имплантированными в его сознание.

Следует остановиться на трех аспектах его второй серии убийств: (1) эскалации агрессивных фантазий; (2) самоотождествлении с матерью; (3) показаниях об изнасиловании двумя лицами женского пола в подростковом возрасте.

В отсутствие психиатрической помощи в период тюремного заключения его фантазии продолжили существовать, усугубляться и нарастать. У него было время стать более организованным в планировании своих преступлений. После выхода на свободу он совершил три убийства с изувечением, что указывает на эскалацию жестокости его фантазий. О рациональности поведения Уоррена говорят также его возвращения к местам совершения преступлений и предположительно сексуальный характер его контактов с трупами жертв.

Вступление в брак после выхода из тюрьмы свидетельствует о сложной динамике взаимосвязей между его самоотождествлением с матерью и выбором жены и жертв. Для Уоррена жена была символическим напоминанием о матери (женщина с четырьмя детьми). Фантазирование относительно нее привело к попытке убийства, упущенной из виду как психиатрией, так и надзорной системой. Вторая серия убийств была связана с появлением на свет собственного ребенка и последующим отказом от половых отношений с женой (напоминающим о поведении матери в отношении отца).

Уоррен выбирал жертв вне семьи, следуя модели поведения, известной ему по циклу первого рекурсивного фильтра. Косвенным образом он знакомился с жертвами, покупая товары в магазинах, где они работали. Как и с жертвами первых убийств, после этого он прибегал к фантазии, чтобы выстроить некий внутренний диалог, который послужил бы оправданием их убийства. То, что жертвы не были ему совершенно незнакомы, мысленно увязывало их с матерью и его самоотождествлением с ней. Она здесь, но в то же время не здесь. Он знает их, но в то же время не знает.

В том, что касается первых убийств, существенное значение имеет факт его изнасилования в подростковом возрасте двумя лицами женского пола. Наиболее интересным является вопрос о том, как следует относиться к этому воспоминанию. С одной стороны, этому рассказу можно не верить исходя из того, что девиантная женская сексуальность обычно не проявляется подобным образом. Можно предположить, что это некая проекция собственных садистских половых наклонностей Уоррена. Но можно также предположить, что если рассказ Уоррена не выдуман, то его изнасиловали не две девушки, а двое мужчин, а он был не в силах признаться в этом. Если поверить рассказанному, возникает также вопрос о том, насколько сильно нанесенная в двенадцатилетнем возрасте психологическая травма определяла деструктивное поведение Уоррена. Налицо ряд признаков, свидетельствующих о том, что это событие действительно имело место: колебания веса (т.е. фантазия беременности) и выбросы агрессии через изнасилование и убийство подразумевают его разгневанность своей сексуальной неполноценностью.

РЕЗЮМЕ

В проведенных ранее исследованиях влияния событий прошлого на преступное поведение подростков и взрослых акцент делался на событиях как таковых, а не на реакциях и ответных действиях испытуемых. Наша модель предполагает, что оставленные без должного внимания психологические травмы детского возраста создают определенные модели мышления. Даже при наличии первоначальных попыток проработать мучительные последствия подобного опыта эти попытки превращаются в некие ограничивающие возможности выбора шаблоны. Кроме того, у индивида возникает система взглядов, мотивирующих и поддерживающих девиантное поведение в связи с возрастными проблемами и неудачами в установлении межличностных отношений в совокупности с искаженными представлениями о действительности. Особое значение при этом имеет активация агрессии и ее связь с сексуальным самовыражением. Дефицит связей с окружающими придает преступлениям на сексуальной почве беспорядочный характер; в то же время анализ моделей мышления преступников указывает на то, что эти преступления так или иначе планируются, вне зависимости от степени случайности или продуманности выбора жертвы. Хотя эти преступления являются предумышленными, выбор жертвы не определяется личными мотивами. При отсутствии очевидных признаков сексуального посягательства такое преступление может показаться случайным и безмотивным, в таком случае фантазии, мотивировавшие действия преступника, остаются неизвестными.

Резюмируя случай Уоррена, необходимо отметить его чувство вседозволенности, источники которого лежали в семейном окружении (привычка требовать желаемое)

в сочетании со сменой ролей (замена ведущей роли отца матерью) и нарциссическим гневом при любых нарушениях в этой области (домашнее насилие).

Далее мы узнаем о его подростковых занятиях со сверстниками, которые не стоит смешивать с дружбой. Связи между подростками в уличных компаниях обычно не отличаются глубиной, они чувствуют себя обособленными и непохожими на других, и их фантазии и проблемы находят выход в противоправном поведении (о чем, в частности, свидетельствуют автобиографические высказывания Уоррена). Будучи уязвленным тем, что его опознали как вора дамских сумочек, Уоррен переходит к серьезным преступлениям — изнасилованию и убийству. Не оправдавшие его ожиданий пожилая женщина и 14-летняя девушка приводят его в ярость. Чувство вседозволенности прорывается на поверхность, и он оправдывает изнасилование, изображая девушку согласившейся на акт и/или развратной. В том, что касается убийства, он рассуждает следующим образом: «Она меня критикует, она меня ругает, следовательно, убив ее, я буду прав». Очевидна здесь и связь с группой ровесников: он доказал, что способен насиловать и убивать. Ни сверстники, ни родные не выдали его: и те, и другие обеспечили ему покровительство и алиби. Детская избалованность приобретает патологический характер: он узнает, что можно убивать безнаказанно. Его агрессивность становится еще более выраженной.

В отсутствие покровительства семьи он попадается на своем следующем акте насилия. Он уличен в совершении преступления и осужден.

Попав в тюрьму, он предпринимает усиленные попытки выйти на свободу. Он утверждает, что невиновен, и при-

ступает к процессу подачи апелляций. Судебная система надлежащим образом реагирует на письма Уоррена и его матери высокопоставленным лицам, и обвинительный приговор остается в силе. В тюрьме его не привлекают к ответственности за проступки, а его настойчивые утверждения о своей невиновности вызывают у экспертов-психиатров неоднозначное отношение и замешательство. Правильно оценить степень его общественной опасности смог лишь один психиатр; подавляющее большинство высказалось за смягчение меры наказания. Отбыв треть назначенного приговором срока, он выходит на свободу. Нет никаких свидетельств тому, что психиатрическая помощь затронула его стереотипные реакции и агрессивные фантазии.

После возвращения Уоррена в общество ни консультирующий психиатр, ни инспектор по надзору не имеют ни малейшего представления о его сексуально-агрессивных фантазиях и деяниях и позволяют снять с него все внешние ограничения. В этот момент его изобличают в третьем убийстве, арестовывают и вновь осуждают. Судебная система подвергается новому испытанию, происходит пересмотр дела, а апелляция на смертный приговор до сих пор находится в стадии рассмотрения.

7
Картина преступления и психологические особенности организованных и дезорганизованных убийц

По запросам правоохранительных органов сотрудники отдела бихевиористики (ОБ) Академии ФБР принимают участие в расследовании преступлений и составляют психологические портреты предполагаемых преступников. На основе полученных данных и многолетнего опыта практической работы в ОБ была разработана методология отнесения преступников к организованным или дезорганизованным. В данной главе приводятся примеры этих двух типов убийц и рассказывается об одном из первых научных исследований Национального центра анализа насильственных преступлений. Приведенные примеры прекрасно иллюстрируют особенности мышления и поведения убийц.

ОРГАНИЗОВАННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

Психологические особенности

Обычно организованный преступник является одним из старших детей семьи, часто это первенец. История трудовой деятельности отца в большинстве случаев стабильна. Воспитание в семье носит непоследовательный характер (см. табл. 7.1).

Организованный преступник имеет средний или выше среднего балл IQ, но часто бывает занят в профессиях, не требующих умственных способностей такого уровня. Организованный преступник отдает предпочтение квалифицированному труду, но работает нерегулярно.

Часто убийству предшествует провоцирующая стрессовая ситуация, в частности, это могут быть проблемы с финансами, в семейной жизни, в отношениях с женщинами или на работе. Организованный преступник социально адаптирован и обычно живет со спутницей.

Таблица 7.1

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ОРГАНИЗОВАННЫХ И ДЕЗОРГАНИЗОВАННЫХ УБИЙЦ

Организованный	Дезорганизованный
Хорошие умственные способности	Средние умственные способности
Социально адаптирован	Социально незрел
Предпочитает квалифицированный труд	Скудная история занятости
Сексуально полноценен	Сексуально неполноценен
Относится к старшим детям семьи	Относится к младшим детям семьи
Трудовая деятельность отца стабильна	Трудовая деятельность отца нестабильна
Непоследовательное воспитание в детском возрасте	Суровое воспитание в детском возрасте
Контролирует себя во время преступления	Не контролирует себя во время преступления
Употребляет алкоголь	Минимальное употребление алкоголя
Подвержен стрессовым ситуациям	Минимум стрессовых ситуаций
Живет со спутницей	Живет один
Мобилен, имеет автомобиль в хорошем состоянии	Живет/работает недалеко от места преступления
Следит за новостями о преступлении в СМИ	Минимальный интерес к новостям в СМИ
Может сменить работу и уехать из города	Минимум перемен в образе жизни

Организованный преступник может говорить, что перед убийством был разозлен или расстроен. Однако считает себя спокойным и непринужденным во время его совершения. Перед преступлением возможно употребление алкоголя.

Организованный преступник, скорее всего, имеет автомобиль в хорошем состоянии. Он хранит вещи, напоминающие ему о жертве или о месте преступления, что можно рассматривать как свидетельство непрерывного фантазирования. Во время обысков у такого преступника часто находят газетные вырезки с заметками о его преступлениях, что указывает на его интерес к новостям, касающимся расследования.

Особенности картины преступления

На месте происшествия присутствует некое подобие порядка, существовавшего до, во время и после преступления. Этот оттенок организованности говорит о том, что преступление было тщательно спланировано с целью помешать его раскрытию (см. табл. 7.2).

Хотя убийство может быть спланированным, жертвой часто бывает незнакомое лицо, оказавшееся поблизости от намеченного преступником места. В этом смысле жертву можно считать случайной. Замечено, что у жертв серийных убийц присутствуют общие черты. Преступник часто отдает предпочтение определенному типажу и поэтому может потратить значительное время на поиск «подходящей» кандидатуры. Как сказал один убийца: «Я привык вести ночной образ жизни. Часто случалось так, что я выходил на поиски, но мне никто не попадался, и тогда я просто шел домой. Там я сидел в ожидании, вспоминая, как это было со всеми другими». Среди общих черт, по которым убийца

подбирает жертв, могут быть возраст, внешний вид, род занятий, прическа и образ жизни. Исследованные нами преступники выбирали в качестве жертв юношей подросткового возраста, голосующих на шоссе студенток, медсестер, постоянных посетительниц баров, а также женщин, сидящих в машине со спутником, или одиноких — за рулем двухдверного автомобиля.

Таблица 7.2

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ КАРТИНАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО И ДЕЗОРГАНИЗОВАННОГО УБИЙЦЫ

Организованный	Дезорганизованный
Преступление спланировано	Спонтанное преступление
Не знаком с жертвой	Жертва или местность знакомы
Персонализация жертвы	Деперсонализация жертвы
Управляемый разговор	Минимум разговоров
Картина преступления свидетельствует о полном контроле	Картина преступления свидетельствует о беспорядочности
Требует от жертвы покорности	Проявляет насилие внезапно
Применяет средства усмирения	Минимальное применение средств усмирения
Агрессивные действия перед причинением смерти	Половой акт после причинения смерти
Тело спрятано	Тело оставлено на виду
Оружие/улики отсутствуют	Оружие/улики часто присутствуют
Перемещает жертву или труп	Тело оставлено на месте наступления смерти

Организованный преступник социально адаптирован и может предварять нападение разговором с жертвой или якобы желанием завязать отношения. Чтобы подступиться к ней, убийца может изобразить себя в роли другого человека. Манера поведения преступника обычно не вызыва-

ет подозрений. Его рост и вес могут быть средними или выше среднего; он может быть одет в деловой костюм, униформу или повседневную одежду. Перед нападением он завязывает разговор с целью заручиться доверием жертвы, а для пленения использует скорее вербальные способы убеждения, чем физическую силу. При совершении преступления организованный преступник часто пользуется своим автомобилем или автомобилем жертвы.

Как и убийство, изнасилование может быть спланировано заранее. За ним всегда может последовать и убийство; преступник часто угрожает жертве оружием. За вступительным разговором следует требование сексуального подчинения и определенных реакций (страха, пассивности) во время изнасилования. Если жертва противится тому, чтобы быть пассивной и послушной, степень агрессивности преступника может возрасти.

Стремление к контролю над жертвой проявляется также в использовании средств усмирения. Это могут быть веревки, цепи, ремни, элементы одежды, химические средства, наручники, кляпы и повязки на глаза. Способ применения оружия или средств усмирения может свидетельствовать об элементе садизма в плане преступника. Акт убийства эротизируется, как при пытке, когда смерть причиняется намеренно долго. Власть над судьбой другого человека хорошо видна в рассказе одного убийцы о том, как он стягивал и ослаблял веревку на шее жертвы, наблюдая, как она то впадает в бессознательное состояние, то выходит из него.

Убийцы делятся на организованных и дезорганизованных исходя из их психологических особенностей и свойственной им манеры совершения преступлений.

Над организованным преступником господствуют фантазии и ритуалы. Обсессивно-компульсивные действия обнаруживают себя в его поведении и в картине преступления. Зачастую убийца идет на преступление с оружием, а уходя, уносит его с собой. Он старается не оставлять улик и часто перемещает тело с места наступления смерти.

Если половой акт обычно является частью продиктованного фантазиями плана, то убийство может не входить в намерения преступника и произойти лишь после инициирующего сигнала. Это подтверждается следующим высказыванием одного из убийц:

> Мне пришло в голову убить ее… А что мне с ней потом было делать? Отпустить ее, чтобы она смогла вызвать легавых и меня опять засадили? Так что, когда она бросилась бежать, я решил, что мне надо ее убить.

Пример организованного преступника

Джефф (имя изменено) был младшим из троих детей в семье. У него были усыновленный родителями старший брат и родная сестра. Родители развелись, когда Джеффу было семь, вскоре после этого оба вступили в повторные браки. Мальчик продолжал жить с матерью, хотя ее второй брак тоже распался. В школе он проучился до выпускного класса, откуда его исключили за постоянные прогулы и неуспеваемость. Его умственное развитие было на среднем уровне, он мечтал поступить в колледж. Он был спортивным и выступал за школьную бейсбольную команду. Он был общителен, часто посещал общественные мероприятия и имел близких друзей как мужского, так и женского пола. Он считал себя лидером, а не ведомым. Есть сведения, что сразу после рождения ему потребовалось полное

переливание крови из-за резус-конфликта с матерью. По имеющимся данным, у него не было серьезных проблем со здоровьем.

В четырнадцатилетнем возрасте Джефф совершил свое первое тяжкое преступление — изнасилование с ограблением — и был направлен в исправительное учреждение с психиатрическим уклоном в другом штате. Там он в течение 19 месяцев получал психотерапевтическую помощь. При выписке ему было рекомендовано проживать с семьей, посещать школу и еженедельно отмечаться у психотерапевта. В лечении активное участие принимала его мать. Джефф открыто признал, что с подросткового возраста употреблял самые разнообразные спиртные напитки и наркотики. В старших классах школы он время от времени подрабатывал по вечерам.

Впервые антиобщественное поведение было отмечено у него в девятилетнем возрасте, когда директор школы поймал его и еще троих мальчиков за написанием бранных слов на асфальте. Мальчикам предписали начисто отмыть тротуар. Преступное поведение началось у Джеффа с двенадцати лет, когда он проник в чужую квартиру и украл имущество стоимостью в сто долларов. В тринадцать лет он был оштрафован за вождение без прав; в четырнадцать лет ему предъявили обвинение в изнасиловании и разбое, а в период до отправки в исправительное учреждение он успел совершить мелкую кражу и угон автомобиля.

Через три недели после возвращения из исправительного учреждения ему была инкриминирована попытка вооруженного ограбления, которое замышлялось как изнасилование. Суд по этому обвинению состоялся только год спустя, и за это время он совершил свое первое

изнасилование с последующим убийством. Но это преступление осталось нераскрытым. За попытку вооруженного ограбления его приговорили к пяти годам условно и амбулаторному курсу психотерапии, но впоследствии арестовали по обвинению в пяти убийствах. Среди поставленных ему психиатрических диагнозов были подростковое расстройство адаптации, характеропатия без психоза и расстройство множественной личности. На момент ареста за убийства Джеффу было 19 лет, его рост составлял 170 см, а вес — 65 кг. За пять случаев убийства с изнасилованием он получил пять пожизненных сроков. После двух лет заключения он признался еще в шести изнасилованиях, за которые его так и не осудили.

Описания жертв. Из тринадцати его жертв восемь были белыми, четыре — чернокожими и одна — латиноамериканского происхождения. Это были женщины в возрасте от семнадцати до тридцати четырех лет, все старше его, в одном случае на целых девять лет. Десять жертв были ему совершенно незнакомы, трех он знал в лицо. Две из десяти незнакомых ему жертв опознали его после поимки. Все пострадавшие принадлежали к среднему классу, и большинство из них проживали в том же жилом массиве, где и преступник со своей матерью. Все жертвы, за исключением одной старшеклассницы, имели постоянную работу. Среди них были учительница, служащая почты, закупщица магазина, стюардесса и секретарша. Кроме того, некоторые из них подрабатывали на полставки и/или продолжали получать высшее образование. Большинство жертв были не замужем, некоторые разведены. По имеющимся данным, у двух были дети. Пять из этих женщин были изнасилованы и убиты, пять — только изнасилованы, две подверглись групповому изнасилованию, и одной удалось сбежать от

Таблица 7.3

ЭСКАЛАЦИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Дата	Возраст преступника	Преступление	Возраст и раса жертвы	Судебное решение
9/1971	12	Мелкая кража		Административный надзор в период 11.1971–06.1972
9/1971	12	Школьное хулиганство		Административный надзор в период 11.1971–06.1972
10/1972	13	Отсутствие водительских прав		Продлено до достижения 18-летнего возраста
4/1973	14	Грабеж и изнасилование	25/белая	ИУШ[1]
6/1973	14	Мелкая кража		ИУШ
7/1973	14	Взлом и проникновение		ИУШ
12/1974	16	Изнасилование	25/чернокожая	Не осужден
2/1975	16	Изнасилование	25/латиноамериканка	Не осужден
3/1975	16	Грабеж и изнасилование (соучастник)	17/белая	Не осужден
6/1975	16	Изнасилование (соучастник)	25/белая	Не осужден

[1] Принуд. лечение в психиатрической клинике (исправительное учреждение штата).

Окончание таблицы 7.3

Дата	Возраст преступника	Преступление	Возраст и раса жертвы	Судебное решение
9/1975	17	Попытка вооруженного ограбления	22/белая	Условный срок и амбулаторное лечение под админ. надзором
4/1976	18	Изнасилование	25/белая	Не осужден
8/1976	18	Изнасилование и убийство	24/белая	Пожизненное заключение
3/1977	19	Изнасилование и убийство	22/белая	Пожизненное заключение
4/1977	19	Изнасилование и убийство	34/черно-кожая	Пожизненное заключение
4/1977	19	Изнасилование	25/белая	Не осужден
4/1977	19	Изнасилование и убийство	27/черно-кожая	Пожизненное заключение
5/1977	19	Изнасилование и убийство	24/белая	Пожизненное заключение

преступника до совершения им преступного деяния. Большинству женщин угрожали ножом при входе в лифт здания, где они жили. Все жертвы изнасилования и убийства были похищены из одного района, убиты в разных местах и обнаружены полностью одетыми. Их трупы находили по истечении периода от одних суток до шести недель.

Поведение преступника. Поведение Джеффа менялось по двум основным аспектам: (1) степень сексуальной агрессии возрастала от изнасилования до изнасилования с последующим убийством; (2) частота преступлений нарастала, что

подтверждается сокращением интервалов между ними. Особенного внимания заслуживают следующие факты: (1) все изнасилования с последующим убийством совершались, когда преступник находился под наблюдением психиатров в режиме административного надзора; (2) шесть изнасилований, за которые преступника не осудили, также были совершены, когда он находился под наблюдением психиатров в режиме административного надзора; (3) пять убийств не связывали с одним и тем же преступником и не рассматривали в контексте изнасилования до тех пор, пока Джефф не был арестован и не описал их подробности.

Изнасилование: первые семь преступлений. Жертвой первого изнасилование, за которое Джеффа судили в 14-летнем возрасте, была 25-летняя женщина, проживавшая по соседству. Он проник к ней в квартиру, разбудил ее и несколько раз изнасиловал, затем ушел через входную дверь квартиры, вернулся домой и лег спать. Три недели спустя его задержали.

Второе изнасилование (первое из тех, за которые он не был осужден) произошло, когда 16-летний Джефф приехал домой на рождественские каникулы. Вечером накануне отъезда в исправительное учреждение он подошел к женщине у лифта жилого дома и, угрожая ножом, отвел ее в другое место и изнасиловал. Второе изнасилование из тех, за которые его не судили (третье по счету в общей сложности), произошло спустя три месяца, когда он подошел к женщине на автостоянке школы, где дожидался автобуса, чтобы уехать в исправительное учреждение. Угрожая ножом, он заставил ее поехать к ней домой, где изнасиловал. В третьем и четвертом изнасилованиях, обвинения в которых ему не были предъявлены, он был соучастником. На выходных преступник и двое других пациентов исправительного учреждения угнали автомо-

биль, пересекли границу штата, проникли в чужой дом, украли два ружья и деньги и коллективно изнасиловали находившуюся в доме 17-летнюю девушку. После этого Джефф вернулся домой, однако мать немедленно отослала его обратно в исправительное учреждение, где он дополнительно наблюдался из-за склонности к побегам. Спустя три месяца после возвращения в исправительное учреждение Джефф вместе с другим пациентом пошли в местный бассейн. Они проникли в женскую раздевалку и изнасиловали молодую женщину, накрыв ее голову полотенцем.

Пятое преступление имело место через три недели после выхода Джеффа из исправительного учреждения, когда его арестовали за попытку вооруженного ограбления. Надев балаклаву, он попытался напасть на женщину в лифте жилого дома, угрожая ей ножом. Ей удалось спастись:

> Она вырвалась… оттолкнула меня и двинулась к передней части лифта, нажала кнопку открывания дверей, выбежала в холл и споткнулась. Я ринулся вслед, споткнулся об нее и в этот момент выронил нож. Она была на полу и кричала, а я лежал рядом, перепуганный насмерть. Мой мозг отключился. Я выбежал из здания.

Шестое изнасилование (пятое из тех, за которые он не был осужден) произошло перед первым в жизни Джеффа изнасилованием с убийством. Его жертвой стала женщина, которую он встречал в собственном жилом доме. Он приобрел пневматический пистолет, подкараулил ее в лифте, отвел в кладовку и дважды изнасиловал, накрыв ее лицо курткой.

Во время всех нападений Джефф заботился о том, чтобы не быть узнанным. Он либо закрывал жертве лицо, либо надевал маску, либо сразу же уезжал из города. Од-

нако в двух из семи случаев его ловили, и оба раза он был в маске. Хотя первая жертва не смогла точно идентифицировать его, шестая сделала это со всей определенностью.

Убийство: последние шесть преступлений. Последние шесть жертв Джеффа были выбраны им случайно, когда он наблюдал за машинами, заезжающими в жилой комплекс, где он проживал. Наметив кого-то, он шел следом, заходил вместе с жертвой в лифт, доставал нож и говорил ей, что это ограбление. Затем они выходили из здания и направлялись либо в машину жертвы, либо в какое-то место рядом с жилым комплексом. В одном случае имела место обратная картина. Джефф голосовал на шоссе, и его подвезла женщина, ехавшая на вечеринку в его жилой комплекс. Она высадила его возле дома. После этого он проследил, как она паркует машину, перебежал в другую часть комплекса, зашел в лифт и напал на нее. Все похищения и убийства происходили на знакомой ему территории. Это было для него явным преимуществом. «Пойдя неизвестно куда или туда, где можно встретить копов, я рисковал попасться. Я знал, во сколько они проезжают утром, потому что был местный», — сказал Джефф в своем интервью. Он был прав. Одной из причин, по которым его разоблачили только после пятого убийства, было то, что полиция искала неместных и подозрительных персонажей, а не подростка, живущего в том же районе.

Применение Джеффом словесных или физических приемов установления контроля над жертвой зависело от ее первоначальной реакции. Жертва, которая становилась послушной при виде ножа, не получала дополнительных угроз или приказов. Звавшие на помощь женщины получали словесные угрозы, а те, кто отказывался подчиняться, подвергались избиению, как в описанном ниже случае:

> Она падает в обморок и валится на пол. Я хлопаю ее по щекам. Она приходит в чувство, на лице ее появляется дикий испуг, и она начинает вопить. Я приставляю к ее голове пушку и говорю, что если будет орать, то снесу ей башку. Она спрашивает, чего я хочу, а я говорю, что хочу денег и ее. Она давай упираться, мол, ни один белый с ней такого не сделает. Я понимаю, что она из вредных. Бью ее наотмашь. Она начинает скулить. Я велю ей раздеться. Она в отказ. Тогда я взвожу курок, и она начинает поторапливаться. И тут мне становится хорошо, ведь я ею командую и заставляю ее все делать, и думаю, мол, эта вредная сучка сделает то, чего я от нее хочу.

Взаимодействие между жертвой и преступником. Реконструкция речи и поведения жертв с позиции восприятия их преступником показывает, что слова или действия могут как нейтрализовать нападавшего, так и обострить его аффективное состояние.

Что касается первой жертвы изнасилования и убийства (восьмой жертвы изнасилования), то после полового акта, когда оба они одевались, Джефф еще не решил, что ему делать с жертвой. Попытка девушки сбежать разозлила его и повысила степень агрессивности.

> Она пустилась бежать вниз к ручью. Тут я ее и схватил. Взял на болевой: она же была крупнее меня. Начал ее душить, так у нее слюни полетели во все стороны. Она зашаталась и потеряла сознание. Мы скатились с ней прямо в воду. Я стукнул ее головой о камень и начал топить.

В данном случае причиной смерти стало удушение.

Речь второй жертвы изнасилования и убийства (девятой жертвы изнасилования) состояла из множества вопро-

сов, что послужило причиной раздражения Джеффа. «Она все время спрашивала, зачем я это делаю. Почему я выбрал именно ее? У меня что, подружки нет? Что со мной не так? Меня всегда такое бесило, так что я велел ей заткнуться», — сказал преступник в своем интервью. Когда Джефф увозил жертву после изнасилования, он, по его словам, не очень понимал, что собирается делать. Женщина поинтересовалась его дельнейшими действиями, а потом попыталась перехватить управление машиной.

> «Она спросила, что я собираюсь делать: убью ее или свяжу и брошу где-нибудь. Я ответил, что пока не решил. Я вроде решил, что отпущу ее, но вырублю и свяжу или подстрелю — не насмерть, а так, чтобы ранить и чтобы поняла, что, если хоть слово скажет, с ней разберутся; короче, хотел страху на нее нагнать. Но тут ее переклинило, она жмет на газ и говорит: «Если сейчас же не выбросишь пистолет из машины, я вон в то дерево въеду». Мы гоним под 70 миль в час[1]. Я выключаю зажигание, давлю по тормозам — машина скатывается на обочину. Тогда она вылезает и бежит через дорогу к ограде из колючей проволоки. И орет. Только рассвело. Я беру нож. Она бежит в лес. Я следом. Вижу, как она выбегает из-за дерева, — и за ней вдогонку. Она спотыкается о бревно, падает, тут я ее догоняю и сразу начинаю бить ножом».

Жертва получила четырнадцать ударов ножом в область грудной клетки.

Про третью жертву изнасилования и убийства (десятую жертву изнасилования) Джефф утверждал, что не решил, будет ли убивать ее. В машине он не позволил ей

[1] Одна миля приблизительно равна 1,6 км. Соответственно, 70 миль/ч ≈ 113 км/ч. *(Прим. ред.)*

разговаривать, потому что, по его словам, чем больше он узнает женщину, тем мягче к ней относится. Он приказал ей молчать и включил радио. Он сказал, что решил убить ее, когда услышал, что она двигается с места, где он ее оставил: «Я так подумал… Убил же двоих, значит, и эту тоже могу… потому что внутренне хотелось убивать. Сказал себе, что нужно подстраховаться». Жертва скончалась от двадцати ножевых ранений в левую область грудной клетки и верхнюю половину брюшной полости.

Одиннадцатую жертву изнасилования Джефф решил убить, но она спасла себе жизнь разговорами. Она сказала, что ее отец умирает от рака и она очень расстроена этим. Это несомненно нейтрализовало агрессию Джеффа («Ей и без того плохо было»), и он решил оставить ее в живых.

> Я подумал о своем брате, у которого был рак. Не смог ее убить… Взял ключи от машины, забросил их подальше в кусты и велел не шевелиться в течение десяти минут, мол, я прослежу. На самом деле все это время я убегал.

Четвертую жертву изнасилования и убийства (двенадцатую жертву изнасилования) Джефф тоже решил убить и не изменил своего решения.

> «Она оделась. Мы пошли короткой дорогой. Я еще тогда решил, что убью ее. Надо было подняться на насыпь. Я ее подсадил, а когда сам полез наверх, она схватила меня за руку, вроде как помочь взобраться. А потом выпускает мою руку и своей с размаху царапает мне лицо своими длинными ногтями. Я озверел, а она — бежать. Я упал, потом поднялся… Она наткнулась на дерево, и я ее поймал. Мы стали бороться, скатились с насыпи в воду… Она сопротивлялась, сильная

> была. Но я сунул ее головой под воду и сидел так, держа обеими руками за шею. Смотрю: пузыри пошли, потом перестали. Наверное, минут сорок пять еще в воде просидел».

Смерть жертвы наступила в результате утопления.

Пятая жертва изнасилования и убийства (тринадцатая жертва изнасилования) дала Джеффу понять, что она его знает. Это обострило его боязнь разоблачения и заставило его признаться в четырех предыдущих убийствах.

> «Я понял, что водился с ее младшим братом, пока тот не погиб из-за несчастного случая. Видел ее на похоронах: она была прямо убита горем. Так что она меня знала, и я понял, что надо ее убивать. Рассказал ей, что я тот самый, кто те четыре убийства в округе совершил».

В этом случае причиной смерти стали множественные (более пятидесяти) ножевые раны.

После совершения убийства Джефф обычно брал на память какое-нибудь ювелирное украшение жертвы, возвращался в ее машину и обыскивал сумочку в поисках денег, некоторое время катался на машине жертвы, затем парковал ее в нескольких кварталах от своего места жительства, возвращался домой и ложился спать. Он следил за новостями по телевизору и в газетах, чтобы быть в курсе, нашли ли труп.

ДЕЗОРГАНИЗОВАННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

Психологические особенности

Как правило, дезорганизованный преступник обладает умственными способностями ниже среднего и относится к младшим детям семьи. Иногда ему приходится пройти

через суровое воспитание в детстве. Трудовая деятельность отца носит нестабильный характер, что находит отражение и в скудной истории занятости дезорганизованного преступника (см. табл. 7.1).

Обычно такой преступник одержим повторяющимися обсессивными мыслями и/или первобытными инстинктами, а в момент преступления находится в замешательстве и подавленном состоянии.

Дезорганизованный убийца социально неполноценен. Зачастую он никогда не был женат и живет один или с кем-то из родителей поблизости от места совершения преступления. Такой преступник страшится людей и может создавать стройную и устойчивую систему ложных убеждений. В состоянии стресса он действует импульсивно и обычно находит жертву в ближайших окрестностях.

Такой преступник неполноценен еще и сексуально. Часто у него никогда не было половой близости даже начального уровня. Хотя все исследованные нами мужчины заявили о своей гетеросексуальности, имеются все основания полагать, что дезорганизованный преступник не просвещен в вопросах секса и часто бывает склонен к сексуальной аверсии.

Особенности картины преступления

Общая картина преступления дезорганизованного убийцы создает впечатление внезапности преступного деяния и отсутствия четкого плана противодействия разыскным мероприятиям. Место преступления выглядит хаотично и имеет признаки спонтанности, поспешности действий. Жертва может быть знакома с преступником, но ее пол и возраст, как правило, не имеют значения (см. табл. 7.2).

Если преступник подыскивает жертву, наугад стучась в двери окрестных домов, ею станет первый же открыв-

ший ему человек. Чтобы контролировать ситуацию, преступник убивает сразу же, он не может позволить себе риск перехвата инициативы жертвой.

Такой убийца нападает стремительно. Он или нейтрализует жертву, подойдя со спины, или внезапно убивает ее, если вооружен. Такое нападение является полной неожиданностью для жертвы, занятой в этот момент своими обычными делами. Застигнутая врасплох, она оказывается совершенно беззащитной.

Этот преступник обезличивает свою жертву. К отдельным частям тела может быть проявлена особая жестокость. Чрезмерные повреждения лица часто свидетельствуют о попытке дегуманизации жертвы. Обезображивание лица может также указывать на то, что преступник был знаком с жертвой или же она внешне напоминает или олицетворяет кого-то, кто причинил преступнику психологическую травму. Убийца может носить маску или перчатки, при нападении закрывать жертве лицо или завязывать ей глаза. Словесное общение сведено к минимуму и проявляется лишь в форме приказов и угроз. Поскольку убийство происходит очень быстро, необходимости в применении средств усмирения нет.

Любые акты садизма, часто в форме нанесения увечий, выполняются посмертно. Исследованные нами мужчины предпринимали разнообразные действия сексуального характера, включая эякуляцию в открытую ножевую рану в брюшной полости жертвы. В их телах обнаруживались свидетельства мочеиспускания, дефекации и мастурбации на элементы одежды жертв и в их домах. Отмечались также случаи обезображивания лица, гениталий и грудей, извлечения внутренностей, ампутации конечностей и вампиризма.

Дезорганизованные преступники могут хранить у себя трупы. Один убийца хранил дома части тел двух своих

жертв на протяжении восьми лет. Из их голов он изготовил маски, а из кожи — барабаны и обивку кресел. Ранее он эксгумировал тела восьми престарелых женщин и совершил с ними аналогичные действия.

В случае дезорганизованного преступника место смерти жертвы и место преступления обычно совпадают. Жертва остается в том же положении, в котором была убита. Если преступник искалечил тело, он может придать ему положение, имеющее для него некое символическое значение.

Попытки замаскировать труп не предпринимаются. Обычно на месте преступления обнаруживаются отпечатки пальцев или следы ног, и полиция получает множество улик для использования в следственных действиях. Также возле трупа может обнаруживаться и орудие убийства.

Пример дезорганизованного убийцы

Убийство 1. Вернувшись домой с работы около 18:00, муж обнаружил в спальне труп своей жены. Вскрытие показало, что смерть наступила в утренние часы в результате нападения, совершенного в момент, когда она собиралась выносить мусор. Жертва была убита четырьмя выстрелами в голову, после чего выпотрошена ножом, взятым в ее доме. Следов сексуального насилия обнаружено не было, за исключением резаных ран грудей и повреждений внутренних репродуктивных органов. Нападавший сделал надрез брюшной полости и извлек через него внутренности жертвы. Во рту женщины были обнаружены испражнения животных. Мусор, который она собиралась вынести, был раскидан по полу. Налицо были признаки того, что убийца использовал найденную баночку из-под йогурта, чтобы собрать в нее кровь жертвы, которую он затем выпил.

Преступление 2. В тот же день был совершен взлом с проникновением в дом, расположенный в 400 м от места жительства жертвы. По всему жилищу было разбросано содержимое мусорного бака. Было установлено, что взломщик помочился на женскую одежду и испражнился на пол. На момент взлома в доме никого не было.

Преступление 3. Двумя днями позже в том же районе был обнаружен труп собаки. Животное было убито выстрелом в голову из оружия, использованного в первом убийстве. Собака также была выпотрошена.

Убийство 2. Через четыре дня после первого убийства женщина, ожидавшая приятеля, который должен был отвезти их с соседкой на загородный пикник, заметила, что его машина остановилась на подъездной дорожке к дому соседки. Она позвонила сказать, что сейчас придет, но ей никто не ответил. Снова выглянув окно, она увидела, что машины у дома соседки уже нет. Заподозрив неладное, женщина зашла к ней в дом, где обнаружила трупы своего приятеля, соседки и ее ребенка. При этом в доме отсутствовал двухлетний ребенок. В то же время в подушке на детской кроватке, где он спал, было обнаружено пулевое отверстие со следами, напоминающими серое вещество и осколки черепа. Аналогичные следы в наполовину заполненной ванне указывали на то, что ребенка убили, а труп обмыли и увезли. Труп соседки был сильно изуродован. Ее убили в спальне и там же вскрыли разрезом от грудины до области таза. Внутренности, включая селезенку, почки и репродуктивные органы, были извлечены и изрезаны. Наружные половые органы остались нетронутыми. Убийца пытался вырезать ей глаз, а также вставил нож в анальный проход, нанеся тем самым серьезные повреждения. На животе, плечах и ногах погибшей

были найдены четкие отпечатки окровавленных пальцев. Кроме того, на полу был обнаружен кольцевидный след крови, указывающий на то, что для сбора крови использовалась емкость вроде ведра.

Ниже приводится выписка из психологического портрета, созданного отделом бихевиористики.

Описание подозреваемого: белый мужчина 25–27 лет, на вид истощенный, холост, живет один в радиусе мили от брошенного автофургона, ранее принадлежавшего кому-то из жертв. Его жилье находится в крайне запущенном состоянии, в нем будут обнаружены доказательства совершения данных преступлений. Подозреваемый уже давно психически нездоров и употребляет наркотики. Преступник — замкнутый безработный, который не общается ни с мужчинами, ни с женщинами и, вероятнее всего, проводит бóльшую часть времени у себя дома. Если он и проживает с кем-то, то это его родители. Однако это маловероятно. Подозреваемый не служил в армии, он бросил учебу в старших классах или в колледже; вероятно, страдает одной или несколькими формами параноидного психоза.

Дезорганизованные убийцы, в отличие от организованных, действуют хаотично, убивают жертву сразу и совершают сексуальные действия только посмертно.

Полицейские ограничили разыскные мероприятия радиусом мили от местонахождения брошенного автомобиля и стали искать подходящего под описание мужчину. Вскоре было установлено, что в жилом комплексе рядом с брошенным автомобилем проживал белый мужчина 27 лет, ростом 180 см и весом 67 кг. Мужчина владел пистолетом, который совпал с оружием убийства. Помимо этого, в квартире были найдены многочисленные части

тел, предположительно животных и, возможно, человеческих. Ранее у него диагностировали параноидную шизофрению. Его направили на принудительное лечение в психиатрическую клинику после того, как обнаружили высасывающим кровь из тушки птицы. После выхода из клиники мужчину обнаружили в пустыне перепачканным кровью и в одной набедренной повязке. Он сказал полицейским, что совершал обряд жертвоприношения летающим тарелкам. Ему не стали предъявлять обвинений, однако позднее в той же местности был обнаружен труп мальчика. В его квартире были найдены свидетельства его одержимости кровью, нанесением увечий и, вероятно, каннибализма и поедания животных заживо.

РЕЗЮМЕ

Данное научное исследование, посвященное различиям между организованными и дезорганизованными преступниками в части психологических особенностей и специфики картины преступления, представляет собой одну из важнейших основ профайлинга как метода расследования преступлений. Мы установили, что действительно существуют критерии, полезные при создании психологического портрета преступника и различающие организованных и дезорганизованных сексуальных убийц. Важно отдавать себе отчет в ограничениях этой работы. Мы не подразумеваем, что психологический портрет позволит успешно завершить любое нераскрытое дело. Мы хотим подчеркнуть, что это лишь экспериментальное исследование, которое свидетельствует об установлении нами факта существования важных для анализа преступления критериев.

8
Психологический портрет на основе анализа картины преступления

— Вы хотели немного посмеяться надо мной. Я не упрекаю вас — я просто хочу вам сказать, что вы не знаете Эркюля Пуаро.

Он выпятил грудь и подкрутил усы. Я смотрел на него, добродушно усмехаясь:

— Если вам известно решение этой задачи, Пуаро, то сообщите нам его.

— Разумеется, известно.

Лицо Хардкасла выражало сильное сомнение…

— Следовательно, мсье Пуаро, вы утверждаете, что вам известно, кто, как и почему убил трех человек?.. Так вы имеете в виду, что ваше решение построено на догадках?

— Я не стану препираться с вами из-за слов, mon cher Колин. Все, что я скажу, – это «я знаю»… Я чувствую, что вы все еще скептически настроены. Но будьте уверены, что, когда вы узнаете решение, все станет на свои места. Вы поймете, что это могло произойти только так!

Агата Кристи. «Часы»

Умение Эркюля Пуаро раскрыть преступление, представив себе описание его виновника, сродни работе профайлеров — экспертов по составлению психологических портретов преступников. Для них следственный материал представляет собой совокупность закономерностей и последовательностей, на основе которых можно выявить поведенческие особенности преступника. Подобно Пуаро, профайлер может сказать: «Я знаю, каким он должен быть».

В этой главе основное внимание уделяется развитию методов составления психологического портрета преступ-

ника сотрудниками Академии ФБР, имеющими богатый опыт анализа картин различных насильственных преступлений, в частности убийств на сексуальной почве.

Процесс создания психологического портрета преступника очень похож на то, что делают врачи для постановки диагноза и выработки плана лечения: сбор и оценка данных, реконструкция ситуации, разработка гипотезы, создание и тестирование психологического портрета и отчет о результатах.

Исторически следователи использовали методы профайлинга, когда проводили мозговой штурм, выдвигали предположения и делали умозаключения на основе фактологического материала. Их профессиональная компетентность складывалась из накопленных за годы работы знаний, практического опыта и сведений об огромном количестве дел.

Профайлер привносит в следственную работу именно свое умение делать предположения на основе своего прошлого опыта. Под предположениями в данном случае подразумеваются определенные концепции выстраивания и толкования фактов, имеющих значение для хода следствия, на основе которых создаются психологические портреты предполагаемых преступников. Эти предположения строятся на информации, полученной с места преступления, и на практическом опыте интерпретации преступных действий.

В основе профайлинга лежит идея о том, что поведение человека определяет его способ мышления (т.е. образ мыслей). Отсюда следует, что, проанализировав картину преступления и отметив некоторые критические факторы, профайлер получает возможность определить мотивы и тип личности преступника.

ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ПРЕСТУПНИКА

Психологи-криминалисты отдела бихевиористики ФБР (ныне входящего в состав Национального центра анализа насильственных преступлений) анализировали картины преступлений и создавали психологические портреты преступников еще в начале 1970-х. Ниже мы описываем процедуру создания психологического портрета экспертами НЦАНП, которая отличается от процедуры работ непосредственно на месте преступления (Ressler et al., 1985). Процесс профайлинга состоит из пяти основных этапов и завершается шестым — задержанием подозреваемого.

Этап 1. Исходные данные

Процесс создания психологического портрета преступника начинается с исходных данных. Исчерпывающие материалы дела имеют важнейшее значение для точности психологического портрета. В случае убийства необходимая информация должна включать как можно более полные сведения о преступлении с описанием места происшествия и различных деталей, таких как погодные условия и социально-политическая обстановка в данной местности.

Крайне необходима также биографическая информация о жертве. Информация о ней должна включать данные об условиях жизни, занятости, репутации, привычках, опасениях, состоянии здоровья, характере, фактах уголовного преследования, родственниках, увлечениях и следовании нормам социального поведения.

Не менее важной для профайлинга является и экспертно-криминалистическая информация. Она включает

1. Исходные данные

Картина преступления: вещественные доказательства; положение тела; орудия преступления

Виктимология: биографические данные; привычки; состав семьи; данные о местонахождении; возраст; род занятий

Экспертно-криминалистическая информация: Причина смерти; ранения; половые акты до/после наступления смерти; заключение патологоанатома; результаты лабораторных исследований

Предварительный полицейский рапорт: обстоятельства дела; данные наблюдений; время совершения преступления; кто сообщил о преступлении; социально-экономическое состояние района; уровень преступности

Фотографии: аэрофотоснимки; место преступления; жертва

2. Анализ данных

Вид и тип убийства

Основная цель

Риски жертвы

Риски преступника

Эскалация преступного поведения

Временные факторы

Факторы местонахождения

3. Экспертная оценка преступления

Реконструкция событий преступления

Классификация преступления

Соответствие преступления организованному/дезорганизованному: по выбору жертвы; по контролю над жертвой; по последовательности действий

Инсценировка

Мотивация

Детали картины преступления

4. Психологический портрет преступника

Биографические данные
Описание внешности
Привычки
Допреступное поведение
Постпреступное поведение
Рекомендации следствию

Обратная связь № 1

Проверка психологического портрета на соответствие картине преступления: по уликам;
по моделям принятия решений;
по выполнению рекомендаций следствию

5. Следственные действия

6. Задержание

Обратная связь № 2

Новые факты

Схема 8.1. *Процесс создания психологического портрета преступника*

в себя заключение патологоанатома с результатами токсикологического и серологического исследований, фотографии вскрытия и обработанных ран. Необходим также рапорт судмедэксперта с выводами и предположениями относительно времени и причины смерти, типа примененного оружия и последовательности нанесения ранений.

Помимо фотографий вскрытия, необходимо предоставить аэрофотоснимки (если это возможно) и цветные фотографии места преступления (размером 20x25 см). Полезны также схемы места преступления с указанием расстояний, направлений и размеров и карты местности (возможно, выходящие за пределы юрисдикции данного правоохранительного органа).

Профайлер изучает фабулу дела и фактологический материал, а также первые полицейские рапорты. Эта информация вкупе с фотографиями могут пролить свет на такие важные моменты, как степень риска для жертвы, уровень контроля над ситуацией со стороны нападавшего, эмоциональное состояние преступника и его преступный опыт.

Профайлеру совершенно не нужны материалы дела, касающиеся подозреваемых лиц. Такая информация может способствовать формированию у профайлера предвзятого мнения на подсознательном уровне и стать причиной создания психологического портрета, соответствующего кому-то из подозреваемых.

Этап 2. Анализ данных

Процесс анализа начинается с упорядочивания и осмысления исходных данных. Информация, полученная на первом этапе, распределяется по семи ключевым категориям (моделям), составляющим основу для создания профиля преступника.

Вид и тип убийства. Как видно из таблицы 8.1, убийства классифицируются по виду и типу. К *одиночным* относятся убийства с единственной жертвой по одному факту события; к *двойным* относятся убийства с двумя жертвами по одному факту и месту события; к *тройным* относятся убийства с тремя жертвами по одному факту и месту события. Убийства с четырьмя и более жертвами по одному факту и месту события относятся к *массовым*.

Есть два типа массового убийства: *обычное* и *семейное*. В обычном массовом убийстве фигурирует один преступник, действующий в одном месте на протяжении одного периода времени. Такой период может исчисляться минутами или часами, а иногда даже днями. Виновником обычного массового убийства, как правило, бывает психически нездоровый человек, чьи проблемы усугубились до такой степени, что он набрасывается на группу людей, не имеющих к этому никакого отношения, развязывая стрельбу или поножовщину. Примером убийцы этого типа является Чарльз Уитмен. В 1966 году он вооружился несколькими ящиками боеприпасов, разнообразным огнестрельным оружием, канатами и радиоприемником и забаррикадировался на верхнем этаже высотного здания в Остине, штат Техас. Оттуда он на протяжении полутора часов вел огонь, убив четырнадцать[1] и ранив более тридцати человек. Остановил его только штурм здания, в ходе которого он был убит. Еще один пример этого типа массовых убийц — Джеймс Хьюберти. В 1984 году он вошел

[1] Позже выяснилось, что одна из жертв Уитмена, также известного как Техасский снайпер, была беременна, поэтому общее количество жертв увеличилось до пятнадцати. За день до обстрела Уитмен убил свою жену и мать. Этот случай послужил толчком к созданию в США подразделений специального назначения — SWAT. *(Прим. ред.)*

в ресторан McDonald's и открыл стрельбу по посетителям, ранив и убив множество людей. Он был убит ответным огнем прибывших на место происшествия полицейских. Относительно недавно суд в Пенсильвании приговорил к пожизненному заключению Сильвию Сигрист (прозванную Мисс Рэмбо из-за манеры одеваться в военном стиле) за стрельбу из винтовки по посетителям торгового центра в октябре 1985 года, итогом которой стали трое убитых и семеро раненых.

Таблица 8.1

КЛАССИФИКАЦИЯ УБИЙСТВ ПО ВИДУ И ТИПУ

	Вид					
	Одиночное	Двойное	Тройное	Массовое	Беспорядочное	Серийное
Количество жертв	1	2	3	4+	2+	3+
Количество событий	1	1	1	1	1	3+
Количество мест	1	1	1	1	2+	3+
Период охлаждения	непр.	непр.	непр.	непр.	нет	да

Второй тип массовых убийств — семейные. Убийство более чем трех членов семьи, виновник которого покончил с собой, называется массовым убийством с суицидом. В отсутствие самоубийства и при наличии четырех и более жертв убийство считается семейным. Одним из примеров последнего является убийство своей семьи в полном составе, совершенное 9 ноября 1972 года продавцом страховых полисов Джоном Листом из Уэстфилда, штат

Нью-Джерси. Тела жены и троих детей Листа (шестнадцати, пятнадцати и тринадцати лет) были обнаружены в гостиной их дома. Тела были уложены в одну линию, как в морге, под каждое был подстелен спальный мешок. Лица были накрыты, руки сложены на груди. Все жертвы были убиты единственным выстрелом в левую часть затылка, за исключением одного из сыновей, в которого выстрелили несколько раз. В ходе последующего обыска в кладовке на третьем этаже было обнаружено тело матери Листа, также застреленной единственным выстрелом в левую часть затылка. Сам Лист исчез, а его машину нашли на автостоянке аэропорта.

В другом случае семейного убийства в марте 1976 года Уильям Брэдфорд Бишоп забил до смерти своих жену, мать и троих детей у себя дома в Бетесде, штат Мэриленд. Затем он погрузил их трупы и труп домашней собаки в семейный автомобиль, отвез в Северную Каролину и захоронил в неглубокой могиле. Бишоп наблюдался у психиатра и проходил курс лечения антидепрессантами. Его мотивы остались неустановленными. Мужчина служил в дипломатическом ведомстве, много проработал за границей, считался перспективным специалистом и получил приглашение на работу в Государственном департаменте США. Как и Лист, он находится в федеральном розыске. Есть веские основания считать оба преступления тщательно спланированными, в то же время отсутствует уверенность в том, что оба мужчины не покончили с собой[1].

Помимо этого, выделяют также *беспорядочные* и *серийные* убийства. Первое предполагает совершение несколь-

[1] Джон Лист был арестован в 1989 году и приговорен к пяти пожизненным срокам. Он умер в тюрьме в 2008 году. Уильям Брэдфорд Бишоп до сих пор не найден. *(Прим. ред.)*

ких убийств в двух и более местах без временного интервала между ними (периода охлаждения). Такие убийства всегда бывают разовым событием, как краткосрочным, так и продолжительным. Примером подобного преступления является случай Говарда Унру из Кэмдена, штат Нью-Джерси, который 6 сентября 1949 года устроил прогулку по своему району с заряженным немецким пистолетом Люгера и запасным магазином, беспорядочно стреляя в прохожих. В течение двадцати минут он убил тринадцать и ранил троих человек. Несмотря на то что убийства были совершены Унру на протяжении такого краткого периода, они не относятся к категории массовых, поскольку он перемещался с одного места на другое.

Серийное убийство подразумевает наличие трех или более случаев с периодами охлаждения между ними. Убийцы этого типа обычно заранее обдумывают свои преступления, часто фантазируют о них и планируют во всех деталях, возможно, за исключением конкретной жертвы. Затем, в подходящее для себя время и уже остыв от своего последнего убийства, они выбирают следующую жертву и осуществляют свой план. Период охлаждения, который может продолжаться несколько дней, недель или месяцев, является главной отличительной особенностью серийного убийцы.

В то же время между различными типами убийц есть и другие различия. Совершающих обычные массовые и беспорядочные убийства не волнует, кто станет их жертвами, они будут убивать всех, кто вступает с ними в контакт. В отличие от них серийный убийца обычно выбирает жертв определенного типа. Он считает, что останется непойманным, и иногда оказывается прав. Серийный убийца контролирует ход событий, в то время как бес-

порядочный убийца, которого правоохранители зачастую уже идентифицировали и окружили, вряд ли понимает, что произойдет в следующий момент. Серийный убийца планирует, тщательно выполняет, а иногда и останавливает акт убийства.

Некоторые серийные маньяки могут пускаться в беспорядочные убийства. В 1984 году бизнесмен австралийского происхождения и автогонщик Кристофер Уайлдер разъезжал по Соединенным Штатам, убивая молодых женщин. Он выслеживал жертв в торговых центрах или похищал их после знакомства на конкурсах красоты или через службу знакомств. Уайлдер находился в розыске как серийный убийца и был объектом преследования ФБР и едва ли не каждого полицейского управления страны. Впоследствии он совершил длительную серию беспорядочных убийств по всей стране и был убит в перестрелке с полицейскими.

Уайлдера переквалифицировали из серийных убийц в беспорядочные из-за множественности убийств и отсутствия периода охлаждения во время его серии, продолжавшейся почти семь недель. Такой переход от серийных убийств к беспорядочным отмечался и в других случаях. Статус разыскиваемого и общественный резонанс, вызванный его преступлениями, давят на убийцу и создают у него ощущение отчаяния. Теперь, когда его деяния стали достоянием общественности, возрастающее в связи с этим ощущение напряженности исключает период охлаждения. Убийца понимает, что будет схвачен, и неизбежность конфронтации с полицией становится одним из факторов его преступлений. Он может намеренно создать ситуацию, вынуждающую полицейских убить его.

Очень важно правильно классифицировать случаи убийства. Например, предположим, что в городе прои-

зошло одиночное убийство; неделю спустя совершается второе одиночное убийство, а еще неделей позже происходит третье одиночное убийство. В рапортах речь идет о не связанных между собой преступлениях, но, когда случается четвертое, становится ясно, что между ними существует связь, подтверждающаяся данными криминалистических экспертиз и анализа картин преступлений. Теперь эти четыре случая одиночного убийства указывают на существование серийного убийцы. Версия о массовом убийстве исключается из-за разных мест преступления и наличия периодов охлаждения. Корректная классификация помогает работе профайлера и направляет расследование на правильный путь. Аналогичным образом результаты исследования одиночного убийства могут указать на то, что данный преступник убивал ранее или способен на рецидив в будущем.

Анализ полученных данных является важной частью создания психологического портрета преступника. Этот процесс начинается с установления вида и типа преступления.

Основная цель убийцы. В некоторых случаях убийство как таковое может быть лишь вспомогательным инструментом, а не основной целью преступника. Основная цель убийцы бывает (1) преступной; (2) эмоциональной, эгоистической или обусловленной иной причиной; (3) сексуальной. Убийца может действовать как в одиночку, так и в составе группы.

Если основная цель носит преступный характер, убийца может зарабатывать на жизнь преступной деятельностью. Иногда убийства становятся частью этой деятельности даже при отсутствии личной неприязни к жертвам. Главным мотивом в данном случае являются деньги. В 1950-х годах

один молодой человек поместил бомбу в чемодан своей матери, совершавшей перелет. Чемодан загрузили в багажное отделение, самолет взорвался в воздухе, и 44 человека погибли. Молодой человек хотел получить денежное возмещение по страховому полису, который он оформил для матери перед полетом. Убийства с преступной целью, совершаемые в составе группы, бывают заказными, связанными с бандитизмом, совершенными с целью устранения конкурентов и политическими.

Когда основная цель обусловлена эмоциями, корыстью или иной конкретной причиной, убийство может совершаться в порядке самообороны или из сострадания (например, убийство из милосердия, когда больному отключают системы жизнеобеспечения). Семейные ссоры или насилие могут быть причинами убийства матери, отца, жены или детей. Убийство может быть и результатом параноидных реакций, как в вышеописанном случае Уитмена. Психически нездоровый убийца может совершать преступления с понятным лишь ему подтекстом или переживать психотический приступ. Убийства по идейным мотивам вроде тех, что совершили Сирхан Сирхан и Марк Чепмен[1], также относятся к категории эмоционально обусловленных. Групповые убийства в этой категории бывают обусловлены различными причинами, например религией (как в случае секты Джима Джонса[2]), следованием

[1] Сирхан Сирхан — американец палестинского происхождения, арабский националист, застреливший в 1968 г. Роберта Кеннеди, на тот момент кандидата в президенты США; Марк Чепмен в 1980 г. застрелил Джона Леннона. Оба отбывают пожизненное заключение. *(Прим. ред.)*

[2] В 1978 году глава секты «Храм народов» Джим Джонс убедил свою общину добровольно принять яд, в результате чего погибло свыше 900 человек. Сам Джонс покончил с собой тогда же. *(Прим. ред.)*

культу личности (как в случае «Семьи» Чарльза Мэнсона) или фанатичной приверженностью идее (как у членов организаций вроде Ку-Клукс-Клана или Партии черных пантер в 1970-х).

Наконец, убийца может иметь цели сексуального характера. Убийства могут совершаться ради вступления в половую связь, расчленения, искалечения, извлечения внутренностей или других действий, имеющих сексуальное значение только для преступника. Иногда подобного рода убийства совершаются двумя и более лицами. Так, в 1984–1985 гг. Леонард Лейк вместе с Чарльзом Нг совершили не менее одиннадцати сексуально мотивированных убийств с применением пыток на территории округа Калаверас, штат Калифорния.

Риски жертвы. Концепция рисков жертвы используется на нескольких этапах процесса профайлинга и дает представление о подозреваемом лице в контексте его образа действий. Принадлежность к группе риска определяется такими факторами, как возраст, род занятий, образ жизни и физическое состояние жертвы, а риски группируются на высокие, умеренные и низкие. К группе высокого риска относятся люди, которые попадаются убийцам в местах, удобных для поиска жертв. Это места, где люди могут оказываться беззащитными, например автобусные остановки или замкнутые пространства. Лица младшего и пожилого возраста могут быть отнесены к группе высокого риска из-за их недостаточной способности к сопротивлению. К группе низкого риска относятся люди, чей род занятий и образ жизни не позволяют рассматривать их в качестве жертв. Данные о принадлежности жертвы к определенной группе риска помогают в создании образа разыскиваемого лица.

Риски преступника. Данные о рисках жертвы рассматриваются совместно с данными о рисках преступника, то есть степени рискованности совершенного им преступления. Например, похищение жертвы в полдень на оживленной улице является высокорискованным. Таким образом, похищение жертвы из группы низкого риска, осуществленное в обстоятельствах, связанных с высокими рисками для преступника, дает представление об уровне стресса, уверенности в собственной безнаказанности и уровне эмоциональной зрелости последнего.

Эскалация преступного поведения. Поведение преступника изучается также на предмет эскалации. Изучив данные, профайлер может сделать вывод о последовательности действий во время совершения преступления. Исходя из этого вывода он может оценить возможность дальнейшей эскалации преступного поведения (например, от угроз насилием к изнасилованиям и убийствам) и рецидивов. Примером подобного может служить Дэвид Берковиц по прозвищу Сын Сэма, который, начав с нанесения несмертельного ножевого ранения девушке подросткового возраста, постепенно дошел до серийных убийств с отягчающими обстоятельствами.

Временные факторы. Существует несколько временных факторов, которые нужно учитывать при создании психологического портрета преступника. К ним относятся (1) время, потребовавшееся для причинения смерти жертве; (2) время, потребовавшееся для совершения иных действий с телом; и (3) время, потребовавшееся для избавления от тела. Важно также принимать во внимание время совершения преступления, поскольку это дает представление об образе жизни и роде занятий подозреваемого (и имеет отношение к фактору рисков преступ-

ника). Например, чем дольше преступник остается со своей жертвой, тем больше вероятность задержать его на месте преступления. В случае убийства Китти Дженовезе в Нью-Йорке преступник наносил ножевые раны достаточно долго, чтобы привлечь внимание множества свидетелей, что способствовало его привлечению к уголовной ответственности в дальнейшем[1]. Отсюда следует, что убийца, намеревающийся провести со своей жертвой некоторое время, скорее всего, выберет для этого место, исключающее возможность наблюдения или же хорошо ему знакомое.

Факторы местонахождения. Информация о том, где состоялся первый контакт с жертвой, где произошло преступление и совпадает ли место обнаружения тела с местом смерти, дает дополнительное представление о преступнике. Например, такая информация может указывать на использование убийцей транспортного средства для вывоза тела жертвы с места смерти или на то, что жертва погибла на месте похищения.

Этап 3. Экспертная оценка преступления

На этапе экспертной оценки преступления на основе полученных ранее сведений реконструируются последовательность событий и поведение как преступника, так и жертвы. Такая реконструкция дает представление о характерных чертах будущего психологического портрета.

[1] В психологии известен эффект свидетеля, или синдром Дженовезе, заключающийся в том, что люди, оказавшиеся свидетелями ЧС, не стремятся помочь пострадавшему. В случае Китти Дженовезе более 10 человек уделили недостаточно внимания происходящему на их глазах убийству. Это привело к тому, что испугавшийся поначалу убийца вернулся к раненой жертве и завершил начатое. *(Прим. ред.)*

На данном этапе производится экспертная оценка классификации преступления, его отнесенности к организованным или дезорганизованным, выбора преступником его жертвы, примененных методов контроля, последовательности действий убийцы и деталей картины преступления.

Для классификации преступления применяется первая модель анализа. Отнесение преступления к организованному или дезорганизованному типу производится с учетом факторов выбора жертвы, методов контроля и последовательности действий преступника. Организованный убийца планирует свои преступления, выбирает жертв, демонстрирует свою власть над происходящим и воплощает свои агрессивные фантазии (секс, расчленение, пытки). Так, продуманность действий Теда Банди была заметна по тому, насколько успешно ему удавались похищения молодых женщин в открытых местах (например, на пляжах, кампусах, горнолыжных базах). Он выбирал молодых привлекательных девушек схожей наружности. Сначала он умело манипулировал жертвой, а затем применял физическую силу. Все это было важно для создания образа жертвы, соответствующего его фантазиям.

Дезорганизованный убийца менее склонен планировать свои преступления. В качестве жертвы он выбирает случайно подвернувшегося человека, а в ходе совершения преступления поступает беспорядочно. Так, Герберт Маллин, жертвы которого имели самые разные типажи (например, престарелый мужчина, молодая девушка, священник), не демонстрировал признаков какого-либо планирования или осознанного выбора объектов своих убийств. Напротив, его жертвами становились первые попавшиеся, он убивал их в приступе психоза и ради реализации своих фантазий.

Указывать на мотивы убийцы может и вывод о том, было ли преступление инсценировано (то есть действительно ли преступник является дезорганизованным или же он намеренно создал видимость этого). В одном случае шестнадцатилетняя старшеклассница из небольшого городка не вернулась из школы домой. Полиция начала расследование по заявлению о пропаже от отца и обнаружила разбросанную одежду девочки в отдаленной загородной местности. Найденный там же набросок карты, казалось бы, свидетельствовал о наличии плана похищения. Следуя карте, полицейские вышли на место, указывавшее на то, что труп мог быть сброшен в близлежащую реку. Отцу девочки, руководившему банком, поступили требования выкупа на сумму восемьдесят тысяч долларов. При этом преступник пригрозил, что убьет заложницу, если полицейские будут использовать приборы слежения.

Было ли данное преступление инсценировкой? На это указывало два факта. Ряд деталей места преступления (разбросанная одежда и следы автомобильных шин) указывал на инсценировку, в то же время требование выкупа натолкнуло профайлеров на мысль, что в прошлом преступник был работником правоохранительных органов и поэтому хорошо осведомлен о полицейских процедурах расследования дел о похищениях и вымогательствах. Из этого следовал вывод о том, что похищение с целью выкупа является инсценировкой, призванной скрыть истинную цель, состоявшую в сексуальном надругательстве и, возможно, убийстве. Исходя из этого профайлеры рекомендовали продолжить переговоры с преступником, предположив, что он пойдет на обострение ситуации.

В ходе дальнейшего наблюдения за переговорами профайлеры отдела бихевиористики предположили, что веро-

ятный преступник — одинокий белый мужчина в возрасте от 25 до 35 лет, уволившийся из правоохранительных органов не ранее чем в прошлом году. Это должен был быть брутальный любитель активного отдыха, с новеньким автомобилем, экипированным любительским радиопередатчиком. По внешнему виду его машина должна была напоминать полицейскую.

Пока профайлеры создавали профиль преступника, ФБР продолжало отслеживать телефонные переговоры о выкупе. Исходя из психологического портрета следствие сосредоточилось на двух местных жителях, ранее служивших в полиции. Одного из них исключили из круга подозреваемых, зато другой очень заинтересовал ФБР, поскольку подходил под общее описание. За ним установили наблюдение. Это был одинокий белый мужчина, бывший сотрудник местной полиции. На тот момент он был безработным и ездил на автомобиле, подходящем под описание. Наблюдавшие за ним сотрудники увидели, как он звонит из телефонной будки, а по окончании разговора приклеивает скотчем записку под телефонный аппарат. Звонок отследили: вызов был совершен на телефон семьи жертвы. Звонивший проинструктировал родственников подойти к телефонной будке, в которой был замечен подозреваемый. «Там будет приклеена записка с дальнейшими указаниями», — сообщил он.

Получив и проанализировав данные, необходимо дать им экспертную оценку.

На самом деле тело жертвы было обнаружено на значительном расстоянии от постановочного места преступления, а звонки с требованием выкупа делались с целью увести расследование в сторону от сексуальных мотивов убийцы. Это было изнасилование с последующим убийством. Получение

выкупа никогда не входило в намерения преступника, но он подумал, что таким образом избавит себя от внимания полиции в связи подозрениями в изнасиловании и убийстве. Впоследствии он был арестован и осужден.

Мотивация. О мотивирующих факторах судить особенно трудно, поскольку для этого требуется разобраться в мыслях и поведении преступника. Мотивацию организованного убийцы установить проще, потому что он обдумывает свои действия и способен логичным образом воплотить разработанный план. Мотивы же дезорганизованного убийцы часто являются следствием психического заболевания и сопутствующего ему искаженного мировосприятия (обусловленного бредом и галлюцинациями). При общей оценке картины преступления следует учитывать влияние алкоголя и наркотиков, равно как и паники и стресса, вызванных непредвиденными обстоятельствами.

Детали картины преступления. К этому пункту относятся подлежащие интерпретации со стороны следствия многочисленные составляющие любого преступления, которые подчас способны легко вводить в заблуждение. В качестве примеров можно упомянуть территорию, на которой произошло преступление, причину смерти, способ убийства, положение трупа, количество ран и их расположение.

Профайлер изучает детали картины преступления и интерпретирует их исходя из своего опыта работы с аналогичными делами. Активная научно-исследовательская деятельность отдела бихевиористики ФБР и подробные интервью с заключенными, совершившими подобные преступления, позволили создать обширную базу знаний о составляющих картины преступления, позволяющую увязать отдельные детали со специфическими особенностями личности преступника. Так, к распространенным

ошибкам полицейских следователей относится квалификация особо жестоких убийств как деяний сексуальных маньяков. В результате основное внимание следствия сосредотачивается на известных сексуальных преступниках, хотя на самом деле обычно подобные преступления совершаются лицами, не имеющими уголовного прошлого.

Этап 4. Психологический портрет преступника

На четвертом этапе создания психологического портрета происходит описание личности преступника и его поведенческих особенностей. Создав такое описание, можно переходить к разработке стратегии поимки убийцы, поскольку для этого требуется базовое понимание ответных реакций индивида на различные виды следственных действий.

Психологический портрет преступника включает в себя биографическую информацию и описание внешности, привычек, ценностей, взглядов, а также допреступного и постпреступного поведения. Он также может включать рекомендации по ведению допроса, установлению личности и задержанию преступника.

Ценным инструментом проверки достоверности психологического портрета преступника на этом этапе является обратная связь № 1. Психологический портрет должен соответствовать произведенной ранее реконструкции преступления, собранным доказательствам и ключевым выводам анализа данных. Кроме того, производимые на основе рекомендаций следственные действия должны быть обоснованы с точки зрения ожидаемых реакций преступника. При недостаточной согласованности данных профайлеры пересматривают всю имеющуюся информацию. Как сказал бы Эркюль Пуаро, точное знание означает, что все факты и свидетельства сходятся.

Этап 5: Следственные действия

После утверждения психологического портрета преступника запрашивающему органу направляется письменный отчет, дополняющий проводимые следственные действия. Затем с учетом полученных на прошлом этапе рекомендаций устанавливается круг подозреваемых лиц, соответствующих психологическому портрету. Если результатом этого становится установление личности, задержание и признательные показания, то цель работы профайлеров достигнута. Если появляются новые факты (например, в связи с еще одним убийством) и/или личность преступника не установлена, производится повторная экспертиза с использованием обратной связи № 2. После повторного рассмотрения всего объема информации психологический портрет преступника утверждается заново.

Этап 6. Задержание

После задержания подозреваемого лица происходит его проверка на соответствие психологическому профилю. Если задержанный признает свою вину, очень важно провести его детальный опрос для проверки правильности всех действий в процессе подготовки психологического портрета.

ПРИМЕР ИЗ ПРАКТИКИ

Обнаженный труп молодой женщины был обнаружен в три часа пополудни на крыше многоквартирного дома, в котором она проживала. На ее лице были видны следы побоев, а на шее — след от ремешка ее сумочки. Соски, отрезанные посмертно, были сложены у нее на груди. На внутренней стороне бедра было написано фломастером:

«Меня не остановишь», а на нижней части живота: «Идите на х**!» Предположительно убийца забрал себе кулон в виде еврейского символа (Хай[1]), который она обычно носила на счастье. На лицо женщины были натянуты ее трусики, а тело было нетуго привязано к ограждению крыши за запястья и щиколотки. Убийца вырвал из ушей жертвы серьги и симметрично разложил их по обе стороны от головы. Во влагалище убитой были воткнуты зонтик и фломастер, а в лобковые волосы вложена расческа. Челюсть и нос женщины были сломаны, зубы — расшатаны. Множественные повреждения лица были нанесены тупым предметом. Причиной смерти стала асфиксия в результате удушения. На бедрах были следы посмертных укусов, на теле имелись многочисленные ушибы, кровоподтеки и порезы. Убийца также испражнился на крышу и накрыл экскременты одеждой убитой.

Далее этот случай рассматривается применительно к шести этапам создания психологического портрета преступника.

Исходные данные

В части *улик с места преступления* обращает на себя внимание тот факт, что все использованные преступником предметы принадлежали убитой. Даже расческа и фломастер, которым он наносил надписи на теле, были взяты из ее сумочки. По всей видимости, преступник не планировал преступление заранее: у него не было с собой ни огнестрельного оружия, ни клейкой ленты для заклеивания

[1] Хай (ивр. «жизнь») — символ, образованный из букв еврейского алфавита «йуд» и «хет», которые и составляют это слово; внешне напоминает греческую букву «пи». Часто используется в качестве ювелирных изделий и различных украшений. *(Прим. ред.)*

рта жертвы. Вероятно, в то утро он даже не рассчитывал натолкнуться на нее в этом месте. Детали преступления указывали на спонтанный характер происшедшего, иными словами, убийца не подкрадывался к жертве и не подстерегал ее. Место совершения преступления и место смерти не совпадали. Жертва была похищена на лестничной площадке, а затем уведена в более укромное место.

Исследование жертвы показало, что в тот день эта 26-летняя белая женщина весом 41 кг и ростом 150 см проснулась примерно в 6:30 утра. Она оделась, позавтракала кофе и соком и направилась в близлежащий детский сад, где работала воспитателем в группе детей с ограниченными возможностями. Жертва жила с матерью и отцом. Отправляясь по утрам на работу, она по настроению либо спускалась на первый этаж на лифте, либо шла вниз пешком. Убитая была тихой молодой женщиной с легким искривлением позвоночника (кифосколиозом).

Процесс профайлинга завершается составлением психологического портрета преступника и рекомендаций следствию по его задержанию. Если преступника удается поймать, работа профайлера считается выполненной.

Отчет судмедэксперта содержал важную информацию о степени тяжести нанесенных увечий, способе нападения и об отсутствии следов изнасилования. Во влагалище убитой сперма отсутствовала, но ее нашли на теле. Судя по всему, убийца мастурбировал, стоя над своей жертвой. На бедрах и в области колен жертвы были заметны следы укусов. Убийца отрезал соски и сделал надписи на теле уже после наступления смерти. Ее причиной было удушение, сначала руками, а затем с помощью удавки, которой послужил ремешок сумочки. Использование убийцей слу-

чайно подвернувшегося орудия указывало на то, что он не готовился к совершению преступления. По всей вероятности, он оглушил жертву ударом кулака, поэтому никто не слышал каких-либо криков о помощи. Глубокие колотые раны отсутствовали, а небольшой нож, использованный для изувечения грудей жертвы, убийца, вероятно, обычно носил с собой. Преступник воспользовался поясом жертвы, чтобы привязать ее правую руку к ноге, но, уходя, развязал его, чтобы расположить тело так, в каком положении оно было найдено.

Предварительный полицейский рапорт гласил, что приблизительно в 8:20 утра другой житель многоквартирного дома, белый подросток пятнадцати лет, по пути в школу обнаружил сумочку жертвы на лестнице между третьим и четвертым этажами. Он держал ее у себя до прихода домой во второй половине дня. Он сразу же отдал найденные вещи отцу, белому мужчине сорока лет. В 14:50 мужчина пришел в квартиру убитой и отдал сумочку ее матери. Мать позвонила в детский сад, чтобы рассказать об этом дочери, и узнала, что та не вышла на работу. Мать, сестра убитой и одна из соседок начали обыскивать здание и обнаружили тело. Соседка вызвала полицию. Прибывшие на место полицейские не нашли никого, кто тем утром видел убитую после ее выхода из квартиры.

Анализ данных

По своему *виду* это преступление является одиночным убийством, а к *типу* преступлений на сексуальной почве оно относится в силу основной цели убийцы. Организация преступления и его изощренность указывали на наличие у убийцы определенного замысла. По всей видимости, мысль об убийстве уже давно занимала преступника.

Первоначальным источником сексуальных фантазий могло послужить коллекционирование порнографии с изображениями пыток и насильственных половых действий.

Оценка *рисков жертвы* показала, что убитая сильно стеснялась своего физического недостатка и маленького роста, а также невзрачной внешности и отсутствия ухажеров. Она вела уединенный образ жизни и, очевидно, не относилась к тем, кто стал бы оказывать сопротивление, кричать и звать на помощь. Ее было бы нетрудно подчинить и контролировать, особенно в силу небольшого роста и веса.

Исходя из информации о роде занятий и образе жизни жертвы можно сделать вывод о низкой степени ее риска. В районе, где она проживала, показатель насильственных преступлений также был невысок. Ее дом был частью муниципального жилого комплекса из 23 домов, 50% его жителей составляли чернокожие, 40% — белые, а 10% — латиноамериканцы. Здание располагалось на территории под управлением крупного полицейского участка. Сведения о подобных преступлениях в этом или соседних жилых комплексах отсутствовали.

Для преступника это преступление означало *крайне высокую степень риска*. Он совершил его при дневном свете и мог быть замечен другими людьми. У жертвы не было какого-либо сложившегося графика пользования лифтом или лестницей. По всей видимости, она оказалась на пути преступника случайно.

Фактор *эскалации* в данном преступлении отсутствовал.

Преступление заняло значительное количество *времени*. Это повышало риск преступника быть схваченным. Все его действия с жертвой (вырывание серег, отрезание сосков, мастурбация над ней) заняли существенное время.

Место совершения преступления указывало на то, что в этом районе преступник чувствовал себя спокойно. Он бывал здесь прежде, и, по его ощущениям, убийству не должны были помешать.

Экспертная оценка преступления

Картина преступления указывала на то, что убийство было единственным событием, а не частью серии. Кроме того, по-видимому, преступник не вполне соответствовал организованному типу, и это было его первое убийство. Налицо были элементы как организованности, так и дезорганизованности, поэтому преступника можно было отнести к смешанному типу.

Реконструкция событий была призвана восстановить общий ход преступления. Прежде всего, убийца не подстерегал жертву, а скорее столкнулся с ней лицом к лицу. Какова была ее реакция? Узнала ли она нападавшего, дала ли ему отпор, попыталась ли убежать? Для воплощения своих сексуальных фантазий преступнику нужно было убить ее. Он был на знакомой территории, следовательно, была причина, по которой он должен был находиться здесь в 6:30 утра. Он либо жил, либо работал в данном конкретном жилом комплексе.

Убийца контролировал жертву путем применения грубой физической силы, и первой демонстрацией его намерения был удар кулаком в лицо. Скорее всего, она не посчитала своего похитителя угрозой, поскольку не оказала сопротивления, не убежала и не позвала на помощь. Таким образом, либо жертва знала его и встречала ранее, либо он выглядел безобидно (то есть как уборщик, почтальон или деловой человек), поэтому ее не встревожило его присутствие в доме.

Преступник привел жертву в бессознательное состояние и затем, вероятно, умертвил. Поднять жертву с пола не составило для него труда в силу ее небольшого роста и веса. Он перенес ее на крышу и некоторое время совершал манипуляции с ее телом. Убийца придал трупу определенное положение, раздел и реализовал свои сексуальные фантазии, завершившиеся актом мастурбации. Он был нетороплив, вероятно, понимая, что в такое время никто не пойдет на крышу и ему не помешают. По всей видимости, он знал это место и уже неоднократно посещал его ранее.

Признаки инсценировки преступления отсутствовали. Источником сексуального мотива преступника были садистские ритуальные фантазии. При этом унизительная поза, которую преступник придал телу своей жертвы, свидетельствует об отсутствии у него чувства вины в связи с содеянным.

В дополнительной интерпретации нуждались две несоответствующие друг другу детали картины преступления, а именно накрытые испражнения преступника и поза, которую он придал трупу жертвы. Прежде всего, как указано выше, данное убийство было спонтанным. Полученные данные свидетельствовали о наличии у преступника давних и сложно устроенных кровожадных фантазий. Заполучив жертву, он уже точно представлял себе, как именно убьет ее и надругается над телом. В то же время профайлеры обратили внимание на странную деталь — накрытые испражнения. Дефекация явно не была элементом ритуальной фантазии, следовательно, экскременты нужно было скрыть. При этом их присутствие являлось дополнительным свидетельством длительности преступления, высокой степени контроля преступ-

ника над жертвой (ее бессознательного состояния) и его понимания, что ему не помешают.

Поза убитой предполагает, что нападавший попытался изобразить нечто знакомое ему, вероятно, по собственным фантазиям или порнографическим журналам садомазохистского толка. Поскольку жертва была в бессознательном состоянии, преступнику не потребовалось связывать ей руки. Однако он продолжил душить ее. Он ритуально разместил ее серьги и сделал надписи на теле. Это говорит о постоянном присутствии в его сознании определенных образов. Украшение с шеи убитой преступник прихватил в качестве сувенира, возможно, чтобы носить с собой в кармане. Профайлеры отметили также, что поза тела напоминала символ, в виде которого был выполнен пропавший кулон.

Исследуя дело об убийстве девушки, профайлеры установили, что преступление имело сексуальный мотив и было совершено спонтанно. Преступник сочетал в себе элементы организованного и дезорганизованного убийцы.

Психологический портрет преступника

На основе материалов, полученных на предыдущих этапах, профайлеры создали психологический портрет личности убийцы. Прежде всего, это был белый мужчина в возрасте от 25 до 35 лет (то есть примерно одного возраста с убитой), среднего телосложения и непримечательной внешности. Он обладал средними умственными способностями и, вероятно, бросил учебу в школе или в колледже. Он не служил в армии и, возможно, в данный момент являлся безработным. По роду занятий это был рабочий или квалифицированный специалист. Алкоголь

или наркотики не имели серьезного значения в его жизни, так как преступление было совершено ранним утром.

Преступник испытывал трудности в любых отношениях с противоположным полом. Если он когда-либо встречался с женщинами, то они были младше его, поскольку в отношениях ему необходимо было доминировать и контролировать.

Этот человек не имел опыта в сексе, был сексуально неполноценным и никогда не состоял в браке. Он имел коллекцию порнографии. Он также был склонен к садизму; зонтик и мастурбация, несомненно, являлись актами сексуального замещения. Его сексуальные действия демонстрировали контролируемую агрессию, однако в них, безусловно, присутствовали ярость и ненависть к женщинам. Неприятие с их стороны лишь усиливало его извращенные фантазии.

У преступника должна была быть причина оказаться в месте совершения преступления в 6:30 утра. Либо он работал в этом доме, либо зашел по какому-то делу, либо проживал в нем.

Хотя преступник наверняка предпочел бы иметь жертву в сознании, ему пришлось привести ее в бессознательное состояние, чтобы не быть пойманным на месте. Он не хотел, чтобы она позвала на помощь.

Сексуальные и садистские действия с трупом свидетельствовали о дезорганизованности преступника. По всей вероятности, он имел проблемы с психикой. Если бы он совершил подобное с живым человеком, его тип личности был бы иным. Факт действий с трупом или человеком в бессознательном состоянии указывает на неспособность взаимодействовать с живыми людьми.

Картина преступления говорила о том, что убийца считал свои действия оправданными и не испытывал сожалений. Он был откровенен. Он оставил труп убитой в прово-

кационной и унизительной позе — ему хотелось, чтобы ее нашли именно такой. На трупе он оставил полицейским вызывающее послание. Помимо прочего, оставленные им надписи указывали на то, что он вполне мог убить снова.

Следственные действия

Из-за своей исключительности это преступление вызвало широкий резонанс в местных СМИ. Местное полицейское управление получило сообщение об убийстве по радиосвязи, после чего уведомило о происшедшем разыскное бюро, которое, в свою очередь, проинформировало экспертно-криминалистический отдел, службу судебно-медицинской экспертизы и окружную прокуратуру. По горячим следам была сформирована оперативно-разыскная группа, состоящая из 26 детективов и различных специалистов.

В ходе последовавших следственных действий было опрошено и допрошено более двухсот человек. Проверка известных в данной местности сексуальных преступников оказалась безрезультатной. У подозреваемых брали образцы почерка для сравнения с надписями на теле. Местные психиатрические клиники были проверены на предмет наличия пациентов, соответствующих профилю убийцы.

Для подготовки психологического портрета преступника был задействован отдел бихевиористики ФБР. В части рекомендаций следствию указывалось, что убийца понимает, что рано или поздно ему придется дать показания как проживающему или работающему в данном здании. Преступник попробует каким-либо образом вмешаться в ход следственных действий, и хотя будет выглядеть охотно сотрудничающим, на самом деле он попытается получить информацию о ходе дела. Кроме того, он, возможно, попробует контактировать с семьей жертвы.

Задержание

Результатом следственных действий стало задержание подозреваемого через тринадцать месяцев после обнаружения тела погибшей. Изучив психологический портрет преступника, полицейские проанализировали материалы по 22 подозреваемым, которых они допрашивали. Их внимание привлек один мужчина. Его отец проживал в квартире на том же этаже, но дальше по коридору. В начале расследования полицейские уже побеседовали с отцом, который рассказал, что его сын лечится в психиатрическом стационаре. Позже полицейские узнали, что днем и вечером накануне убийства молодой человек отсутствовал в клинике без разрешения.

Затем они выяснили, что он был безработным и жил один. Его мать умерла от инсульта, когда ему было 19 (за 11 лет до этого). У него были проблемы с учебой: его оставили на второй год, и он бросил школу. Это был никогда не состоявший в браке белый мужчина 30 лет, единственный ребенок в семье. Его отец-рабочий некогда был профессиональным боксером. По некоторым данным, на момент преступления рука подозреваемого была в гипсе. Во время обыска в его комнате была обнаружена коллекция порнографии. Он не служил в армии, у него не было девушки, считалось, что в присутствии женщин он чувствует себя неуверенно. Мужчина страдал депрессией и получал амбулаторную и стационарную психиатрическую помощь. И до, и после преступления он совершал попытки самоубийства через повешение.

За это преступление мужчина был приговорен к тюремному заключению сроком от 25 лет до пожизненного. Он отрицал совершение убийства и утверждал, что не был знаком с жертвой. Полиция доказала, что меры

безопасности в психиатрической больнице, где содержался подсудимый, были недостаточными и он мог приходить и уходить буквально когда угодно. Однако решающим доказательством в суде стали оттиски его зубов. Три стоматолога провели независимые исследования и согласились в том, что оттиски зубов подсудимого совпадают со следами укусов на теле убитой.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Психологическое портретирование преступников доказало свою эффективность в качестве одного из инструментов расследования насильственных преступлений, выглядящих безмотивными. Оно существенно поспособствовало раскрытию многих преступлений последнего десятилетия. Есть все основания считать, что усилиями работников Национального центра анализа насильственных преступлений и других специалистов профайлинг будет совершенствоваться и впредь и станет мощным подспорьем в работе правоохранительных органов.

9
Роль судебной медицины в составлении психологического портрета преступника

Джеймс Л. Льюк, д.м.н.

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ

Мы, люди, принадлежащие к узкому кругу участников судебно-медицинских следственных мероприятий, будь то в роли полицейских, оперативников отделов по расследованию убийств или врачей, приучились отгораживаться от эмоционального вовлечения в расследуемые дела. Для того чтобы сохранять ясность восприятия и объективность, важно абстрагироваться от переживаний по поводу трагедии внезапной смерти. И все же я не сомневаюсь, что большинству из нас случается время от времени по-особому относиться к расследуемым случаям. Это естественное, нормальное и, я уверен, положительное человеческое свойство. Под особым отношением я подразумеваю сострадание к жертве и, как бы это ни было мучительно, представление на ее месте себя, своей супруги или своего ребенка. Положительным результатом такого рода эмоциональной вовлеченности является то, что она — как минимум до некоторой степени — служит залогом того, что дело будет расследовано тщательно, неравнодушно и деликатно. Это гарантирует, что ужас случившегося не затмит собой чело-

веческую природу жертвы. Правда, выяснить, гарантирует ли это также и более эффективный ход расследования, не представляется возможным.

Более важным здесь является то, что, когда дело становится личным, это формирует предпосылки для размышлений о том, что за человек мог совершить данное преступление. Почти каждому из нас приходилось проводить долгие часы в раздумьях о том, кто это сделал, как долго это длилось и каково было жертве, остро сознавая при этом, что, несмотря на впечатляющие достижения в одних областях криминалистики, налицо прискорбное отсутствие прогресса в других. К последним относится, в частности, судебная медицина. При виде трудного случая нам бывает очень непросто удержаться от огорчений в связи с собственной неспособностью воссоздать картину событий, закончившихся смертельным исходом. Хотя непосвященным такая идея может показаться фантастикой, именно в этом направлении ведутся работы в различных научных дисциплинах криминалистики. Руководствуясь этими соображениями, с 1984 года судебно-медицинские эксперты принимают активное участие в решении задач отдела бихевиористики ФБР в области психологического портретирования преступников.

Существенная часть предпосылок, на основе которых создается психологический портрет преступника, является результатом взаимодействия психологов-криминалистов и судебно-медицинских экспертов. Пробелы в знаниях о том, что происходило с жертвой, в равной мере являются и пробелами в итоговом психологическом портрете. С учетом этого судмедэксперт рассматривает материалы, предоставленные для составления психологического портрета, и дает оценку приведенным в них фактам, имеющим значение с медико-патологической точки зрения.

Он изучает схемы, фотографии и результаты вскрытия. Он знакомится с полицейскими рапортами относительно обстоятельств данного дела и с результатами анализов, выполненных криминалистической лабораторией.

Здесь будет полезным ненадолго остановиться на оптимальном составе медико-патологических данных, которые должны быть включены в отчет.

Исчерпывающий полицейский рапорт, по возможности с включением хронологического описания следственных мероприятий.

Схема места преступления с описанием климатических условий, положения трупа, посмертного состояния (в том числе температуры тела, трупного окоченения и трупных пятен и соответствия последних положению тела на момент обнаружения), одежды покойного лица, найденных на месте принадлежностей для употребления наркотиков (при наличии) и прочих относящихся к делу деталей.

Фотографии трупа и результатов вскрытия, а также схематическое изображение распределения ран и увечий. Если одна фотография стоит тысячи слов, то одна схема — по меньшей мере пятисот. Что касается снимков, то в идеальном варианте они должны быть сделаны в высоком разрешении и предоставлены в виде качественных изображений размером 20x25 см, а перед фотографированием раны должны быть очищены от засохшей крови и других посторонних материалов.

Отчеты о результатах токсикологических и иных криминалистических экспертиз.

Главное — помнить о том, что фактологической информации никогда не бывает слишком много.

После рассмотрения и обобщения всех имеющихся данных делается вывод об их полноте и достоверности.

Если для вывода эксперта о результатах вскрытия требуется дополнительная информация (например, о размере, форме и глубине ран), он связывается с проводившим его патологоанатомом и получает необходимые уточнения. Такое личное общение полезно не только для принятия решения по установленным фактам, но еще и для того, чтобы обсудить со специалистом его собственные выводы и с учетом уровня его подготовки и практического опыта определить, насколько он уверен в их корректности. Памятуя о том, что отчет о вскрытии носит описательный характер и обычно не содержит интерпретирующих оценок, следует настоятельно рекомендовать осуществлять такого рода личные контакты при любой возможности. Во многих случаях они являются залогом полноценного понимания случая и надлежащего качества анализа.

Связь между судебной медициной и системой уголовного правосудия носит неочевидный и сложный характер и варьируется в зависимости от юрисдикции. Начнем с азов. Что такое судебная медицина? Это лицензируемая медицинская специальность, требующая прохождения стажировки под руководством специалиста и наличия опыта практической работы. Чтобы быть допущенным к сертификационному испытанию Американского совета по патологии, кандидат обязан как минимум год обучаться по утвержденной программе подготовки специалистов.

С позиций судебной медицины двумя краеугольными камнями любого расследования являются (1) идентификация и документация результатов посмертного исследования; (2) интерпретация этих результатов в контексте обстоятельств смерти. Результаты посмертного исследования могут быть положительными или отрицательными. Предположим, нам известно, что перестрелке со

смертельным исходом предшествовала стычка, в ходе которой убитый предположительно получил удар трубой. Тогда наличие огнестрельной раны на теле жертвы будет положительным результатом, а отсутствие следов удара тупым предметом — отрицательным. Полезным дополнением к изучению обстоятельств смерти может стать ознакомление с историей болезни и/или медицинской картой жертвы. Разумеется, ключевая проблема здесь состоит в субъективном, оценочном характере суждений, которые выносятся на основе результатов посмертных исследований. В этом отношении в работе судмедэксперта нет ни единого аспекта, где не требовалось бы применить знания и опыт для вынесения обоснованного вердикта. Мне хотелось бы напомнить слова ныне покойного бывшего главного судмедэксперта Нью-Йорка Милтона Хелперна в ответ на предложение дать свою оценку только на основании отчета о вскрытии. «Судебная медицина не та специальность, в которой выводы являются суммой сложения фактов, перечисленных в отчете о вскрытии», — сказал он. Это высказывание применимо как к криминалистике в целом, так и непосредственно к исследованиям обстоятельств смерти. При отсутствии необходимых знаний и здравого смысла лучше поискать себе другую работу.

Программы подготовки судебно-медицинских экспертов сильно различаются по объему практических занятий и степени вовлеченности наставников. В США в этой области работает порядка двухсот лицензированных специалистов, однако они существенно различаются по уровню квалификации, мотивации, загрузки и прочим факторам, влияющим на работу. Схожие различия наблюдаются и в финансировании, технической оснащенности и других

административных ресурсах, выделяемых разными юрисдикциями на нужды исследований причин смерти. В ряде случаев посмертные судебно-медицинские освидетельствования выполняются патологоанатомами, практически не имеющими специальной подготовки в этой области. Есть разные системы. Есть разные люди. И если принять во внимание эффект сочетания этих факторов, то представляется даже удивительным, что такое большое число дел расследуется достаточно хорошо. И в то же время совершенно неудивительно, что некоторое количество дел разваливается из-за технических неувязок.

Поэтому важно понимать, что судебно-медицинская информация, попадающая к профайлеру, не единообразна и различается по степени значимости и что для повышения качества и полезности этих важных данных нужны дополнительные исследования. На одном полюсе работы судебно-медицинских экспертов — заключения, несовершенные до такой степени, что даже не соответствуют свидетельству о смерти. На другом полюсе — пояснительные записки к результатам посмертных исследований, содержащие массу параметров, которые могут оказаться критически важными для следствия (например, данные о калибре пули, о последовательности причинения увечий, о приеме наркотиков и т. п.). А эти детали во многом определяются мотивацией, чертами характера и складом ума преступника.

После изучения предоставленной информации и оценки ее значимости пора приступать к ее отбору — процессу, входящему в инструментарий всех судебно-медицинских экспертов, включая патологанатомов. Насколько убедительны выявленные факты? Насколько достоверны данные экспертиз?

- Время наступления смерти
- Давность смерти
- Расстояние ведения огня
- Вид тупого предмета, послужившего орудием убийства
- Особенности телесных повреждений, свидетельствующие о применении конкретных видов оружия или предметов
- Признаки сексуального насилия
- Степень силового воздействия
- Свидетельства употребления наркотиков

Этот список может быть продолжен в зависимости от конкретных обстоятельств смерти и предполагаемого сценария расследуемого преступления.

Фотографии с места преступления и из прозекторской, предоставленные профайлеру, изучаются не только с целью поиска фактических подтверждений содержащейся в отчете информации, но также для выявления деталей, которые патологанатом мог упустить. Большинству судебных патологоанатомов доводилось провести вскрытие и подготовить отчет, чтобы при повторном просмотре фотографий обнаружить телесное повреждение, которое ускользнуло от их внимания или было неверно истолковано во время работы у секционного стола. Похожие вещи можно было заметить и в материалах изученных нами дел. Где-то осталась незамеченной типичная травма от удара тупым предметом. Где-то проигнорировали или неверно интерпретировали явные следы удушения. Не стоит рассматривать эти упущения в качестве свидетельств некомпетентности или профнепригодности местных патологоанатомов и следователей. В таком сложном, междисциплинарном и основанном на интерпретации деле, как

исследование причин смерти, следует всегда давать людям возможность извлекать уроки из своих ошибок.

Было бы упрощением сказать, что составление психологического портрета является исключительной компетенцией профайлера. Тем не менее судмедэксперт не должен вмешиваться в процесс создания психологического портрета до завершения собственного анализа предоставленных материалов. Это способствует достижению более высокого уровня объективности. Однако после завершения анализа соответствующих данных судмедэксперту пора приступать к обсуждению с профайлером деталей дела. Это можно сделать и при личной встрече, и в ходе группового обсуждения. Лично мне намного больше импонирует второй вариант, хотя групповые совещания и занимают больше времени. Пока это не стало постулатом судебно-медицинской работы, но должно бы, поскольку давно известно, что две головы лучше, чем одна. В небольшой группе опытных участников следственных действий количество полезных для расследования идей возрастает в геометрической прогрессии. Исходя из этих соображений бюро судебно-медицинской экспертизы Вашингтона официально предписывает включать судмедэкспертов в состав групп по расследованию любых сложных дел. Это делается с целью обеспечения обмена идеями, а также для документирования и согласования установленных фактов.

При составлении психологического портрета преступника приходится опираться на заключение судмедэксперта, поэтому так важно сделать правильные выводы о смерти жертвы.

В ходе группового обсуждения виктимология и судебно-медицинские материалы рассматриваются с точки зрения их значения для решения конкретных задач след-

ствия. Несмотря на их научную ценность, бóльшая часть результатов работы судмедэкспертов не будет использована для составления психологического портрета. Скорее всего, в центре внимания окажутся один-два ключевых параметра, причем не сами по себе, а в контексте специфики дела и нерешенных задач следствия.

Я хотел бы проиллюстрировать это соображение несколькими вопросами, которые поднимались в ходе реальных групповых обсуждений. Эти вопросы относились к разным делам; в скобках указано, какие судебно-медицинские или криминологические факторы имели значение в каждом конкретном случае.

Как долго прожила после похищения жертва, страдавшая несахарным диабетом и лишенная необходимых ей лекарств? (История болезни, время наступления смерти, давность смерти.)

Насколько сильное кровотечение у жертвы должна была повлечь за собой рана такого типа, а с учетом относительно малого количества крови на ее одежде и на месте обнаружения насколько вероятно, что ее убили где-то еще и выбросили там, где нашли? (Анатомическое местонахождение раны и степень ее тяжести.)

Является ли резаная рана на шее посмертной, учитывая свидетельствующую об удушении конъюнктивальную петехию и след на шее от пряжки ремня, который может указывать на его применение в качестве средства усмирения? (Имело ли место сначала изнасилование, а затем убийство, совершенное, чтобы избежать опознания жертвой?)

Приведем еще несколько примеров группового обсуждения дел.

Предмет обсуждения. Женщина средних лет, считавшаяся полицейским осведомителем, была обнаружена в спальне своей квартиры стоящей на коленях у изголовья своей кровати. Она была обнажена, ее горло было перерезано до шейного отдела позвоночника. Однако на постельном белье было значительно меньше крови, чем можно ожидать при столь серьезной резаной ране.

Тщательное исследование фотографий шеи покойной, сделанных во время вскрытия, показало наличие характерного кровоподтека на правой стороне шеи непосредственно у правого края резаной раны. Рисунок кровоподтека напоминал пряжку ремня. Предположительно ремень был использован в качестве удавки до того, как преступник перерезал жертве горло. Ни в полицейских рапортах по делу, ни в отчете о вскрытии этот характерный кровоподтек не упоминался.

Указывает ли данное телесное повреждение на конкретный тип или вид орудия убийства? (Принес ли его убийца с собой, что могло бы означать, что это преступление было обдуманным и заранее спланированным?)

Предмет обсуждения. Ночной администратор мотеля, женщина средних лет, была обнаружена лежащей навзничь на полу служебного помещения, примыкающего к стойке регистрации. Ее насильственным образом раздели догола. Практически всю переднюю часть шеи занимала отчетливо выраженная опоясывающая ссадина сложной формы. Изучение фотографий с места преступления показало наличие на шее множественных ссадин и кровоподтеков. Чем дольше изучалась травма, тем отчетливее проявлялся рисунок повреждений, и в конце концов стало понятно, что это следы квадратной пряжки ремня. Рисунок был достаточно четким для того, чтобы установить приблизительную ширину пряжки и вид застежки ремня.

Этим я хочу обратить внимание на целесообразность выделения отдельного времени для детального изучения всех имеющихся фотографий ран и увечий. Опыт работы играет в этой работе огромную роль. Недостаточно просто сказать, что на теле имеются ссадины и кровоподтеки. Поразмыслив над изображениями, можно понять очень многое, а для этого требуется время.

Повторюсь, перечень проблем профайлинга, имеющих прямое отношение к сфере судебной медицины, ограничен только спецификой расследуемого дела. Давайте рассмотрим пример, проливающий свет на ряд важных принципов судебной медицины.

ПРИМЕР ИЗ ПРАКТИКИ

Мужчина в возрасте 21 года был найден мертвым на лестничном пролете, ведущем в подвал спального корпуса федеральной исправительной колонии. Он был полностью одет. Мужчина был осужден за перегон угнанной машины из одного штата в другой.

В районе нижней челюсти наблюдалось мышечное окоченение.

Единственной травмой, которую обнаружил тюремный врач, была ссадина на передней поверхности шеи, «указывающая на удар о передний край ступеней лестницы», с которой он предположительно упал. Происшествие выглядело несчастным случаем. На рисунке 9.1 показана передняя часть шеи погибшего.

Травма

Характерная опоясывающая ссадина на передней части шеи.

Разбор

Представленное повреждение характерно для ссадины от удавки, в данном случае поясного ремня, след от язычка пряжки которого заметен в центре шеи. По всей видимости, пряжка была округлой формы, а ширину ремня можно приблизительно установить по расстоянию между горизонтальными линиями в левой части фотографии.

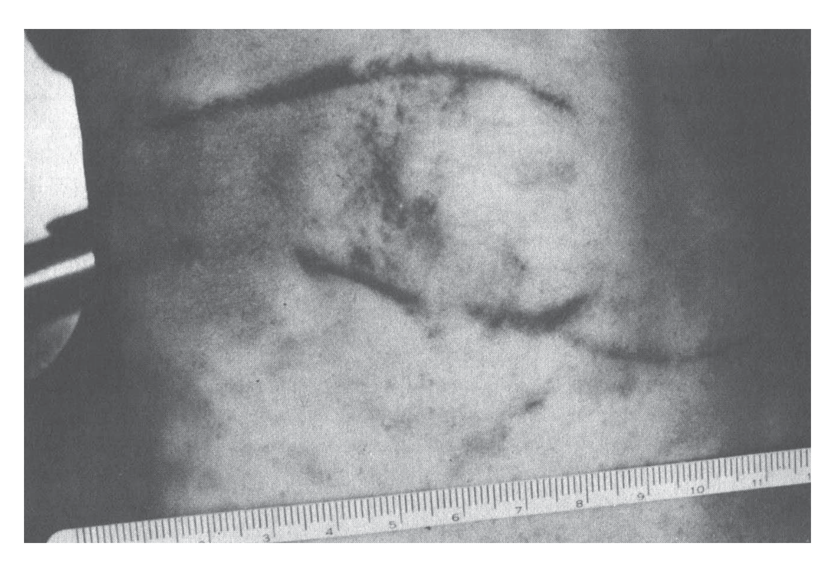

Рисунок 9.1. *Ссадины на передней поверхности шеи*

Тюремный врач также обошел вниманием выявленные при вскрытии кровоизлияния в кожную поверхность век и оболочку глаза. Хотя сами по себе точечные кровоизлияния (петехии) не позволяют диагностировать асфиксию (например, они часто наблюдаются при синюшности кожных покровов, при некоторых болезнях крови, а также при целом ряде других заболеваний), они часто присутствуют у взрослых жертв удавления, причем чаще, чем при других видах насильственного удушения. Вероятнее

всего, их появление обусловлено возросшим внутрикапиллярным давлением в результате полной закупорки вен (от кругового сдавливания петлей) при неполной проходимости артерий. Другими словами, удавка оказывается затянута не настолько плотно, чтобы перекрыть артериальные пути поступления крови в голову (верхнее давление), но достаточно туго для полного прекращения венозного кровоснабжения (нижнее давление). Вследствие этого внутрисосудистое давление над уровнем удавки возрастает и вызывает образование петехиальных кровоизлияний. Исследование трахеи и подъязычной кости при диссекции подподъязычных мышц передней части шеи показало наличие местных кровоизлияний в мягкие ткани и внутримышечное пространство и перелома перстневидного хряща в основании гортани (голосового аппарата).

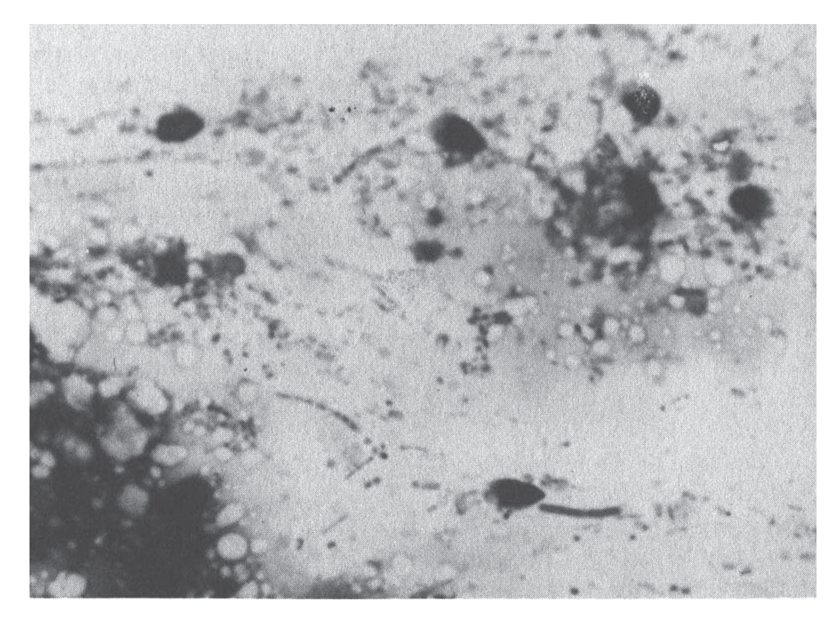

Рисунок 9.2. *Увеличенное фото анального мазка со следами яйцевидных структур, похожих на сперматозоиды*

Исследование содержимого желудка показало, что он полностью заполнен пищей, что позволило установить время наступления смерти заключенного в пределах (максимум) одного-двух часов после его последнего приема пищи. Анализ мазков, взятых из анального отверстия погибшего, показал наличие в них яйцевидных структур, похожих на сперматозоиды, что пролило свет на обстоятельства, сопутствовавшие смерти, а именно изнасилование.

Последующее расследование, проведенное ФБР, подтвердило правильность представленных выше выводов посмертного исследования и завершилось уголовным преследованием и осуждением нападавших.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На данный момент уже очевидно, что задачи судебной медицины, особенно в части, касающейся психологического портретирования преступников, не сводятся к определению причин смерти и способов ее причинения. Необходимость существования бюро судебно-медицинских экспертиз и их государственного финансирования объясняется тем, что судмедэксперт способен отвечать на бесконечную череду вопросов, возникающих в каждом подобном случае.

Эти вопросы поступают от родственников убитых, полицейских, прессы, прокуроров, адвокатов и широкого круга иных заинтересованных лиц. В зависимости от расследуемых случаев такие вопросы варьируются в диапазоне от проблем с опознанием сильно обезображенных останков («Кто этот человек?») до определения последовательности нанесения телесных повреждений при наличии травм нескольких типов («Что с ним случилось?»). На основе этих

и других вопросов строится то, что Лестер Эделсон метко назвал диалогом с покойником. Доктор Эделсон более тридцати лет прослужил главным полицейским медиком округа Кайахога (Кливленд, штат Огайо) и написал выдающийся труд под названием «Патологоанатомическое исследование случаев убийства». По моему убеждению, ему удавалось высказываться по поводу основ судебной медицины удачнее многих других.

Вопросы, возникающие в подобных случаях, неизменно затрагивают факторы оценки времени наступления смерти, давности смерти и начала заболевания (к примеру, в случае ненасильственной или естественной смерти). Они касаются соотнесения давности телесных повреждений со временем наступления смерти. Они касаются выявления признаков сексуального насилия. Они касаются корреляции между особенностями насильственных действий и результатами вскрытия. Мертвые действительно способны рассказывать истории.

Именно судмедэксперт в конечном итоге выстраивает своего рода фактологический скелет, с которым сверяются показания свидетелей и подозреваемых. По вполне очевидным причинам ответы судмедэксперта на задаваемые вопросы должны быть предельно консервативны и основываться на имеющихся доказательствах. В криминалистике нет места домыслам.

Во многих случаях такая аналитика становится всего лишь объективным, независимым и непредвзятым способом документального подтверждения того, что «и так понятно». Вполне возможно, что посмертное судебно-медицинское исследование не станет источником *новой* информации. Тем не менее понимание происшедшего в высшей степени полезно, а с точки зрения правоохрани-

тельных органов оно дает возможность подтвердить или опровергнуть показания свидетелей и подозреваемых.

Критически важным элементом судебно-медицинских исследований причин смерти является коммуникация. Тесный контакт между следователем и судмедэкспертом, а равно и между всеми участниками следственных действий, абсолютно необходим. Аспекты этого взаимодействия в любых других системах права ничем не отличаются от существующих в области профайлинга.

Психологическое портретирование преступников идет в авангарде современной правоохранительной работы. Вовлечение судебной медицины в этот вид деятельности открывает для местных бюро судмедэкспертизы волнующие перспективы выхода из рамок обычной работы. Не меньшее значение, чем понимание того, что произошло с жертвой, имеет степень участия в процессе создания психологического портрета преступника ученых-криминалистов, в частности, судебных медиков.

10
Допрос осужденных убийц

Одной из целей нашего исследования было разобраться в том, как убийцы совершают свои преступления. Проведение интервью с убийцами позволило нам получить из первых рук информацию об их типичных ценностях и убеждениях, стереотипах мышления, а также способностях к запоминанию совершенных преступлений и принятию ответственности за них.

Метод интервьюирования имеет большую ценность как средство получения максимального объема информации о подозреваемых лицах. С ростом внимания к серийным убийствам возрастает и вероятность того, что сотрудники правоохранительных органов будут обращаться к этим методам в ходе следственных действий. В этой главе описан наш опыт проведения интервью с преступниками, отбывающими наказание за убийства на сексуальной почве. Несмотря на то что наши беседы проводились с уже осужденными убийцами, мы считаем, что полученные нами сведения будут полезны для интервьюирования подозреваемых в ходе разыскных мероприятий.

УСЛОВИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ

Интервью с преступником происходит на определенных условиях. Обычно они озвучиваются тем, кто проводит интервью; в нашем случае беседы проводились с целью понимания причин совершенного преступного деяния.

Перед любым интервью необходимо детально ознакомиться со всей имеющейся информацией по данному делу, включая фотографии с места преступления, протоколы и досье. Эта информация используется не для того, чтобы делать какие-либо выводы, а для установления контакта с преступником. Такая подготовка помогает сформировать между сторонами уважительное отношение, которое изначально требуется для установления взаимопонимания. Сформировать уважительное отношение к преступнику, совершившему жестокое преступление, часто бывает трудной задачей, однако это позволяет исследователю быстрее достичь своих целей. Опрашиваемый тратит меньше времени на оценку интервьюера, если тот проявляет уважение.

ПРОЦЕСС КОММУНИКАЦИИ

Ключевым элементом коммуникации является взаимопонимание. После того как оно было установлено и признано обеими сторонами, интервьюер может проводить опрос и восстанавливать коммуникацию в случае ее нарушения. Взаимопонимание возможно, если исследователь понимает внутренний мир участника интервью.

Для установления взаимопонимания в ходе интервью от исследователя требуется игнорировать личные чувства в связи с совершенными преступлениями, чтобы воспринимать ответы преступника без предубеждения. Одним из способов достижения такой объективности является ориентация на ценность получаемой информации для целей обеспечения законности и правопорядка. Понимание причин, по которым подозреваемый мыслит и действует определенным образом, помогает вывести его на воспоминания о событии и мотивах преступления.

Получение информации

Опрос начинается после установления взаимопонимания с опрашиваемым. В нашем исследовании сначала задавались вопросы типа «что?», «где?» и «когда?», относящиеся к последовательности событий и описаниям мест совершения преступлений. Затем сотрудник задавал вопросы о том, как выбирались жертвы. В заключение преступников спрашивали об их мыслях, чувствах и образах.

В целом порядок постановки вопросов соответствовал четырем этапам убийства, а именно: (1) допреступному этапу; (2) акту убийства; (3) избавлению от тела; (3) постпреступному этапу.

Допреступный этап. Мотив преступника часто выявлялся путем постановки вопроса о том, что подтолкнуло его к совершению убийства. Убийцы, руководствовавшиеся сознательным намерением, могли рассказывать об этом достаточно подробно. Убийцы, не имевшие сознательных мотивов, обычно говорили, что не могут вспомнить, почему именно совершили преступление, но были способны описать свои чувства до его совершения. Реконструкция ситуации, предшествовавшей убийству, помогала сотруднику выявить ключевые сигналы, побудившие преступника воплотить свои фантазии. Например, преступника просили рассказать, как складывался его день непосредственно перед убийством, и описать свои мысли и чувства перед встречей с жертвой.

Акт убийства. Способность опрошенных нами преступников вызывать в памяти конкретные детали убийств варьировалась. Те из них, кто планировал убийство заранее, в целом помнили его отдельные подробности. В ходе одного из интервью сотрудники сказали преступнику, что у него, по всей видимости, практически фотографическая память. Он поправил их:

> «Это все-таки перебор, на самом деле я не такой [не запоминаю все подряд]. У меня дырявая память на вещи, о которых я не хочу помнить, а все шокирующее и яркое я не забываю. Годами потом балдею от таких вещей».

Темы, на которые опрашиваемый избегает или отказывается говорить, дают представление о том, с чем у него могут быть связаны сильные эмоции. (В одном случае убийца начал интервью с заявления об отказе обсуждать свою семью.) К важным аспектам обсуждения акта преступления относятся то, как преступник обеспечил себе доступ к жертве; разговоры с жертвой и действия по отношению к ней; перемещение жертвы из одного места в другое; сексуальные действия до, во время и после умерщвления жертвы; способы пыток; действия после смерти жертвы (например, расчленение или ампутация конечностей); мысли и чувства преступника при совершении всех этих действий.

Избавление от тела. Наши интервью с убийцами со всей очевидностью продемонстрировали значение фантазий в подготовке к избавлению от тела жертвы. Совершив свое деяние, преступник решает, что ему делать с трупом. Возможно, что на этом этапе он впервые осознает реальность случившегося. Наши вопросы относительно этого этапа касались того, что было сделано с телом, как преступник ушел с места преступления, что было снято с тела или взято на месте преступления и какие мысли и чувства были у убийцы во время совершения всех этих действий.

Постпреступный этап. За убийством обычно следует серия определенных действий. Мы спрашивали каждого преступника о том, что он делал непосредственно после убийства (мылся, менял одежду, встречался с друзьями,

ложился спать или садился есть), что он думал и чувствовал по поводу произошедшего, снились ли ему сны об этом, возвращался ли он на место преступления, присутствовал ли на похоронах жертвы, читал ли о совершенном им убийстве в газетах и говорил ли с полицией. Мы не забыли включить в список и вопросы, касающиеся обнаружения тела (помогал ли преступник полицейским в поисках тела, присутствовал ли при его обнаружении, произошло ли оно лишь после признания убийцы).

Специальные методики

Информация о фантазиях исследуемого может быть ценной в силу важности роли, которую они играют в убийствах на сексуальной почве. Однако людей с давней привычкой фантазировать бывает трудно заставить говорить на эту тему. Обычно для этого используется ненавязчивый подход. В фантазиях содержится огромное количество переживаний и эмоций. Человек постоянно возвращается к своим мыслям. Убийца может лишь в редкие моменты отдавать себе отчет в отдельных образах, чувствах и содержании внутреннего диалога.

Для успешного проведения интервью необходимо, чтобы между обеими сторонами установилось взаимопонимание. Порядок вопросов обычно следует четырехактной структуре убийства.

Одним из индикаторов наличия некой фантазии является огромное количество деталей, приводимых преступником. Эти детали служат прекрасным источником информации о данном субъекте. Для многих из опрошенных нами убийц детальное планирование было свидетельством их превосходства, власти и одаренности. Обычно наряду с эмоциональной стимуляцией фантазиро-

вание дает ощущение власти и могущества. В некоторых случаях фантазии выглядели защитной реакцией на погружение в полный хаос или психоз. Это было заметно по рассказам опрашиваемых об их приступах ярости в случаях, когда жертва нарушала их планы. Также убийц очень задевало, когда их называли безумцами или маньяками, поскольку это ассоциировалось у них с совершением неразумных, безрассудных и неуправляемых поступков.

Важность используемой терминологии иллюстрирует следующий пример:

Сотрудник: Вы полагаете, что фантазировали чересчур бурно?

Опрашиваемый: Я бы попросил вас сменить терминологию, но не потому, что я цепляюсь к словам, просто мои фантазии… они-то, думаю, не были особенно бурными, а вот моя реальность как раз такой и была. У меня было искаженное представление о реальности.

Этот обмен репликами показывает, насколько управляемыми убийца считал свои фантазии и насколько неуправляемым — реальный мир.

Наши интервью показали, что в отличие от тех, кто планирует преступление в соответствии со своими фантазиями, некоторые убийцы действуют в ответ на внешние раздражители.

Такие люди бывают неспособны ответить на вопрос о конкретных причинах произошедшего. Эти убийцы занимались каким-то делом и внезапно теряли контроль над собой. Разговор о наличии определенных фантазий с ними приходилось вести, не выпытывая подробностей. Так можно было установить, какие воспоминания убийцы заблокированы:

Сотрудник: Вам случалось на некоторое время уходить в какие-то необычные фантазии или чувствовать, что вы чересчур глубоко в них погрузились?

Опрашиваемый: Знаете, не могу сказать ни да, ни нет. У этого преступления куча подробностей, по которым я не смогу ничего сказать, поскольку мысленно поставил на них запрет. От них мне становится плохо. Сидеть мне долго, так что я себе это просто запретил — и все.

Убийца подтверждает возможность наличия у него фантазий, однако, чтобы получить доступ к информации о них, могут понадобиться дополнительные методы, например гипноз или психотерапия.

Континуум признания

Относительно признания своей вины преступник может занять одну из трех позиций: признать вину в совершении преступления, сознаться в отсутствии каких-либо воспоминаний о содеянном или не признавать вины.

Признание вины. Большинство из исследованных нами убийц признались в своих преступлениях. Некоторые из них сами сдавались полиции; другие сознавались после задержания. Были и те, кто признал вину перед лицом доказательств. Как сказал сотруднику один из убийц: «Когда полицейский достал ту ручку от метлы, я понял, что все решено».

Признание в отсутствие воспоминаний. Некоторые из исследованных нами убийц не помнили, что совершили убийство, но согласились с предъявленными доказательствами своей вины.

Непризнание вины. Отдельную группу проинтервьюированных нами убийц составили те, кто не признал свою

вину даже после вынесения обвинительного приговора. Столкнувшись с подобной личностью, интервьюер должен был определить, лжет данный человек (что подразумевает осознанное намерение) или же отрицает очевидное (что подразумевает неосознанное намерение).

Для преступника обман следователя является одним из видов контроля. Можно пустить следствие по ложному пути и потратить зря драгоценное время, например, назвав неверные имена и адреса.

Следователь может определить ложь, в частности, по количеству приводимых подозреваемым деталей. Фантазии и бредовые идеи обычно очень детализированы. Однако если подозреваемый пытается симулировать психоз или бредовое расстройство, его история, как правило, выглядит нестройной и недостаточно подробной. Следователи могут успешно разоблачить такого рода защитные приемы и обратить на это внимание преступника. В одном случае убийца утверждал, что совершал убийства по указаниям собаки многовекового возраста. Следователи не поддались на эту уловку. Они любезно указали преступнику на то, что его преступления были слишком тщательно спланированы и продуманы, чтобы быть замыслом собаки. В итоге убийца признал преступления своей «заслугой» и подробно рассказал о них. Даже подозревая собеседника во лжи или отрицании фактов, интервьюер должен стараться поддерживать взаимоуважительный характер общения.

Существует ряд причин, по которым подозреваемый может отрицать совершение им преступления. Отрицание может служить средством защиты от судебного преследования или психологических последствий признания в содеянном. Один из опрошенных нами убийц отрицал,

что вообще хоть что-то знает о совершенных им преступлениях. Он заявил, что дать признательные показания его принудили силой, а перед признанием вины в суде, вероятно, подвергли воздействию наркотиков. У него находилось тщательно продуманное объяснение любым вещественным доказательствам, о которых упоминали сотрудники во время интервью. Он сказал, что сотню пар женских туфель на высоком каблуке, обнаруженных в его шкафу, ему подарили друзья. Он утверждал, что найденные у него фотографии делал не он, поскольку он не настолько бездарный фотограф. Он крайне подробно останавливался на всех предъявленных доказательствах его вины, чтобы «обосновать», почему он не может быть убийцей.

Возможны случаи, когда убийца мысленно обосновывает свою позицию в отношении признания или отрицания вины. Это наглядно иллюстрирует следующее высказывание:

Сотрудник: Может быть, полицейские как-то воздействовали на вас с целью получения признательных показаний?

Опрашиваемый: Ну, начнем с того, что я не признал вину. Я бы не стал никому признаваться. Впрочем, я ничего и не отрицал.

Мы обнаружили, что в случае категорического отрицания убийства или какого-либо отношения к нему оказывалось полезным использовать воображаемое третье лицо. Сотрудники детально описывали преступление и спрашивали собеседника, почему, по его мнению, кто-то мог пойти на такое. Такой прием позволяет собеседнику мысленно перенести ответственность или вину на кого-то другого. Вот как этот прием был применен в одном из интервью:

Сотрудник: Предлагаю сделать так. Давайте просто отделим вас от этой ситуации. Уверен, вы много размышляли на этот счет. Предположим, это были не вы, а кто-то еще. Как вы считаете, по каким причинам этот кто-то мог совершить подобное?

Опрашиваемый: Я бы сказал, что она сказала или сделала что-то совсем не то.

Сотрудник: Что, например?

Опрашиваемый: Ну, может, он слабоват оказался [в сексуальном плане]. Может, она так подумала. Или он так подумал, а она что-то ляпнула такое.

По этому разговору видно, что преступник сознает причину своего преступления (сексуальную несостоятельность) и полагает, что к убийству его подтолкнул некий внутренний диалог.

Часто убийцы перекладывают вину за свои действия на кого-то еще. Например, в нашем исследовании один преступник оправдывал свое убийство тем, что жертва была «шлюхой». Убийца может быть неспособен признаться в преступлении еще и потому, что такое признание разрушит его уверенность в оправданности собственных действий.

Ниже приводится признание одного из убийц.

Джуди

Я узнал, что она позирует фотографам-любителям и профессионалам, от ее соседки, которая показала мне ее снимки. Около полудня я позвонил спросить, сможет ли она сегодня поработать моделью. Представился Джонни Гленом. Она сказала, что не занята, и мы договорились встретиться у нее дома в два часа дня. Она выбрала кое-какие наряды, в том числе дополнительные, сказала,

что они ей понадобятся для другой работы, когда мы закончим. Мы ушли от нее ко мне, я сказал, что приспособил квартиру под студию и что там есть свет и оборудование. Она была не против, сказала, что ей без разницы, где позировать, лишь бы платили двадцать долларов в час.

Мы приехали ко мне домой примерно в 14:15. Перед тем как войти в квартиру, я незаметно переложил в карман куртки пистолет, который обычно лежал в бардачке. В квартире я сказал ей, что хочу сделать фото, которые подойдут для детективных романов и журналов и что для этого потребуется связать ей руки и засунуть в рот кляп. Она была согласна, и я заснял ее в нескольких позах.

На последних снимках, что я сделал, она лежала связанной на полу. Она немного забеспокоилась. Я наконец решился осуществить свое намерение [изнасиловать ее]. Я наклонился к ней и приобнял ее за плечо, положив руку чуть ниже шеи. Затем я сел рядом, придал ей сидячее положение и сказал, что подержу ее здесь какое-то время и не стану обижать, если она будет делать то, что велено, и не создаст мне проблем. Я сказал, что собираюсь немного поразвлечься с ней, а еще достал из кармана пистолет и показал ей, чтобы она поняла, что все серьезно, и стала послушной. Еще сказал ей, что у меня уже были приводы и что у меня будут серьезные проблемы, если кто-нибудь узнает, чем я здесь занимаюсь. Это чтобы запугать ее до полной покорности.

Она показала мне, что хочет что-то сказать. Я вынул кляп и предупредил, чтобы говорила тихо, не шумела и не кричала. Она сказала, что она нимфоманка и что проблем мне не создаст, потому что разошлась с мужем, а на той неделе суд будет решать вопрос об опеке над ребенком. Любой намек на то, что она погуливает или занимается чем-то не тем, будет использован против нее, потому что муж хочет, чтобы

ее объявили неспособной выполнять родительские обязанности. Думаю, она все это говорила, чтобы показать мне, что нет необходимости угрожать ей пистолетом.

Я ей поверил, поэтому убрал оружие обратно в карман, поднял ее и перетащил в коридорчик около гостиной, где мы делали снимки. Я положил ее и оставил одну в том же виде, в каком она была на полу в гостиной. Сам же вернулся в гостиную, вынул из фотоаппарата пленку, убрал камеру и штатив, потом пошел на кухню, выпил воды и съел кусок яблока. Затем я вернулся в коридор и присел рядом с ней. Начал водить руками по телу, тискать, целовать шею и грудь. Ей вроде даже нравилось. Не помню, как долго это продолжалось. Потом я развязал ей руки и ноги. Велел раздеться. Кажется, я сказал, что вынул пленку из камеры. Нет, не так. В камере оставалось пленки на пару-тройку кадров. Тогда я сфотографировал ее сидящей на диване, практически голую, по-моему, одной ногой на диване, другой — на полу.

Большинство убийц сознаются в совершении преступления, однако находятся и те, кто не помнит этого или отрицает свою вину. Отказ признать себя виновным обусловлен либо попыткой обмануть следствие, либо механизмами психологической защиты.

Я кое-что упустил. Пока она лежала связанной в коридоре, я сходил на кухню, а когда вернулся, то увидел, что у нее из носа пошла кровь. Она пыталась запрокинуть голову, а из носа лилась кровь. Не знаю почему. Она вроде ни обо что не билась, разве что попыталась пошевелиться и ударилась головой. Я схватил первую попавшуюся тряпку и приложил ей к носу, чтобы остановить кровь. Текло довольно сильно, я запрокинул ей голову и держал так, пока кровь не остановилась. Я говорю об этом потому, что после

ареста полицейские нашли у меня дома запачканную кровью наволочку, а еще это видно на одной из фотографий.

Джуди захотелось в туалет — я позволил. Сказал ей, что может одеваться, тогда она оделась, причесалась и слегка накрасилась. Когда она вышла, велел ей присесть на диван и немного отдохнуть. Я стал думать, что делать дальше, как поступить. Было уже ближе к вечеру, а я все пытался сообразить, можно ли ее отпустить, что будет, если я это сделаю, и не заявит ли она на меня в таком случае. Я несколько раз спросил у нее нечто вроде: «Джуди, что ты скажешь своим соседкам по квартире, когда придешь домой?», «Наверное, твои соседки переволновались из-за тебя, как думаешь, в полицию будут звонить?» Она дала понять, что постарается помалкивать об этом и выдумает какую-нибудь историю. Повторила, что не может себе позволить никаких скандалов или непристойностей, по своей воле или нет, потому что это плохо скажется на ее шансах вернуть себе ребенка.

Вот так я ее и переспрашивал, а сам старался что-то для себя решить. Мне пришло в голову, что самым надежным будет убить ее, потому что она знает, где я живу, модель и цвет машины, а может, и номер. Я взвешивал все возможные варианты. Оценивал свой страх вернуться в тюрьму и шансы на то, что она выдумает удачную историю. Не помню, сколько времени прошло, но, наверное, в полвосьмого или в восемь вечера я решил, что не могу рассчитывать на везение и, скорее всего, убью ее, чтобы скрыть, что уже с ней сделал. Решил вывезти ее куда-нибудь за город. Окрестностей я особо не знал, но понимал, что пустынные места где-то должны быть. Я включил телевизор, чтобы время шло незаметнее. Она так и сидела в кресле, потом задремала. Затем проснулась и спросила, не хочу ли я, чтобы она подсела ко мне на диван. Я ска-

зал, что хочу, и она уселась ко мне на коленки. Это было в 22:15, потому что я помню, что смотрел вечерний выпуск новостей. После новостей я сказал, что мы уезжаем. Сказал, что отвезу ее куда-нибудь к черту на рога, там дам денег и выпущу на волю. Пообещал, что денег с лихвой хватит на автобусный билет обратно. Сказал, что из предосторожности должен связать ей руки.

Пока мы ехали, я продолжал спорить сам с собой, действительно ли собираюсь сделать это. Все пытался оправдаться перед собой тем, что не могу поступить по-другому, иначе точно снова окажусь в тюрьме. По правде сказать, я действительно думал, что отпустить ее — все равно что самому явиться с ней в полицию.

В конце концов я решил, что либо сейчас, либо никогда, и притормозил у обочины. Я сказал Джуди, что хочу отыметь ее еще раз, прежде чем отпустить на все четыре стороны. Это был предлог, чтобы выйти из машины. Она была согласна, но захотела сделать это на заднем сиденье машины. Я сказал, что это довольно опасно, потому что мы стоим прямо на обочине, а не поодаль от дороги, и если кто-то остановится, нас увидят. Сказал, что в машине есть покрывало, которое можно расстелить на земле. Параллельно шоссе там были железнодорожные пути. Я сказал, что хочу связать ей руки. Она спросила зачем, а я велел ей не спорить. Она и не стала. Я связал ей запястья за спиной, пока она стояла, потом велел сесть и связал щиколотки. Заставил перевернуться на живот, сам взял третий кусок шнура и хорошенько закрепил его одним концом между ее щиколоток, потом выгнул ее ноги назад как можно ближе к голове, придавил копчик своим коленом и приподнял ей голову за подбородок, тут же обернул шею двойной петлей и потянул. Я знал, что если

она сообразит, к чему все идет и что я собираюсь сделать, то начнет умолять, и я не смогу закончить это дело. Я отпустил ее подбородок и изо всех сил потянул обеими руками за свободный конец шнура, который был закреплен вокруг ее щиколоток для упора.

В какой-то момент мне захотелось остановиться и повернуть все вспять. Я поднял ее голову и позвал по имени. Я решил, что она уже мертва. Посидел пару минут, стараясь оправиться от шока, потом снова начал соображать и заметил, что мы недалеко от железнодорожных путей и, наверное, будет лучше перетащить ее тело куда-то подальше, чтобы из поезда не заметили. Мне совсем не хотелось, чтобы ее нашли. Для начала я развязал все шнуры и убрал их обратно в карман. Затем поднял ее и перетащил метров на 20–25 от путей, где был мягкий песочек. Я вырыл в нем углубление и положил туда тело. Снял с нее туфли. Помню, подумал, что на ее гладкой коже могли остаться отпечатки пальцев, и стер их. Одну туфлю я забросил подальше. Потом взял другую, сложил покрывало, сел в машину, развернулся и поехал домой.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При помощи развитых навыков интервьюирования можно получить важную информацию, согласующуюся с имеющимися данными о картине преступления. Следствие может извлечь из интервью максимум пользы, применяя различные методики его проведения. Описанные в данной главе методики интервьюирования позволили сотрудникам отдела бихевиористики ФБР получить еще более глубокое представление о фантазиях преступников и способах эффективного противодействия их защитным приемам.

11
Полицейский художник и словесный портрет

Хорас Дж. Хефнер

В телевизионных детективах часто можно увидеть персонаж полицейского художника, спешно доставленного на место преступления для опроса свидетеля или жертвы с целью подготовки портрета или фоторобота преступника. Часто такой портрет создается за считаные минуты, и свидетели сходятся во мнении о его похожести на реального злоумышленника. С копией на руках оперативники расходятся искать зацепки по делу, а полицейский художник отправляется на следующее задание. Такой сценарий подразумевает, что подготовка портрета — дело нехитрое и быстрое; на самом же деле создание рисунка на основе обрывочных воспоминаний часто бывает трудной задачей. Испуг, шок и тревожность обычно мешают свидетелю вспомнить лицо преступника. В резонансных делах может возникнуть срочная необходимость как можно более широко распространить портрет подозреваемого, даже несмотря на то что свидетели расходятся в своих описаниях. Главное — время, и такой портрет часто нужен еще и для размещения в СМИ.

Полицейский художник может входить в состав следственных групп по нераскрытым делам об убийствах с задачей создания словесного портрета подозреваемого лица.

В этой главе будет кратко рассмотрена история использования этого инструмента следственных действий, а также роль полицейского художника и некоторые подробности его работы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ

Люди изображали лица себе подобных на протяжении всей истории человечества. Лицо представляет собой набор индивидуальных особенностей, создающих узнаваемый образ. По его чертам можно идентифицировать тысячи людей, часто с именами, биографиями и присущими им личными особенностями. Более того, человек способен хранить в своей памяти огромную галерею лиц и извлекать их оттуда по мере необходимости.

Двух совершенно одинаковых лиц не бывает, но существует возможность их классификации по отличительным чертам и форме головы. В 80-х годах XIX века Альфонс Бертильон, которого принято считать отцом научного метода сыска, создал систему идентификации личности, известную как *Portrait Parle* (фр. «словесный портрет»), которая представляла собой картотеку фотоснимков различных черт лица с подробными описаниями. Изначально Бертильон задумывал эту картотеку в качестве средства идентификации заключенных, но позже выяснилось, что ее можно с успехом применять и для создания описаний преступников со слов очевидцев. Классификация Бертильона легла в основу современных систем, с помощью которых художник создает портрет или фоторобот подозреваемого. В наши дни этот процесс автоматизирован, и для построения изображений все чаще применяются специальные компьютерные программы.

В архивах ФБР был обнаружен один из самых первых примеров использования портрета преступника. Он был создан в 1920 году в рамках расследования подрыва помещения конторы на Уолл-стрит. Следствие установило, что кузнец, работавший в расположенной неподалеку от места происшествия мастерской, подковывал лошадь незнакомца и заметил в его повозке некий предмет, укрытый холстиной. Опрос кузнеца показал, что он может описать внешность мужчины достаточно подробно, чтобы художник нарисовал его портрет. Эскиза, выполненного приглашенным художником-оформителем, оказалось достаточно для разыскных мероприятий, в ходе которых преступник был задержан (см. рис. 11.1).

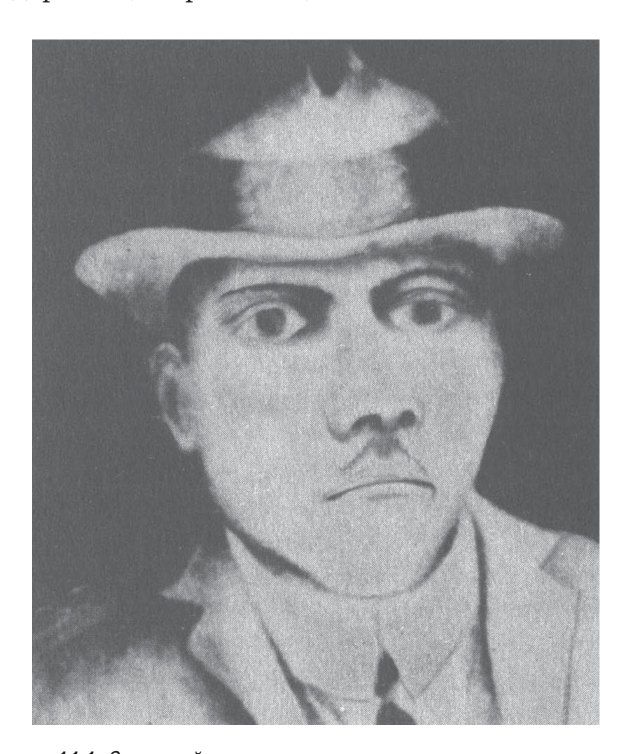

Рисунок 11.1. *Эскизный портрет подозреваемого в подготовке взрыва*

ОПОЗНАНИЕ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ В ПАМЯТИ

Воспроизведение в памяти значительно труднее, чем опознание. Как отмечалось выше, человек может распознавать и хранить в своей памяти невероятное количество лиц. Это один из самых первых усваиваемых им навыков, и сохраненные в памяти черты лица часто остаются там на всю жизнь. Маленькие дети способны связывать имя и лицо не только при виде данного человека, но и при демонстрации обычных фотографий. Что касается воспроизведения черт лица в памяти, то это другая, значительно более трудная задача. Научные исследования показали, что процесс обработки сенсорной информации включает в себя ее ввод, хранение, отбор и интерпретацию. Этот процесс может влиять на будущие решения. Кроме того, на отдельно взятый процесс обработки информации влияют психологические факторы узнавания, мотивации, внимания и полученных указаний. Фактор узнавания подразумевает участие памяти, точность которой зависит от времени и количества событий, случившихся с момента изначального ввода информации и до момента, когда данное воспоминание извлекается. Мы видим также, что память избирательна. Человек не запоминает все, что видит и слышит. Если что-то ускользнуло из внимания свидетеля, то его ответ на соответствующий вопрос будет: «Не знаю». Относительно человеческих лиц Лиггетт (1974) замечает: «Особенности лица определяются уникальным сочетанием его черт. Дело не столько в деталях этих черт и даже не в том, насколько они отстоят друг от друга, а прежде всего в их общей взаимосвязанности, позволяющей нам узнавать людей в лицо».

ОПРОС ОЧЕВИДЦЕВ И ОПИСАНИЕ С ИХ СЛОВ

Берн Хогарт отмечает, что для художника нет ничего более сложного, чем рисунок головы человека. Разнообразие форм, соотношение и тонкие различия черт, эффект светотени — все это и многое другое делает данную задачу неизменно трудной. Поэтому полицейский художник-криминалист должен отлично владеть кистью. При этом зачастую не уделяется должного внимания тому факту, что для получения описательной информации он должен также уметь опрашивать очевидцев, что подразумевает наличие навыков эффективной коммуникации. В этом плане ему будут полезны даже поверхностные знания в области психологии.

Некоторые люди неспособны описать другого человека даже после того, как провели какое-то время в его обществе. Напротив, бывают люди с прирожденным умением запоминать лица, позволяющим мгновенно восстанавливать в памяти такие особенности, как национальность, возраст и естественный цвет кожи. Полицейские художники мгновенно понимают, что наличие такого очевидца представляет уникальную возможность создания словесного портрета, который наверняка будет соответствовать внешности подозреваемого.

Так произошло, в частности, в ходе расследования дела о дерзком ограблении банка в Вашингтоне. Неизвестный вошел в отделение крупного банка в центре города и направился прямиком к управляющему, сидевшему за рабочим столом. Преступник сообщил ему, что его жена и дочь взяты в заложники его сообщником и их судьба зависит от его готовности сотрудничать. Управляющий был заметно возмущен, но пошел навстречу требовани-

ям преступника ради своей семьи. Он оставил грабителя ждать у своего стола, а сам обошел все кассы и собрал всю имевшуюся наличность. Кассирам даже не пришло в голову, что происходит ограбление. В ходе последующего опроса управляющий оказался совершенно неспособен восстановить в памяти черты лица грабителя. Его зрительная память была полностью блокирована переживаниями о судьбе близких. К счастью, находившийся на расстоянии 10–12 метров от грабителя кассир взглянул на его лицо из чистого любопытства. Он предоставил удивительно точное описание, приведенное на рисунке 11.2. Этот портрет позволил следователю установить и впоследствии арестовать преступника.

Как извлечь максимум из опроса очевидца

Есть несколько базовых процедур опроса, которым нужно следовать для получения качественного описания.

Руководство очевидцем. Рисунок должен отражать только описательную информацию, предоставленную очевидцем. Это особенно важно в случаях, когда свидетель не может сообщить подробности о какой-либо части лица. Полицейский художник ни в коем случае не должен каким бы то ни было образом направлять очевидца в ходе проведения опроса. Если он не может припомнить черты лица, полицейский художник принимает решение относительно целесообразности дальнейшей работы над рисунком.

Манера поведения и коммуникативные навыки. Для получения нужной информации необходим спокойный и располагающий к сотрудничеству настрой. Опрос с целью создания словесного портрета должен проходить в форме дружелюбной беседы, в которой очевидцу позволено немного поразмыслить, чтобы припомнить мак-

симальное количество деталей. В ходе опроса свидетель может вспомнить и другую информацию, которая будет полезна следствию.

Определение ценности очевидца. Перед проведением опроса художнику стоит встретиться с представителем следствия, который может снабдить его полезной информацией об очевидце. Это особенно важно в случаях, когда подозреваемого видели несколько человек. Определив, кто из очевидцев более наблюдателен, можно сэкономить значительное количество времени и создать более качественный словесный портрет.

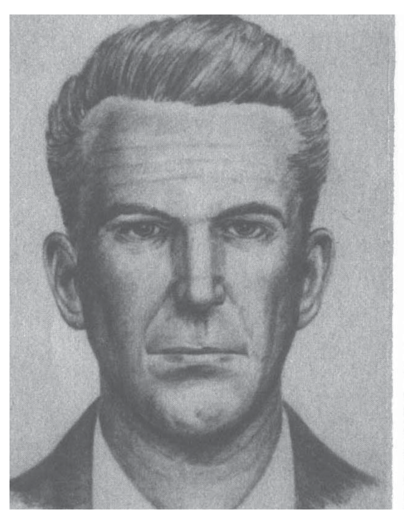
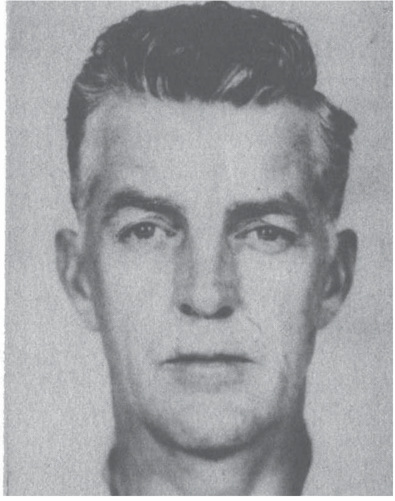

Рисунок 11.2. *Эскизный потрет и фотография подозреваемого в ограблении банка*

Психологические травмы. Особенно бережно нужно относиться к свидетелям или жертвам преступления, получившим в его результате психологические травмы. Когда такой человек попадает к художнику непосредственно после произошедшего, он может быть не в состоянии по-

святить несколько часов опросу ни физически, ни психически, ни эмоционально. Следователь может посчитать, что свидетеля необходимо срочно доставить к художнику, пока в его памяти еще свежи образы. Однако если провести опрос по истечении определенного времени после преступления, свидетель или жертва будут более стабильны эмоционально, что может помочь процессу припоминания.

Лабораторные исследования памяти на лица не выявили подтверждений предположения о том, что очевидец насильственного преступления может предоставить более точное описание инцидента, чем очевидец ненасильственного. В то же время данные целого ряда расследований ФБР показывают, что жертвы, испытавшие шок вследствие непредвиденного или ошеломляющего события, сохраняли в памяти более яркие зрительные образы. Изобретатель системы идентификации лиц Photo-Fit Пенри пишет, что «лабораторные исследования памяти на лица обречены проводиться на принципиально ином уровне, без использования реальных стимулов, которые могли бы обеспечить ощущение угрозы, сильного потрясения или страха… Если лицо было встречено в угрожающей, шокирующей или иной эмоционально насыщенной ситуации, оно с гораздо большей вероятностью запечатлено в памяти ярко, подробно и надолго».

Важную роль в поимке преступника играет полицейский художник, который проводит опрос очевидцев, чтобы на его основе составить словесное описание или портрет злоумышленника.

Дети. Иногда детей не считают очевидцами, подходящими для целей создания словесного портрета. Хотя для предоставления детальных описаний им может не хватать

вербальных навыков, это может быть компенсировано с помощью использования картотеки отличительных черт лица. Дэвис, Эллис и Шепард отмечают, что дети младше восьми лет недостаточно хорошо справляются с запоминанием особенностей лица, но уже к десяти годам они приближаются к уровню обычного взрослого. Полицейский художник должен проявлять терпение в своих стараниях получить от ребенка вербальную реакцию. Иногда может понадобиться успокоить его, заверив, что он *не обязан* что-либо вспоминать. Таким образом, можно избежать ситуации, в которой ребенок предоставляет какие-то сведения исключительно из желания угодить художнику, что может привести к некорректному изображению преступника.

Фактор времени и ценность очевидца. Художник-криминалист обязан рационально подходить к использованию времени, отведенного на опрос. Зачастую времени не хватает, но и его избыток также способен негативно повлиять на процесс создания рисунка. Иногда длительный опрос выливается в безразличие очевидца при желании как можно скорее покончить с составлением словесного портрета. Рисунок должен создаваться сразу же после описания и подбора нужных черт лица, при этом у очевидца должна быть возможность вносить свои корректировки на любой стадии работы. Когда портрет завершен, очевидец должен оценить его по шкале от одного до десяти. Это представляет важность не только с точки зрения оценки достоверности рисунка, но и с точки зрения потенциального выступления в суде, поскольку ответственность за портрет возлагается на очевидца, а не на автора рисунка, который никогда не видел изображенного человека.

КАТАЛОГ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЛИЦ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНИКОВ

Уже много лет в ФБР успешно применяется каталог изображений лиц для идентификации преступников[1], призванный помогать очевидцам воссоздавать в памяти образы разыскиваемых. С целью устранения определенных пробелов, часто имеющих место в описаниях очевидцев, в каталоге представлены двенадцать основных типов лица (на рисунке 11.3 приводится страница из каталога). Каждый из этих типов разбит на подтипы, как показано в образце формы запроса в каталог на рисунке 11.4. Это позволяет не только упорядочить процедуру опроса, но и вовлечь очевидца в процесс отбора индивидуальных признаков без какого-либо направляющего воздействия со стороны художника.

В связи с вопросом о том, какие черты лучше всего запоминаются свидетелям, был проведен целый ряд психологических опытов. Первые исследования показывают, что большинство людей проводят различия между лицами по четырем основным признакам, или дескрипторам. Самыми популярными для различения лиц чертами являются нос, глаза, форма лица, цвет волос и подбородок. Эти результаты в целом совпадают с исследованиями, проведенными ФБР в 1978 году (прим. 7).

В ходе опроса очевидец иногда может описывать лицо как честное, приятное, простое или привлекательное. Такие неуловимые нюансы внешности трудны с точки

---

[1] Подобный каталог при его безусловном положительном эффекте может также играть и «коварную» роль, поскольку может психологически направить свидетеля на опознание не действительного преступника, а лица, похожего на него. *(Прим. науч. ред.)*

НОС: КРЮЧКОВАТЫЙ

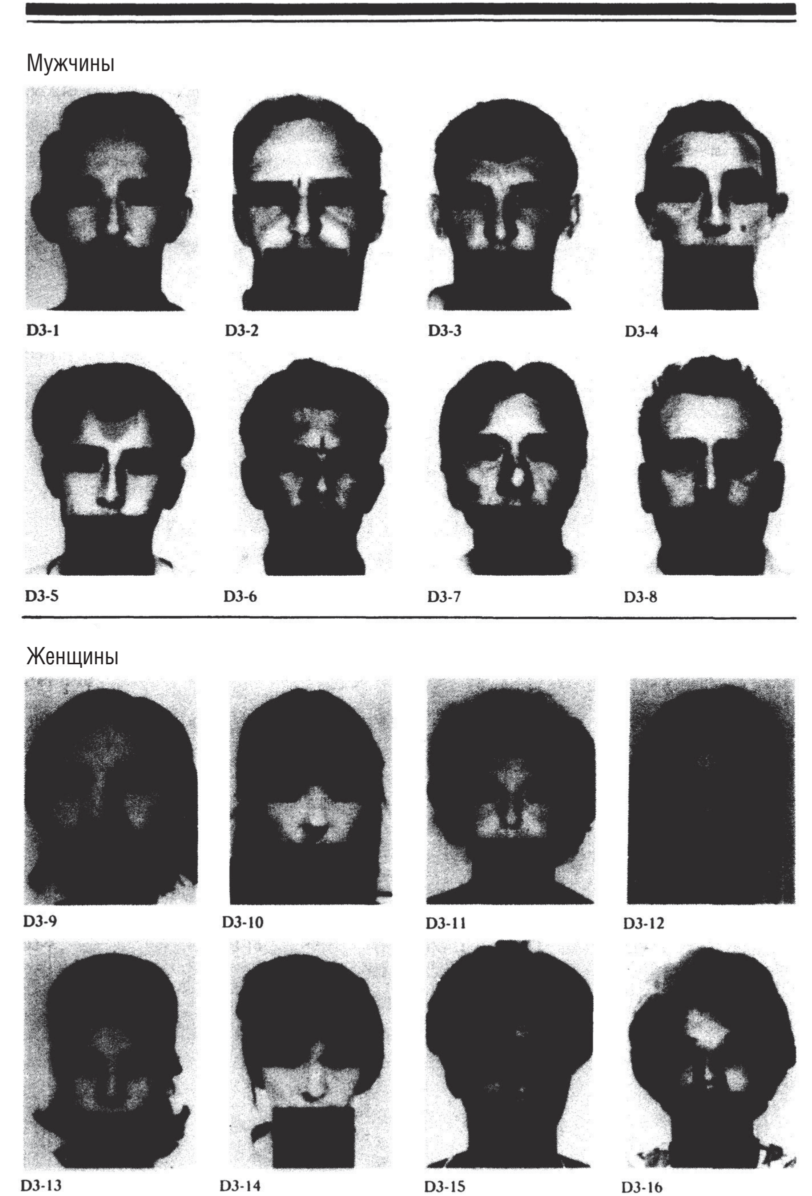

Рисунок 11.3. *Страница каталога изображений лиц для идентификации преступников*

ФОРМА ЗАПРОСА В КАТАЛОГ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЛИЦ

ОРИГИНАЛ ХРАНИТЬ в деле. Направьте УДОБОЧИТАЕМУЮ КОПИЮ в специальный отдел лабораторного подразделения. Для ускорения обработки запроса направьте его по телефаксу в специальный отдел с 8:00 до 17:30 по номеру федеральной телефонной системы 324–2926

ДЕЛО ____________________

____

____

ДАТА ОПРОСА ____________________

Номер дела в Бюро ____________________

Номер регионального филиала ____________

Имя свидетеля ____________________

____

Опрашивающий сотрудник ____________

____

До использования каталога изображений лиц для идентификации преступников получите от свидетеля описание неизвестного и пометьте соответствующие поля каждого из разделов ниже. Используя эти сведения, направьте свидетеля к соответствующим разделам каталога и внесите окончательные решения по чертам, указанным в каждом из разделов ниже.

НЕОПОЗНАННОЕ ЛИЦО № ________ ПОЛ ____________ ВОЗРАСТ ____________

РОСТ ____________ ВЕС ____________ ТЕЛОСЛОЖЕНИЕ ____________

РАСА ____________________ ОТТЕНОК КОЖИ ЛИЦА ____________________

ЦВЕТ ГЛАЗ ____________________ ЦВЕТ ВОЛОС ____________________

A. Форма головы

____

- ☐ Овальная
- ☐ Круглая
- ☐ Треугольная
- ☐ Продолговатая
- ☐ Квадратная

B. Глаза

____

- ☐ Обычные
- ☐ Навыкате
- ☐ Раскосые
- ☐ Запавшие или глубоко посаженные
- ☐ Дефект радужной оболочки
- ☐ Близко посаженные
- ☐ Широко посаженные
- ☐ Тяжелые веки
- ☐ Нависающие веки

A. D. Нос

____

- ☐ Обычный
- ☐ Вогнутый
- ☐ Крючковатый
- ☐ С узким основанием
- ☐ Раздутые ноздри
- ☐ Загнутый вниз
- ☐ Небольшой
- ☐ Крупный
- ☐ С широким основанием

C. Брови

____

- ☐ Обычные
- ☐ Тонкие
- ☐ Густые
- ☐ Сросшиеся

H. Щеки и скулы

____

- ☐ Обычные
- ☐ Выдающиеся
- ☐ Впалые

A. F. Подбородок

____

- ☐ Обычный
- ☐ Выступающий
- ☐ Заостренный
- ☐ Срезанный
- ☐ Квадратный
- ☐ Двойной
- ☐ Ямочка или впадина

E. Рот

____

- ☐ Обычный
- ☐ Толстые губы
- ☐ Тонкие губы
- ☐ Неодинаковые губы
- ☐ Большой
- ☐ Небольшой

L. Усы и борода

____

M. Дефекты кожи лица

____

J. Волосы

____

- ☐ Прямые
- ☐ Вьющиеся или кудрявые
- ☐ Лысина или короткая стрижка (у мужчин)
- ☐ Длинные или короткие (у женщин)

G. Уши

____

- ☐ Обычные
- ☐ Торчащие
- ☐ Близко посаженные

K. Морщины

____

- ☐ Лоб
- ☐ Средняя зона лица
- ☐ Вокруг глаз
- ☐ Подбородок и шея

Предоставьте подробное описание головного убора, очков и предметов одежды (выше пояса). Если возможно, приложите фотографии или рисунки похожих элементов одежды. На рисунке справа отметьте расположение линии роста волос, головного убора, шрама (-ов), повязки (-ок), бороды, усов и т.п.

____

____

____

Рисунок 11.4. *Форма запроса в каталог изображений лиц для идентификации преступников*

зрения художественной интерпретации, но имеют важное значение в качестве воспоминания. В своем научном труде 1974 года Гордон Бауэр и Мартин Карлин отмечают, что «хотя лицо не имеет семантического значения в том же смысле, как это свойственно слову, оно, тем не менее, способно вызывать к жизни целый ряд ассоциаций, например, в силу своей похожести на лицо знакомого или известного человека. Таким образом, более глубокое узнавание лица может соответствовать большему количеству уникальных ассоциаций, извлекаемых индивидом из своей памяти». В подобных случаях каталог изображений лица и фотографии людей похожей внешности могут помочь очевидцу определиться со своими воспоминаниями.

ГИПНОЗ И СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ

Гипноз может избирательно применяться в расследовании для стимуляции воспоминаний свидетеля или жертвы преступления. Во время гипнотического сеанса свидетель может вспомнить лицо, номерной знак автомобиля, время, увиденное на наручных часах, и прочие детали, которые он не смог воспроизвести в памяти иначе. В отдельных случаях гипноз бывает особенно эффективен для создания словесных портретов. Один такой случай имел место несколько лет назад в Сан-Хуане, Пуэрто-Рико. Склад с товарами стоимостью более чем миллион долларов был полностью уничтожен пожаром. Расследование показало, что причиной пожара был поджог. Дело оставалось нераскрытым вплоть до ареста поджигателя пятью годами позже. Подозреваемый сказал, что за поджог ему заплатили, но описать этого человека он не может за давностью

событий. Он сказал также, что виделся с заказчиком лишь однажды на протяжении примерно четверти часа. Поджигатель дал согласие на гипноз, и еще до того как портрет был завершен, следователи поняли, о ком идет речь.

Рисунок на основе данных гипнотического сеанса требует от полицейского художника лишь мелких корректировок. В ФБР пользуются услугами только квалифицированных гипнотизеров[1] из утвержденного списка: психологов, психиатров, терапевтов или стоматологов. Художник обязан предварительно согласовать с врачом время начала сеанса гипноза. Некоторые врачи предпочитают, чтобы полицейский художник находился в помещении с самого начала процедуры, другие же хотят, чтобы он дожидался завершения сеанса снаружи. В последнем случае свидетелю приказывают мысленно увидеть подозреваемого и сделать «стоп-кадр» для последующей работы с полицейским художником. После этого свидетелю можно показывать каталог изображений лиц и отмечать выбранные им черты. Художник может заметить, что сразу после выхода из состояния гипноза некоторые люди выглядят немного рассеянными. В этих случаях художник должен действовать неторопливо и терпеливо.

При всей пользе гипноза для оживления воспоминаний свидетелем все же случается предоставлять неверную информацию. Другой проблемой являются опасения

[1] Российское законодательство предусматривает привлечение специалистов для расследования преступлений, что безусловно представляется правильным, однако выбор конкретного специалиста должен быть очень тщательным и непредвзятым, ибо в работе любого специалиста присутствует субъективный момент. То есть это означает, что мнение специалиста может как помочь в поиске истины, так и повредить. *(Прим. науч. ред.)*

очевидца относительно последствий гипноза. У некоторых они проявляются настолько сильно, что перед началом сеанса они испытывают тошноту. В подобных случаях полицейскому художнику стоит обсудить со следователем и гипнотизером возможность подготовки рисунка без гипноза. Обычно это приносит более удовлетворительный результат.

СКЕЛЕТНЫЕ ОСТАНКИ

В каждом случае обнаружения человеческих останков их идентификация возлагается именно на правоохранительные органы. Зачастую в этом им оказывают помощь стоматологи, однако имеется множество случаев, когда следы стоматологических действий или архивные записи отсутствуют. При наличии подозрений на насильственную смерть важным участником процесса идентификации становится судебно-медицинский антрополог. Содействие процессу может оказать и художник-криминалист, который в сотрудничестве с антропологом создает словесный портрет, а в некоторых случаях и слепок, отображающий результаты изучения черепа и других останков. На рисунке 11.5 приводятся результаты такой совместной работы художника из ФБР и судебно-медицинского антрополога из Смитсоновского института. Готовый рисунок был показан по телевидению в штате Джорджия, после чего останки были идентифицированы. В делах, подведомственных ФБР, художник опрашивает антрополога точно так же, как любого другого свидетеля, с использованием каталога изображений лиц. Выбранные черты лица отмечаются в форме запроса, а изготовленный рисунок предоставляется на согласование антропологу.

ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЬЮТЕРОВ

С развитием компьютерных технологий создается впечатление, что многие органы правопорядка, как национальные, так и международные, все больше склоняются к использованию компьютера для создания словесных портретов. Хотя этот метод захватывает воображение, и возбуждает интерес профессионалов в сфере охраны общественного порядка, и действительно обладает рядом преимуществ в части экономии времени и денег, следует обратить внимание на ряд вопросов, возникающих в связи с подобными переменами.

Рисунок 11.5. *Эскиз на основе скелетных останков и идентифицированное лицо*

Первый из них касается процесса опроса и контакта, который выстраивается между художником и очевидцем. Как отмечалось выше, жертва или свидетель, подвергшиеся воздействию стресса, шока или опасной для жизни ситу-

ации, требуют особого отношения во время опроса. Специально обученный полицейский художник может создать атмосферу, благоприятствующую получению нужных описательных параметров. Когда для получения быстрых результатов применяется компьютер, этот важнейший человеческий контакт сразу же упускают из виду.

Второй вопрос относится к образу, созданному компьютером. В системах с использованием рисованных черт лица подобного не случается, но портрет высокой точности, составленный с использованием фотографической базы данных, может представлять собой проблему. Очевидцы склонны рассматривать фоторобот как точный портрет, а не видеть в нем лишь определенные схожие черты, как это бывает с рисунками. Подобные способы применения компьютерных технологий сужают границы соответствия черт лица и ограничивают возможности достижения нужного результата.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пользу словесного портрета в качестве вспомогательного инструмента следственных действий невозможно переоценить, и хотя многое зависит от способностей очевидцев, бывает, что именно благодаря ему раскрываются исключительно сложные дела и существенно сокращаются сроки расследования. Как отмечалось выше, то, как именно некий образ сопоставляется с воспоминанием, сохранившимся в сознании человека, пока остается загадкой. Новые подходы должны создаваться не ради разрушения существующего порядка, а для дальнейшего развития уже известных принципов и их будущего применения в деятельности правоохранительных органов.

12
Семья жертвы и ее реакции на психологическую травму

С нарастанием насилия и агрессии в обществе попытки определить и понять реакции жертв преступлений ведут к появлению принципиально новых исследований в области виктимологии. До последнего времени внимание научной литературы было в значительной мере сосредоточено на преступнике, при этом совсем мало работ было посвящено вторичным жертвам преступлений — родным и близким погибших. Данная глава представляет собой попытку исправить эту ситуацию.

Психологи-клиницисты лучше, чем кто-либо другой, способны оказывать консультативную помощь родным и близким жертв, поскольку находятся в непосредственной близости от отделений «Скорой помощи», куда доставляют погибших. В случае если жертва не была госпитализирована, самым полезным, что могут сделать сотрудники правоохранительных органов, является направление семьи на консультацию к психологу, специализирующемуся на кризисных ситуациях. Мы надеемся, что данная глава расширит возможности психологов-клиницистов в деле оказания помощи родственникам жертв, для которых известие об убийстве близкого человека стало страшным ударом.

Источниками для этой главы выступили два научных исследования. Для выявления некоторых общих черт

в реакциях родственников жертв и определения проблем, нуждающихся в дальнейшем изучении, было выполнено экспериментальное исследование девяти случаев убийства (Burgess, 1975). В рамках второго исследования было проведено анкетирование 331 активиста движения «Родители убитых детей» из тринадцати местных отделений в одиннадцати штатах страны. Анкетирование включало в себя два стандартизированных опросника: Техасский опросник горевания и отредактированный Опросник жизненных событий (Rinear, 1984). Результаты исследований представлены в разрезе (1) фазы острого горя и (2) фазы остаточных толчков и реорганизации, которая включает реакции и посттравматические симптомы в течение продолжительного периода времени.

ФАЗА ОСТРОГО ГОРЯ

Ни одно известие не вызывает у людей столь же сильную реакцию, как известие об убийстве члена семьи. В рассказах родственников об их первой реакции на трагедию отмечены два типа мыслей: посвященные утрате близкого человека (мысли, направленные на себя) и посвященные ужасным обстоятельствам его смерти (мысли, направленные на жертву). Вслед за этой немедленной реакцией родные начинают задаваться рядом вопросов.

Немедленная реакция

Для большинства известие об убийстве является тяжелым личным ударом. Потеря близкого человека оставляет в их сознании доминирующее ощущение утраты части собственного «я». Как сказал брат одной из жертв: «Никогда прежде я не чувствовал такой ошеломляющей пустоты; такое впе-

чатление, что мне вырезали внутренности». Эта физиологическая аналогия выражает пережитый в связи с гибелью жертвы удар, следствием которого стала утрата части самого себя. Члены семьи реагируют также на внезапность известия. Один вдовец отметил: «Принять естественную смерть человека и без того трудно, но с насильственной смертью все обстоит гораздо хуже. Это так внезапно. Это настолько потрясает. После такого трудно доверять людям».

Близкие особенно переживают по поводу физических увечий, причиненных жертве, а именно жестокости преступника и степени тяжести повлекших смерть телесных повреждений. Они могут зацикливаться на способе убийства и на переживаниях по поводу мучений жертвы. Как сказал родственник одной из жертв: «Я мысленно пытался поставить себя на место брата. Сопротивлялся ли он? Насколько сильно он мучился?»

Кто это сделал?

У близких жертвы всегда возникает острая потребность знать факты. Кто это сделал? Кто убийца? Эти вопросы касаются способа и деталей нападения. По ним можно определить, был ли нападавший знаком жертве, доверилась ли она ему или же была атакована внезапно.

Внезапное убийство совершается молниеносно и оставляет крайне мало улик. Если подозреваемых нет, родственники должны приложить серьезные усилия, чтобы совместно с полицией определить возможные версии, восстановить хронику дня жертвы непосредственно перед убийством и содействовать установлению картины преступления и последующих событий.

С фактом внезапного убийства особенно трудно примириться, когда человек пытается найти какие-то причи-

ны случившегося. В одном случае вдова утверждала, что убийство произошло «по ошибке».

В ситуациях, когда убитый испытывал определенное доверие к лицу, совершившему нападение, взаимодействие между ними происходит по инициативе последнего. Это, равно как и факт знакомства жертвы с нападавшим, становится дополнительным аспектом рассматриваемого случая. Как выразилась дочь одного убитого: «Я могу принять факт смерти отца, но не то, как его убили». Убийство ее отца было заказным, и вся семья, за исключением дочери, смирилась с тем, что он погиб от рук мафии.

Если убийца имел отношение не только к жертве, но еще и был вхож в ее семью, родственникам приходится справляться со своими чувствами в связи с тем, что они лично знали нападавшего.

> Человек, совершивший насильственное преступление, заставляет страдать не только жертву, но и ее близких. В первое время после произошедшего родственников жертвы переполняют боль, ярость и желание отомстить.

В случае, когда способ нападения не определен однозначно, а нападавший так и не задержан, чувство примирения с произошедшим не наступает. Известны случаи, когда родственники пытались провести собственное расследование, чтобы достичь психологического спокойствия. Так, одна семья в полном составе выехала в загородную местность, где было обнаружено тело дочери, и постаралась разыграть сцену произошедшего. Как сказал один из двоюродных братьев:

> Я пытался представить, как он это делал и почему она не смогла убежать… Она, должно быть, сильно мучилась… Невыносимо об этом думать… Можете считать, что я нездоров, но я был просто обязан это сделать.

Что я могу сделать?

Родственники рассказывают, что в числе их немедленных реакций на преступление присутствует желание что-то сделать в этой связи. Невыносимое ощущение беспомощности может подтолкнуть человека к действиям, направленным против преступника, впрочем, до реального применения насилия дело доходит лишь в редких случаях. Широкий резонанс в средствах массовой информации вызывают попытки мести со стороны жертв изнасилований. Одна из жертв, разыскавшая и застрелившая своего обидчика, была осуждена за убийство со смягчающими обстоятельствами (Fosburgh, 1974); другую признали виновной на первом суде, но оправдали на втором (*Tallahassee Democrat*, 1985).

Родственники часто говорят о чувствах возмущения, гнева и агрессии по отношению к преступнику. Отец убитой девочки сказал: «Меня переполняет ярость. Убил бы его, если бы мог». Брат одной из жертв, заявивший об огромном желании отомстить, постоянно твердил, что разберется с преступником, попадись он ему в руки. На суде этот молодой человек не мог отвести взгляда от рук подсудимого. Впоследствии он говорил: «Я сидел и смотрел на его руки… вспоминал, что он сотворил. Так хотелось, чтобы он оказался поближе и у меня появился шанс».

Что мне делать теперь?

Следующие моменты затрагивают жизненные реалии семьи. Последствия убийства включают все элементы процесса оплакивания жертвы, в том числе похороны и поминальные службы.

Оповещение окружающих. В случае естественной смерти семья и друзья усопшего берут на себя обязанность

оповещения других людей о его смерти и похоронах. Но убийство обычно освещается в прессе, что может сделать процесс оплакивания еще более сложным. Одна семья жаловалась на «странные письма и хулиганские звонки» из-за широкой огласки, которую получило убийство. Племянница одной из жертв рассказала следующее:

> Все сразу же попало в телевизор… Я ненавидела все эти тупые звонки, когда тебе говорят: «Не может быть, это же твоего дядю убили, да? Что произошло?» Ну а кому это еще быть, если они раструбили его имя, профессию и адрес?

Опознание жертвы. Согласно процедуре, кто-то должен опознать тело, и это становится дополнительной психологической нагрузкой на члена семьи, которому выпадает такая обязанность. В одной из семей единственным человеком, кто нашел в себе силы для этого мероприятия, оказалась дочь убитого. Она сказала, что закричала, когда полицейские сообщили ей о происшедшем. На опознании тела отца ей стало плохо.

Организация похорон. Одной из обязанностей родственников в течение первой недели после убийства является уточнение всех деталей похоронных мероприятий. Например, необходимо решить, будет гроб открытым или закрытым. Это зависит от внешнего вида тела; принять такое решение непросто. Также родственникам необходимо учитывать, каким образом газетные репортажи о случившемся могли повлиять на мысли людей об обстоятельствах убийства. Родные должны учесть и пожелания покойного, если таковые имеются. В одном случае убитый ранее высказывался об открытом гробе. Это пожелание и определило решение родных, несмотря на то что погибший был зверски избит и искалечен.

Родные жертвы бывают настолько заняты в первую неделю, что эмоционально откликаются на случившееся только после похорон. Дочь убитого так описывает свой опыт:

> Мне пришлось поехать в штат, где это произошло. Это было изнурительно. Когда я приехала в полицию, они говорили без умолку, и мне пришлось рассказать им все, что знала. Мне пришлось ознакомиться с фотографиями с места преступления. Он лежал в своей машине, подавшись вперед. Мне нужно было опознать машину, потом поехать в морг и опознать тело. Забрать тело, подписать всякие бумаги. Организовать похороны. Купить отцу костюм, туфли и все такое. Написать текст некролога. Потом еще была куча вопросов от полицейских и ФБР. Потом надо было купить одежду родным и встретить их в аэропорту… Похороны тянулись долго, и в машине меня наконец накрыло… Началось все с бабушки, она повторяла: «Боже, не сжигайте моего сыночка». Тут-то я и не выдержала… Не помню ничего, что было после… Помню только, как тело укладывали в печь, а может, я просто понимаю, что так было. Это было желание отца… А бабушка снова за свое.

Физические признаки и симптомы

Подавленные и растерянные родственники жертв сообщают о целом ряде проблем с физическим здоровьем. Обычно это бессонница, нарушения сна, головные боли, боли в области сердца, учащенное сердцебиение и желудочно-кишечные расстройства. Очень часто врачи прописывают успокоительные средства и транквилизаторы, надеясь таким образом снять физические симптомы. Поначалу многие люди практически ничего не чувствуют и не помнят, что происходило в первые недели или даже месяцы после убийства близкого человека.

ФАЗА ОСТАТОЧНЫХ ТОЛЧКОВ И РЕОРГАНИЗАЦИИ

В период реорганизации, следующей за периодом острого горя, отмечаются две наиболее значимые темы. Родственникам приходится иметь дело с собственными психологическими реакциями, а также с социально-правовыми вопросами в связи с убийством.

Психологические проблемы

Переживание горя. Родственникам приходится пройти через трудный процесс переживания горя. Это психологический процесс прохождения человека от стадии поглощенности мыслями об утрате через фазу ее болезненного осознания к финальной стадии принятия утраты как опыта, способствующего формированию личности (Parkes, 1972). Один человек описал чувство утраты следующим образом: «Ты неделями не можешь осознать этот ужас, а потом появляется чувство утраты, и ты не понимаешь, как вернуться к обычной жизни».

Относительно воспоминаний о жертве как части работы горя один вдовец заметил следующее: «Все было как в кино, прямо как в «Истории любви»[1]... И теперь мне остается только забыть... Я не смогу жить, постоянно думая об этом».

Во многих семьях принято противопоставлять жертву и преступление. Многие люди говорят о контрасте между актом насилия, совершенным по отношению к жертве, и ее миролюбивым характером. Как сказала одна вдова: «Он ненавидел насилие... и погиб от него».

---

[1] «История любви» (1970) — американский фильм в жанре любовной драмы. Кинофильм получил ряд премий и широко известен своим трагизмом. *(Прим. ред.)*

Некоторым людям долго не удается перестать сожалеть о чем-либо. Узнав подробности убийства, родственники начинают говорить себе что-то вроде: «Если бы я тогда [сказал или сделал что-то], этого не произошло бы». Как сказал один из них: «Если бы только я задержался хоть на день, такого бы никогда не случилось».

Сновидения и кошмары. В исследованиях, посвященных чувству утраты, отмечается, что сновидения об ушедшем человеке носят характер нереализованных желаний (Parkes, 1972). В своих снах люди, которые потеряли близкого человека, пытаются спасти его. Один из них сообщил, что ему приснилось, как он пытается предостеречь кузину от общения с убийцей. Молодой человек проснулся в слезах. Другой рассказывал о сновидениях, в которых он безуспешно пытался спасти брата:

> Это были очень яркие сны, и я в них сражался. Я дрался изо всех сил, видел комнату, где произошло убийство, видел искаженное гримасой лицо брата. Я был там, но не мог пошевелиться, не мог ничего сделать. А потом просыпался и уже не мог уснуть… Это меня просто убивало… Мне снилось такое особенно часто после неудачного дня.

Навязчивые страхи. Как и у жертв других психологических травм, у членов семей погибших обычно появляются навязчивые страхи, которые развиваются в связи с конкретными обстоятельствами преступления. Сестра одной из жертв нераскрытого убийства стала бояться идущих следом людей, не исключая своего бойфренда.

Родственники начинают остро осознавать, что могут и сами стать жертвами, и предпринимают дополнительные меры предосторожности. Чтобы обезопасить себя,

они получают разрешение на ношение оружия либо держат его у изголовья постели. Некоторые устанавливают в своих домах сигнализацию.

Отождествление с трагедией. Одним из способов справиться с потерей становится отождествление себя с умершим человеком. Сестра одной из жертв немедленно начала спать в ее кровати и носить ее одежду. Вдовы бывают особенно склонны отождествлять себя с другими женщинами, чьи мужья были убиты. Они утверждают, что чувствуют определенную связь с Жаклин Кеннеди Онассис, Этель Кеннеди и Кореттой Кинг[1]. Одна женщина так выразилась о вдове убитого патрульного: «Она стала одной из наших».

Смена роли. Смерть вынуждает людей неожиданно выступать в роли, к которой они мало приспособлены. Потеря жены делает мужа вдовцом; потеря единственного ребенка, дяди или двоюродного брата может полностью исключить соответствующую роль из жизни пережившего эту трагедию. Необходимость вынужденного формирования новой идентичности и отказа от привычной роли усложняет процесс переживания горя.

Социально-правовые вопросы

Судебный процесс. Все случаи убийства подразумевают те или иные полицейские и судебные процедуры. Все это оказывает серьезное влияние на процессы переживания горя и преодоления кризиса и порождает целую гамму чувств, но самые тяжелые эмоции вызывает безразличие судебной системы и участников судебного процесса. Один человек красноречиво выразился по этому поводу следую-

---

[1] Вдовы убитых политиков Джона Кеннеди, Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга соответственно. *(Прим. ред.)*

щим образом: «Вот был один доктор… его убили, а всем наплевать… Подумаешь, мол, бывает… Люди забывают… Время-то течет».

Вымещение чувств. Убийство подрывает веру человека в мир как в место, где царят покой и порядок. Исследования показывают, что преждевременная смерть от естественных причин также способна подорвать это ощущение безопасности. Обвинить в трагедии кого-то проще, чем признать факт неопределенности жизни. Это позволяет человеку продолжать считать себя хозяином положения, а ответственность за случившееся переложить на других. Неспособность разобраться в ситуации заставляет его почувствовать себя беспомощным.

Родственники жертвы еще долго переживают последствия психологической травмы. Не в последнюю очередь это связано с тем, что обычно им приходится участвовать в длительных процессах расследования и суда.

Люди ищут мишень, на которую можно выплеснуть свои чувства. Как правило, главной мишенью становится убийца. Родственники жертвы жаждут справедливости, они хотят, чтобы убийца понес наказание. Некоторые желают увидеть смертную казнь, другие считают тюрьму подходящим наказанием за противоправные действия. Некоторые заявляют, что убийца — больной человек и должен быть отправлен на психиатрическое лечение, поскольку они не хотят, чтобы он причинил вред кому-то еще.

Еще одним объектом вымещения эмоций является система правосудия. Некоторые могут обозлиться на полицию за безуспешные поиски убийцы. Другие сосредотачивают внимание на судебном процессе и злятся на судей за то, что «преступников выпускают на волю сразу после ареста».

Адресатом обвинений является также и общество в целом. Как сказал один вдовец: «Я по натуре консерватор, но это сделало меня отчасти радикалом… Подумать только, общество, в котором ты живешь, породило такого вот типа».

Нередко можно услышать обвинения и в адрес самой жертвы. Существует мнение, что ни одна жертва не бывает полностью невинной и в той или иной степени соучаствует в преступлении (Amir, 1967).

«Родители убитых детей»

Последствия утраты ребенка для членов семей были практически не изучены до появления исследования Айлин Райнир, в ходе которого были опрошены активисты общественного движения «Родители убитых детей» из тринадцати местных отделений в одиннадцати штатах страны. Исследование поставило перед собой цель изучить состояние и типичные реакции родителей, лишившихся детей. Термин «ребенок» использовался применительно к отношению родства, а не к возрасту жертвы на момент смерти (Rinear, 1984). В исследовании приняли участие 237 человек, среди которых преобладали женщины (67, 9%) белой расы (92,8%). Средний возраст участников составил 51,5 года. Представленные в исследовании жертвы были в основном лицами мужского пола (61,6%), жившими отдельно от родителей (63,7%); средний возраст составил 22,1 года.

Основная симптоматика, выявленная у респондентов, начиналась в первые недели после убийства ребенка и сохранялась в разных сочетаниях и степени тяжести на протяжении одного-двух лет. Вызванные психологической травмой стрессовые симптомы соответствовали посттравматическому стрессовому расстройству и приведены ниже в порядке наблюдаемой частоты:

1. *Нарушение сна*. За редким исключением, родители убитых сообщали о нарушениях сна. Они проявлялись в раннем пробуждении по утрам, бессоннице и более частом, чем обычно, сне. Все это могло происходить по отдельности или в различных сочетаниях.

2. *Притупленный аффект*. Почти все родители признавались в чувстве оцепенения или эмоциональной блокаде после смерти ребенка. Подавляющее большинство этих людей сообщали о неспособности испытывать эмоции любого рода, особенно связанные с близостью, нежностью и сексуальностью, а также о длительных периодах притупленного аффекта, часто переходящих в депрессию. Родители убитых отзывались об этих трудностях так: «Я не испытываю глубоких чувств с тех пор, как его убили»; «Я ничего не чувствую, как будто внутри меня все умерло»; «В этом году мои защитные механизмы рухнули, я в глубокой депрессии»; «Я изменилась эмоционально: стала неспособна любить и быть отзывчивой к другим моим детям».

3. *Пониженный интерес к прежде любимым занятиям*. Большинство родителей сообщали о выраженном снижении интереса к ранее значимым для них занятиям. Об этом виде трудностей они отзывались так: «Раньше я была истовой прихожанкой, а теперь бываю в церкви лишь от случая к случаю»; «После убийства я полностью утратил интерес к своей работе»; «После убийства я перестал общаться со своими друзьями».

4. *Навязчивые мысли об убийстве*. Большинство родителей сообщали о зацикленности на мыслях о жестокости убийства и страданиях своего ребенка. В частности, они говори-

ли следующее: «Мне лучше, если я не один и чем-то занят, а иначе просто не могу выбросить эти мысли из головы»; «Со времени ее убийства не было ни дня, чтобы я не думала о ней и о том, как и почему она умерла». Одна из матерей сказала:

> Я все думаю о своем сыне, как он лежит там, посреди улицы, с окровавленной головой. Мне сказали, что смерть была мгновенной, а я все боюсь, что он мучился, когда умирал. Уже почти год прошел, а эти мысли продолжают меня преследовать.

5. *Ощущение отчужденности*. Большинство родителей сообщали о чувствах оторванности, отчужденности или отдаления от окружающих: «Я постоянно чувствую, будто смотрю на происходящее со стороны»; «Я чувствую отчужденность от друзей и коллег, поскольку они понятия не имеют, какой это ужасный опыт»; «В ситуации с убийством все стараются держаться от тебя подальше. Мы прочувствовали это на себе».

6. *Избегание занятий, вызывающих болезненные воспоминания*. Многие родители сообщали об избегании ситуаций, которые каким-либо образом ассоциируются у них с убийством ребенка. Они высказывались по этому поводу так: «Теперь я почти не захожу в церковь, потому что, стоит зайти и взглянуть на алтарь, как я вижу там только гроб с телом сына»; «Почти целый год после ее убийства я не мог проехать по улице, где это случилось»; «Я больше не могу заниматься сексом с мужем, потому что всякий раз, когда он ко мне притрагивается, я думаю о дочери и о том, что с ней сделал насильник».

7. *Усиление симптомов*. Родители сообщали об усилении симптоматики под влиянием событий, напоминавших им об убийстве ребенка. Они высказывались по этому поводу так: «Я переживаю это вновь каждое воскресное утро. Просыпаюсь и сразу вспоминаю, как была потрясена, не обнаружив ее в кровати»; «Чей-то случайный взгляд, какие-то слова, передача по телевизору — и ты сразу же об этом вспоминаешь». Одна из матерей высказалась особенно красноречиво:

> Ненавижу Хэллоуин. Полуразложившийся труп моего сына нашли на каком-то пустыре спустя неделю после того, как его убили. Каждый год, когда на Хэллоуин я вижу скелеты, они напоминают мне о сыне и о том, как он выглядел. Это заново бередит мои раны.

8. *Повторяющиеся сны об убийстве*. Родители сообщали о повторяющихся снах на какую-либо из следующих тем: (1) исполнение желаний, когда ребенок снится живым и здоровым; (2) «отмена» случившегося, когда родитель пытается защитить своего ребенка или по меньшей мере предостеречь его о надвигающейся опасности; (3) какая-либо особенно болезненная или сложная деталь убийства, когда родитель вновь и вновь переживает травмирующее событие (например, обнаружение тела, известие о смерти, опознание тела).

9. *Расстройство памяти и невозможность сосредоточиться*. После убийства многим родителям было трудно сосредоточиться на чем-либо. Они высказывались по этому поводу так: «Работодатель мужа уволил его без выплаты выходного пособия. Сказал, что он «зациклен на этом убийстве»»; «После ее убийства мне стало трудно сосредотачиваться на работе, и из-за этого сейчас я взял отпуск по болезни на месяц».

Ввиду многочисленных симптомов и сильнейшего жизненного разлада родителям очень помогают активисты общественных организаций, например, таких, как «Родители убитых детей».

ОСОБЫЕ СЛУЧАИ КРИЗИСНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА

У травмированного человека имеется осознанная потребность преодолеть случившееся, разобраться в том, что произошло, объяснить это самому себе, поставить в ряд других жизненных событий и как-то вписать их в свой новый образ жизни. Семьи, пользующиеся эмоциональной поддержкой своего социального окружения или психолога-консультанта, обычно лучше преодолевают острую фазу кризиса и справляются с долгосрочными последствиями. Однако некоторым людям трудно преодолеть травматический синдром из-за того, как на эту ситуацию реагируют другие люди. Некоторые сознательно избегают пострадавшую семью, тем самым лишая ее поддержки. В других случаях люди сторонятся членов семьи и не оказывают им поддержки непреднамеренно.

Сознательное избегание социального окружения

Для того чтобы человек считался жертвой, необходимо, чтобы окружающие признали данное преступление настоящим. В некоторых случаях люди могут воспринимать случившееся весьма неоднозначно и не рассматривать его в качестве реального преступления (с наличием жертвы) из-за характера нападения или знакомства с убийцей. Если у жертвы были давние отношения или контакты с убийцей, очень просто переложить часть вины на нее.

Пример из практики. В данном случае убитый принадлежал к группе наркодельцов. Из-за того, что он «стучал»

федеральному агенту, знавшие его люди были не слишком склонны считать его жертвой. Его девушка испытывала трудности с переживанием горя, поскольку никто не считал, что ее молодой человек этого заслуживает. Незадолго до его гибели пара консультировалась у психолога, и ниже приводится описание его работы с девушкой после убийства.

Лори, 17 лет, и ее молодой человек, Марк, 22 года, обратились в местный центр психического здоровья за консультацией.

На одном из сеансов Марк попросил медработника об индивидуальном приеме «для обсуждения некоторых вещей».

До убийства медработник успел принять его дважды. Марк активно «торговал», то есть занимался сбытом наркотиков, в первую очередь амфетаминов, а также употреблял сам — внутривенно. Он сказал психологу, что чувствует, что запутался, и сомневается в правильности своего образа жизни. Марк очень хотел поговорить о том, что он может в себе изменить. Когда он не явился на последний сеанс, медработник позвонил ему домой. Он ответил: «Тут у меня кое-какие напряги, я перезвоню». Но он не перезвонил. Один из подельников убил его выстрелом в сердце вечером того же дня.

Лори связалась с психологом после убийства и выразила желание обсудить произошедшее. Медработник провел с Лори несколько сеансов терапии. Ниже приведены некоторые ее реакции и жалобы.

«Не могу поверить, что его больше нет». Лори была особенно зла на его подельников и сказала: «Эти нарики меня бесят». Это резко отличалось от ее прошлых высказываний о том, что их образ жизни ее устраивает. Теперь Лори говорила, что не хочет иметь с ними ничего общего.

Лори сказала, что ей не с кем поговорить; ее мать вообще ею не интересовалась. Ее подружки были назойливо любопытны, но не оказывали поддержки. Им хотелось поговорить об убийстве, а не о том, каково ей в связи с утратой.

Она также опасалась, что до нее доберутся его подельники. Девушка сказала, что очень боялась поговорить с кем-либо на эту тему, но все же решила, что ей это необходимо. Также подельники Марка предупредили ее, что ей не стоит общаться с полицией.

Результаты кризисного вмешательства. Лори обратилась за психологической помощью, поскольку была намеренно отвергнута своим социальным окружением. Лори была решительно настроена узнать всю правду о причинах гибели Марка, даже если для этого потребовалось бы пойти в отдел по борьбе с наркотиками. Она обсудила этот шаг со своим терапевтом и все же решилась на него. Ей стало легче оттого, что она смогла кому-то довериться. Ее ознакомили с фактурой дела. Марк получал наркотики из Канады и распространял их в Америке. Его арестовали федеральные агенты, и ему было сказано, что если он даст показания против своих подельников, закоренелых наркоторговцев, то получит меньший срок. Марк согласился. Однако об этом стало известно одному из его подельников, который его и убил.

Лори согласилась дать показания в суде, хотя и очень боялась. Она тяготилась своими чувствами, поскольку, по ее словам, больше боялась за себя, чем расстраивалась из-за Марка. Ей было трудно смириться с тем, что люди будут считать ее «крысой».

Когда все, кто имел отношение к убийству, оказались в тюрьме, Лори зашла в дом, где это случилось. «Там я как будто своими глазами увидела, как все было… Это

было страшно, но необходимо», — описала она свои чувства.

Лори мучилась двумя мыслями: если бы только Марк зашел к ней тем вечером и если бы только он не пропустил свой прием у психотерапевта.

После убийства Лори внесла некоторые изменения в свой образ жизни. Она на несколько месяцев переехала жить к матери. Она перестала общаться со своими знакомыми. «Меня достало отвечать на их назойливые вопросы, на самом-то деле им никогда до меня дела не было. Им нужен был только товар», — сетовала она. Поминальной службы по Марку не было, но Лори регулярно ходила на его могилу. «Приношу цветы, говорю с Марком и плачу», — сказала она. Выход своему горю она находила у могилы и на приемах у терапевта.

Этот случай служит примером благотворного воздействия, которое оказывает кризисное вмешательство в ситуации, когда жертва принадлежит к маргинальным слоям общества. В социальном окружении девушки убитого не оказалось никого, кто поддержал бы ее в горе и помог преодолеть кризис. Она разыскала психотерапевта, помогавшего ей ранее. Они приступили к терапии, и спустя несколько месяцев Лори смогла реорганизовать свою жизнь. О степени преодоления кризиса лучше всего говорят ее собственные слова: «Я пробудилась навстречу миру и теперь готова к нему».

Непреднамеренное избегание социального окружения

Пример из практики. В некоторых случаях факт убийства или иного преступления хоть и признан социальным окружением жертвы, но по каким-то причинам ее семья не получает нужной поддержки. Представленный ниже пример демонстрирует, какие разрушительные последст-

вия может иметь для семьи непреднамеренное избегание со стороны соседей и друзей, и подчеркивает необходимость кризисного вмешательства.

Пэм, студентка, 21 год, явилась в амбулаторное отделение местного центра психиатрической помощи по направлению медицинской службы своего учебного заведения. На приеме она рассказала, что периодически расцарапывает ногтями кисти рук, и призналась, что несколько раз резала вены.

Пэм сказала, что раньше ей казалось, что она «разваливается на куски» и не в состоянии себя контролировать, но теперь думает, что лучше владеет собой. Девушка полагала, что ее проблемы связаны с тем, что она впервые стала жить отдельно. Однако, навещая родителей, она расстраивалась еще больше, потому что «мать такая грустная, а отец так постарел».

Близкие и родственники жертвы склонны к нарушениям сна, депрессии и навязчивым мыслям о произошедшем убийстве. Поддержка со стороны друзей или курс терапии могут помочь им справиться с горем.

Почти сразу же Пэм заговорила о смерти своей сестры в результате убийства шестью годами ранее. При этом она сильно разволновалась, объяснив это тем, что ей трудно говорить о сестре, поскольку они были очень близки и та была для нее словно мать.

Мать не замечала детских проблем Пэм, а сестра обращала на них внимание и старалась ей помочь. В то время Пэм имела мальчишеские замашки (отец хотел сына, и Пэм пыталась ему угодить), была толстой, крайне неуверенной в себе, застенчивой и страшненькой из-за проблем с кожей. Сестра стала помогать Пэм, заставила ее похудеть и собиралась отвести к дерматологу, но была убита.

Медработник попросил девушку рассказать о событиях, относящихся к убийству. Утром сестра, как обычно, пошла на работу. В 10 утра им домой позвонил работодатель, чтобы выяснить, где она. Родные встревожились и позвонили в полицию. Им сказали, что серьезных поводов для беспокойства нет, поскольку еще только 11 утра, но поиски скоро начнутся. Отец пошел по обычному пути девушки на работу. Он обнаружил ее задушенной ее же чулком на пустыре, через который она срезала дорогу до работы.

В этом месте Пэм разрыдалась и сказала, что испытывает такое чувство ненависти, что невозможно представить, насколько оно выводит ее из равновесия. Ее злость была адресована полицейским, которые не стали искать сестру сразу же; а когда отец нашел тело, они прислали новичков, которые «настолько накосячили со следами, что убийцу так и не нашли».

Она испытывала ненависть и к жителям их городка, которые заставили Пэм и ее родителей ощущать себя «ненормальными» и вынудили их всей семьей «забиться в дом, как в клетку». В то время она получала огромное количество хулиганских звонков и странных писем, а в городке только и говорили, что об этом происшествии.

Пэм считала, что именно поэтому в дальнейшем она избегала социальных связей (у нее была всего одна подруга), а в старших классах не ходила на свидания. Пэм помнила, что на похоронах «была в ступоре» и только смотрела на реакцию окружающих. Она припомнила также, что была в аналогичном состоянии на похоронах деда, когда ей было семь, и ее пришлось вывести из церкви. Она не плакала, когда убили ее сестру, но примерно через два года, когда умер человек, который ей очень нравился, она с чувством разрыдалась и позже осознала, что горевала также и о сестре.

После смерти сестры Пэм спала в ее кровати (до этого

у девушки была раскладушка) и носила ее одежду. Сестра была на два года старше Пэм.

Девушке часто снились кошмары про человека, залезающего в окно с ножом в руке, чтобы зарезать ее. Ей прописали лекарства, и кошмары прекратились. Но она по-прежнему боялась людей, идущих позади нее. За шесть лет она была на могиле сестры два раза.

Анализ случая незавершенного горевания. В данном случае можно выделить два основания, позволяющие сделать вывод о том, что здесь имеет место болезненное переживание незавершенного горя:

1. Пациентка не в состоянии спокойно говорить о смерти, случившейся шесть лет назад. Найдя участливого слушателя, она сразу же начала крайне эмоционально рассказывать об этом.
2. У девушки налицо неспособность горевать в момент смерти.

В этой связи существуют два предположения: (1) социальное окружение девушки и правоохранительная система непреднамеренно самоустранились из ее жизни; (2) девушка стала отождествлять себя с сестрой. Очевидно, что неспособность горевать обусловлена непроработанными чувствами в связи с (1) поддержкой со стороны общества и (2) ее отношением к сестре. Имеющиеся данные позволяют выдвинуть две гипотезы. Первая состоит в том, что соседи стали избегать родных жертвы вместо того, чтобы успокоить и поддержать их, а полиция оказалась неспособна раскрыть преступление. Расцарапывание ладоней и порезы рук были средством выплеснуть чувство безысходности. В качестве альтернативной гипотезы можно

предположить, что Пэм была настолько привязана к сестре — единственному человеку, которому она была действительно небезразлична, — что воспринимала процесс горевания как признание факта ее смерти.

Вне зависимости от правильности той или иной гипотезы психотерапевт должен обеспечить пациентке поддержку, которая позволит ей оплакать свою сестру. В ходе работы специалист установит и поможет пациентке понять, какие несовершенства ее характера и особенности отношения к сестре сделали для нее процесс горевания настолько затруднительным.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует отметить, что нарастание насилия в обществе, несомненно, предъявляет ряд требований к медицинским учреждениям, оказывающим психологическую и психиатрическую помощь семьям жертв убийства. Реакция родственников на убийство члена семьи состоит из двух этапов. Фаза кризиса включает в себя острое горевание, в том числе немедленные реакции в виде вопросов об убийстве и нападавшем, о подготовке похорон и о ходе полицейского расследования. Фаза остаточных толчков и реорганизации включает психологические проблемы в связи с перенесенной утратой и социально-правовые моменты, обусловленные функционированием системы уголовного правосудия.

Мы рассмотрели два случая кризисного вмешательства: помощь человеку, оплакивающему гибель социального изгоя, и помощь человеку с незавершенным процессом горевания. Работники полиции и персонал отделений «Скорой помощи» могут помочь членам семей жертв, порекомендовав им обратиться к специалисту за психологической помощью.

13
Жертвы: выводы относительно реакций на сексуальное насилие

Дэниел Л. Картер
Роберт Э. Прентки
Энн У. Берджесс

За минувшее десятилетие был достигнут значительный прогресс (1) в повышении уровня информированности о сексуальном насилии; (2) в оказании консультативной помощи жертвам; (3) в задержании подозреваемых; (4) в изобличении виновных; (5) в эмпирических исследованиях сексуально-агрессивного поведения. Так, Чэппел и Фогерти (1978) пишут о «настоящем взрыве» распространения информации об изнасиловании. Такая гласность и, как следствие, рост информированности общества в данной области привели к заметным достижениям в развитии форм и методов оказания помощи жертвам (McCombie, 1980), судебной реформе по делам об изнасиловании (Marsh, Geist and Caplan, 1982) и многочисленным исследованиям сексуальной виктимизации женщин (Walker and Brodsky, 1976; Holmstrom and Burgess, 1978; Chapman and Gates, 1978; Russell and Howell, 1984).

Наряду с этим в минувшем десятилетии наблюдалось неуклонное увеличение числа зарегистрированных случаев сексуального насилия при соответствующем росте бояз-

ни изнасилования (Warr, 1985). Исследование последнего, проведенное в 1981 году путем анкетирования 181 жительницы городов, показало, что две трети женщин моложе 35 лет относят изнасилование к группе своих самых сильных страхов. Данные Уорра (1985) свидетельствуют о том, что большинство женщин испытывают умеренный или высокий страх перед изнасилованием начиная с подросткового возраста и вплоть до 35 лет. Он утверждает, что боязнь изнасилования продолжает оставаться значительной проблемой и лишь усугубляется. Анализируя данные опроса жителей Сан-Франциско, Рассел и Хауэлл (1984) приходят к выводу о массовом характере сексуального насилия над женщинами.

В то же время вопрос о том, как следует реагировать на опасные для жизни и достоинства ситуации, неизменно остается предметом дискуссий. Споры о том, что должен делать человек, подвергшийся нападению, не утихают и по сей день.

В научной литературе присутствуют две диаметрально противоположные точки зрения на действия жертвы при столкновении с насильником: (1) выражать согласие и не сопротивляться и (2) сопротивляться и/или применить силу. Своим исследованием нам хотелось бы преодолеть этот раскол. Анализ информации, полученной от переживших изнасилование, указывает на то, что оптимальная стратегия действий жертвы зависит от типа насильника.

ИССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВ НА СЕКСУАЛЬНОЙ ПОЧВЕ

В рамках нашего исследования мы изучили, как вели себя жертвы в каждом конкретном случае.

ЖЕРТВЫ

Описание жертв

Нами было изучено 118 жертв преступлений; 109 из них получили несовместимые с жизнью ранения, оставшимся девяти удалось выжить. Подавляющее большинство в выборке составляли белые (92%) женщины (82%), не состоящие в браке (80%). Возраст 113 жертв варьировался в диапазоне от 6 до 73 лет (в пяти случаях информация о возрасте жертвы отсутствовала); 14 из них (12%) были в возрасте до 14 лет; 83 (73%) — в возрасте от 15 до 28 лет; 16 (14%) — в возрасте от тридцати лет и старше. Таким образом, подавляющее большинство жертв (73%) были в возрасте от 15 до 28 лет, что соответствует обычному возрастному диапазону жертв изнасилования.

Почти в половине (47%) случаев жертва была приблизительно одного возраста с преступником. В более чем трети случаев (37%) жертва была моложе преступника. В 15% случаев жертва была старше преступника. Более половины (62%) жертв происходили из семей среднего достатка или обеспеченных, 30% — из малообеспеченных семей, и 9% — из неимущих семей.

У 37% жертв на момент нападения имелся постоянный партнер, тогда как 63% были одиноки.

Сопротивление жертвы

Для установления любых причинно-следственных связей в поведении жертвы необходимо учитывать всю цепочку взаимодействий между ней и преступником. Мы попросили убийц описать принятые жертвами меры сопротивления, а именно их попытки договориться, возражать, звать на помощь, сбежать или отбиваться. Затем они должны были описать собственные реакции на поведение жертв.

Важно не забывать, что эта информация отражает исключительно точку зрения преступника.

Из 83 случаев, по которым имелись соответствующие данные, в 23 (28%) жертвы неохотно подчинялись и не оказывали сопротивления. Один из убийц так описал свой опыт: «Она оказалась понятливой. Я показал ей пушку. Она задрожала и выронила сумочку, но потом пришла в себя и сказала: «Хорошо, я буду молчать. Только не делайте мне больно». Из тех, кто предпринял какие-то действия, 26 жертв (31%) пытались договариваться; 6 (7%) — возражать; 8 (10%) звали на помощь; 4 (5%) попытались убежать и 16 (19%) попытались отбиться от преступника.

Что касается реакции преступника на сопротивление жертвы, то в 31 случае (34%) он никак не отреагировал, в 14 случаях (15%) угрожал жертве словесно, в 23 случаях (25%) становился агрессивнее и в 24 случаях (25%) применял насилие. Таким образом, в 2/3 случаев нападавший противодействовал сопротивлению жертвы, часто (50%) повышая уровень агрессии и насилия. Следовательно, у большинства опрошенных преступников и физическое, и словесное сопротивление вызывало ответную реакцию.

Важно отметить, что количество жертв, которые оказывали физическое сопротивление, и жертв, которые не пытались сопротивляться, практически совпадало (25 против 23). Оба этих пути приводили к смертельному исходу.

Исследуемым был также задан вопрос о том, что могло бы предотвратить преступление. Определить факторы, способные удержать их от убийства, смогли лишь те, кто совершил его без сознательного мотива. В числе таких факторов преступники назвали пребывание в людном месте, наличие возможных свидетелей и лояльное отношение жертвы. Те из убийц, кто сознательно планиро-

вал свое преступление, говорили, что факторы оживленной обстановки и присутствия очевидцев не имеют для них значения, поскольку в их фантазиях все продумано до мелочей и ситуация всегда находится под контролем («Я всегда убивал у себя дома, там нет свидетелей»). Один из преступников сказал: «Если убийство входило в мои планы, то у жертвы не было выбора». Кроме того, убийца с проработанным планом обычно считает, что его никогда не поймают.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ: МАССАЧУСЕТСКИЙ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

Следующее исследование было проведено на основе информации, полученной от 108 содержащихся в этом учреждении осужденных насильников, и данных об их 389 жертвах. Предметом исследования стал уровень агрессии до, во время и после преступления в контексте разных типов насильников. Система классификации насильников, применяемая в Массачусетском исправительном центре, рассматривает их с точки зрения сочетания сексуальной и агрессивной мотивации. Хотя в любом акте изнасилования явно присутствуют оба этих мотива, главной чертой одних насильников является желание унизить и причинить боль, тогда как у других наиболее ярко выражена потребность достичь сексуального доминирования. Ниже приводятся сокращенные описания четырех разновидностей насильников.

Для *компенсаторного* насильника преступление является в первую очередь выражением его фантазий. Обычно в его анамнезе присутствуют записи о сексуальной озабоченности, широко проявляющейся в мыслях

и действиях в виде разнообразных перверсий, в том числе неестественных практик мастурбации, эксгибиционизма, непристойных телефонных звонков, вуайеризма, трансвестизма и фетишизма. Часто сильное сексуальное возбуждение сопровождается утратой самоконтроля, что вызывает искаженное восприятие взаимоотношений с жертвой (например, насильник может хотеть от жертвы сексуального или эротичного ответного поведения и пытаться назначить свидание после изнасилования). Суть его фантазии состоит в том, что жертва испытывает удовольствие и, возможно, даже влюблена в него. Этот мотив обусловлен убежденностью насильника в том, что он настолько неполноценен, что ни одна здравомыслящая женщина не вступит с ним в половую связь добровольно. Такой преступник компенсирует свою остро ощущаемую несостоятельность как мужчины.

У насильников *эксплуататорского* типа сексуальное поведение получает выражение в виде импульсивных хищнических действий. Сексуальная составляющая имеет намного меньшее значение для такого преступника и меньше интегрирована в его фантазии. Таким образом, для него изнасилование является импульсивным актом, в большей степени обусловленным ситуацией и условиями, чем фантазированием. Такой преступник лучше всего подходит под описание мужчины, вышедшего на охоту за женщиной с целью ее сексуальной эксплуатации. Его целью является принуждение жертвы к сексуальному подчинению, следовательно, его не волнует ее физическое и психологическое благополучие.

Сексуальное поведение *замещающего* насильника является выражением его гнева и ярости. Половой акт в таком случае служит средством достижения главной цели — агрессии,

а жертва замещает собой объект ненависти. Хотя преступление может объясняться накопившимися обидами, например, на членов семьи, жену или подругу, следует отметить, что для проявления агрессии такому насильнику не всегда требуется реальный повод. Этот индивид — ярый женоненавистник, и его агрессия может проявляться в широком диапазоне: от словесных оскорблений до зверского убийства.

Для насильника *садистского* типа сексуальное поведение служит выражением его агрессивных (садистских) фантазий. По-видимому, здесь происходит смешение (т. е. отсутствие разграничения), или синергизм, сексуальности и агрессии. По мере возрастания сексуального возбуждения увеличивается агрессивность, и наоборот. Гнев очевиден не всегда, особенно на начальных стадиях, когда акт насилия может выглядеть соблазнением. Гнев может начать проявляться по мере сексуального возбуждения преступника, результатом чего становятся наиболее вопиющие и эксцентричные формы сексуальной агрессии. В отличие от замещающего насильника, агрессия садиста обычно направлена на части тела, имеющие сексуальное значение (груди, анус, ягодицы, гениталии, рот).

Выводы исследования

Результаты опроса показали, что у всех типов насильников повышенная агрессия чаще проявлялась в связи с активным сопротивлением, нежели с пассивным. Во всех четырех группах насильников были обнаружены значительные различия в степени сопротивления жертв, тяжести нанесенных им увечий и агрессивности нападавшего до, в ходе и после полового акта. Это подразумевает необходимость адаптации ответных действий под конкретный тип преступника.

КЛИНИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ РЕАКЦИИ ЖЕРТВЫ

Хотя обнаруженные корреляции не позволяют сделать вывод о характере причинно-следственной связи (т. е. невозможно с достаточной точностью установить, способствовало активное сопротивление жертвы росту агрессивности нападавшего или же было реакцией на агрессию), эти данные убедительно подтверждают необходимость рассмотрения стратегий, эффективно заменяющих собой физический отпор, особенно в случаях, когда такое сопротивление очевидно безуспешно и повышает риск причинения тяжелых увечий и смерти. Применение альтернативных подходов к принятию ответных действий может способствовать более успешному исходу.

> Насильники подразделяются на четыре группы исходя из соотношения их агрессивной и сексуальной мотиваций. Вследствие этого оптимальная ответная реакция жертвы (от полной покорности до применения физической силы) зависит от конкретного типа преступника.

Изложенное ниже представляет собой попытку обзора возможных стратегий сопротивления изнасилованию. Наблюдения и выводы сделаны на основе нашего совместного клинического опыта, включающего большой объем контактов с жертвами и насильниками и детальное исследование более трехсот досье преступников. Этот опыт позволил нам изучить значительное количество эффективных и неэффективных реакций на изнасилование, иногда с участием одного и того же преступника. Хотя приведенные ниже рекомендации концептуально и клинически обоснованы, эмпирических свидетельств в их пользу на данный момент немного.

СТРАТЕГИИ РЕАГИРОВАНИЯ

В ходе исследования нами были изучены работы, посвященные копинг-поведению[1] (Burgess and Holmstrom, 1976, 1979), действиям жертв изнасилования и тех, кому удалось его избежать (Bart and O'Brien, 1984), и поведению жертвы с целью вызвать у преступника жалость к себе (Grayson and Stein, 1981). Анализ этих стратегий, приведенный в научных трудах, в сочетании с нашим клиническим опытом исследования насильников и жертв, позволяет нам определить следующую типологию стратегий реагирования: бегство, активная вербальная конфронтация, активная физическая конфронтация, невраждебные вербальные реакции, пассивное физическое сопротивление и непротивление.

Бегство

Мы подчеркиваем, что бегство всегда является оптимальным способом реагирования, *если его возможно выполнить успешно*. Однако определить, насколько удачной будет попытка бегства, очень трудно. Если жертва одна в лесу и бежать ей некуда или на нее напали несколько человек, попытка бегства, скорее всего, будет не только безуспешной, но еще и опасной для жизни. При угрозе оружием последствия такого шага могут быть слишком рискованными. Молодой возраст и атлетическое телосложение преступника понижают вероятность успешного бегства.

В городе или пригороде, если нет угрозы применения оружия, где-то поблизости есть люди, а какие-либо фи-

---

[1] Копинг-поведение — это действия, которые предпринимает человек, чтобы справиться со стрессом. *(Прим. ред.)*

зические ограничения отсутствуют (например, жертва не связана), вероятность успешного бегства становится в целом выше. Однако необходимо проявлять осторожность. У некоторых индивидов (садистов) безуспешное бегство может вызывать повышенное возбуждение и, таким образом, провоцировать на еще бóльшую жестокость.

Активная вербальная конфронтация

Эта стратегия подразумевает громкий крик («Отстань от меня! Убирайся!») в качестве средства привлечения внимания или выражения готовности дать отпор. Такие вербальные реакции носят выраженную конфронтационную окраску и призваны с самого начала донести до насильника сигнал о том, что жертва будет сопротивляться.

Активная физическая конфронтация

Способы оказания физического сопротивления варьируются в диапазоне от умеренных (борьба, удары кулаками или ногами) до крайних (повреждение чувствительных мест — лица, горла, области паха — с целью нанести смертельное увечье). Целесообразность такого способа реагирования зависит от множества различных факторов, в том числе таких, как место нападения, наличие угрозы оружием, вероятность получения помощи, размеры и физическая сила преступника и степень угрозы. Успешность применения подобных действий зачастую связана с быстротой реакции и использованием фактора внезапности. Жертве следует иметь в виду, что во многих случаях ответом на физическое сопротивление будет возросшая агрессивность.

Невраждебные вербальные реакции

Эти способы реагирования призваны отговорить напавшего от совершения преступления («Я девственница»; «У меня месячные»), проявить к нему сочувствие (вовлечь насильника в разговор, внимательно слушать и стараться отвечать участливо), отрезвить его («Мне страшно») или поторговаться с ним («Давай обсудим это»; «Давай лучше выпьем»), чтобы потянуть время и выработать другую стратегию (создать условия для бегства). Разговоры обычно бывают самым безопасным и надежным средством снизить уровень агрессии (когда понятно, что преступник намерен действовать агрессивно), но их может оказаться недостаточно для того, чтобы полностью остановить нападение.

Как правило, невраждебные убеждающие методы не срабатывают (Mclntyre, 1978). В пылу нападения большинству насильников будут безразличны менструальные боли жертвы или ее девственность, если они вообще в это поверят. Жертвам следует избегать фраз вроде «у меня сифилис» или «я беременна», поскольку подобные заявления могут подкрепить патологическую идею преступника о том, что жертва «плохая» или развратная женщина, заслуживающая быть изнасилованной. Следует избегать также и угроз («Тебя поймают и посадят»).

Занять напавшего диалогом будет проще, если жертва не станет притворяться кем-то еще и сосредоточит внимание на происходящем в данный момент («Я ведь совершенно незнакомый тебе человек. Почему ты хочешь обидеть меня? Я же не сделала тебе ничего плохого» или «А если бы я была кем-то, кто тебе дорог, ты бы тоже так сделал?» — но не «Это разрушит мою жизнь»). Насильнику легко отмахнуться от того, что может произойти ког-

да-то в будущем. Но ему труднее не обращать внимания на то, что жертва говорит о происходящем прямо сейчас. Следует также избегать вопросов вроде «А если бы я была твоей дочкой или сестрой?» — поскольку неизвестно, что эти люди могут значить для напавшего.

Пассивное физическое сопротивление

Этот метод подразумевает принятие активных действий, не направленных на преступника, как в случае активного сопротивления. Пассивное физическое сопротивление может быть как симуляцией, так и вполне реальной непроизвольной реакцией. Симулировать можно обморок, удушье, тошноту или судороги. Непроизвольными могут быть, в частности, рыдания, удушье, рвота, мочеиспускание или дефекация. Такие реакции иногда помогают, но полагаться на них нельзя в силу их специфичности. В случае замещающего насильника эта стратегия может быть опасной.

Непротивление

Непротивление подразумевает отсутствие какого-либо противодействия нападению (как активного, так и пассивного). Жертва может сказать что-то вроде: «Я сделаю так, как ты хочешь, только не делай мне больно». Непротивление часто бывает результатом парализующего ужаса, униженного страха или уверенности в необходимости такой реакции ради спасения собственной жизни. В большинстве случаев этот способ должен быть крайней мерой, когда все попытки остановить напавшего оказались бесполезны. Непротивление может быть истолковано преступником как соучастие и усугубить жестокость нападения.

В целом же решение подчиниться и не сопротивляться преступнику является трудным. Оно может быть в равной мере обусловлено как жестокостью нападения, так и эмоциональным состоянием и специфическими страхами жертвы (например, перед смертью или изнасилованием). Одни женщины справляются с осознанием того, что они подчинились, значительно легче других. У некоторых жертв непротивление может впоследствии вызывать гнев и/или стыд, в то время как другие могут принимать его и нормально относиться к любым действиям, которые они сочли нужным совершить ради выживания при минимуме эмоционального и физического ущерба. Если жертва все же прибегла к этому способу, очень важно, чтобы она не стеснялась своего решения и понимала, что впоследствии у нее может появиться чувство стыда.

Мы исходим из того, что агрессия порождает агрессию. Если степень ярости и агрессии явно превышает необходимую для принуждения к подчинению, активное сопротивление жертвы обычно приводит к возрастанию жестокости напавшего и увеличивает риск причинения тяжелых физических увечий. Неоправданная жестокость насильника ставит жертву в опасное, неопределенное и непредсказуемое положение. На этом основании мы полагаем, что *первая* реакция на нападение *не* должна быть агрессивной. Если жертве не удалось нейтрализовать (снизить уровень агрессии) нападавшего с помощью диалога, то ей не остается ничего иного, кроме как применить любые другие доступные средства. Преступник считает, что имеет право на секс при любых обстоятельствах, и поэтому совершенно безразличен к моральному и физическому благополучию жертвы. Активные стратегии конфронтации, как вербальной, так и физической, видятся нам вполне уместными. Если совер-

шенно очевидно, что насильник готов применить любые силовые методы для принуждения к подчинению, активную физическую конфронтацию разумно использовать только тогда, когда жертва полностью уверена в успехе. Отсюда наилучшей стратегией является вовлечение насильника в разговор о нем самом (большинство преступников страдает нарциссизмом), чтобы жертва стала для него реальным, а не сексуальным объектом. Пассивное физическое сопротивление также может быть полезным, но обычно на него не стоит полагаться в силу индивидуальных особенностей насильников. Как указывалось выше, некоторые реакции (плач, тошнота, приступ удушья) могут быть непроизвольными, и если они усугубляют ситуацию, то жертве придется подавить их.

Многие насильники-эксплуататоры наверняка на время приостановятся, если не утратившая присутствия духа жертва скажет: «Что, прямо здесь? Прямо сейчас? Давай-ка сперва присядем и поговорим». Нельзя не признать, что это требует от жертвы необычайного хладнокровия, но зато моментально приводит насильника в замешательство. Пусть даже это и не позволит избежать изнасилования, но хотя бы уменьшит количество телесных повреждений и даст жертве время оценить свои возможности для бегства.

Если у жертвы не получается вовлечь напавшего в разговор и физическая агрессия продолжается, нарастает или имеет признаки летальной, то жертва должна отбиваться всеми доступными способами (бить преступника по глазам или в пах, использовать камни, палки и т.п.), чтобы сбежать и/или уклониться от серьезных телесных повреждений.

Если напавший не скрылся после вербальной конфронтации, не вооружен и отвечает угрозами или оскорблениями, жертва должна немедленно оказать физическое сопро-

тивление — ударить его кулаком и ногой. Такая тактика обычно бывает успешной с замещающими насильниками, а иногда с насильниками-эксплуататорами.

Если напавший реагирует на физическое сопротивление повышением степени своей ярости и/или жестокости, жертве следует прекратить сопротивляться. Если он реагирует немедленным прекращением насильственных действий и готов вступить в разговор с жертвой, то это, по всей вероятности, насильник-эксплуататор; в таком случае следует использовать вербальные стратегии.

Если напавший продолжает наращивать агрессию/жестокость, жертве следует попытаться применить вербальные методы разубеждения. Напомним, цель состоит в приостановке конфронтации, снятии напряженности ситуации и понижении степени агрессии преступника. Если разговоры оказались безуспешными и насилие продолжается, то жертве и в этом случае нужно делать все, чтобы выйти из ситуации. Если вербальное разубеждение помогло и степень агрессии заметно снизилась, следует продолжать в том же ключе и отвечать на сказанное насильником соответственно его ожиданиям.

Для *замещающего насильника* жертва служит суррогатом и символом объекта (-ов) ненависти из его биографии. Его основной мотив состоит в причинении жертве страданий и увечий. Степень его агрессивности может варьироваться от словесных оскорблений до зверского избиения. Активное физическое сопротивление, если только жертва не уверена полностью в своих силах, с точки зрения преступника, может послужить оправданием его намерения «наказать» жертву и, следовательно, лишь усилит его агрессию.

В целом не рекомендуются также и пассивные способы реагирования. Вымещающий злобу насильник не будет

сочувственно реагировать на очевидные страдания или дискомфорт своей жертвы. Такие реакции, как тошнота, удушье или рыдания, послужат ему свидетельствами достижения желаемой цели. Еще более неподходящей реакцией в случае такого насильника является непротивление. Поскольку половой акт не является для него основным мотивом, непротивление не удержит его от совершения изнасилования. В данном случае можно рекомендовать вербальное реагирование с тщательно подобранными словами. Жертва должна убедить преступника, что она не та, кого он ненавидит («Похоже, ты очень зол на кого-то, но я здесь точно ни при чем. Мы же прежде никогда не встречались»). Жертва должна избегать высказываний, которые могут оправдывать нападение в сознании насильника. Здесь ей придется положиться на свою фантазию. Вряд ли можно признать удачными высказывания в духе: «А откуда ты знаешь, что я сука? Ты меня же первый раз в жизни видишь. Мы ведь незнакомы, а я-то, может, очень даже милая особа».

Оптимальной стратегией при нападении насильника любого типа является бегство, но не всегда у жертвы есть возможность для этого. Тогда она может вступить с ним в вербальную или физическую конфронтацию, попытаться завязать разговор, изобразить припадок или просто сдаться.

Для *насильника-садиста* жертва является своего рода партнером, вместе с которым они разыгрывают его сексуально-агрессивные или садистские фантазии. Нет необходимости напоминать, что такой насильник является крайне опасной личностью. Поскольку такие нападения отличаются исключительной жестокостью и могут закончиться для жертвы серьезными увечьями, лучшей стратегией будет бегство.

На случай отсутствия такой возможности ниже мы приводим несколько рекомендаций. Если жертва не оказывает никакого сопротивления, садист может воспринимать ее как активного соучастника. Это повлечет за собой рост его возбуждения и, следовательно, ярости. Если жертва оказывает физическое сопротивление, борется или пытается защититься как-то еще, насильник также может посчитать ее активным соучастником, что также повысит его возбуждение и ярость. Пассивность и податливость также способны дополнительно разъярить преступника. В порыве слившихся воедино сексуально-агрессивных чувств садисты обычно глухи к попыткам договориться, пробудить сочувствие или разубедить. И наконец, пассивное физическое сопротивление также неэффективно, поскольку существует высокая вероятность того, что подобное поведение вновь будет истолковано как соучастие в акте насилия.

Вследствие отсутствия надежных и эффективных способов реагирования жертва должна делать *все,* что представляется ей необходимым для выхода из ситуации. Например, можно симулировать участие, а в критический момент максимально использовать фактор внезапности и предельно жестко атаковать уязвимые места преступника. Для этого жертве нужно превратить свой ужас в ярость, а ощущение беспомощности — в битву за собственную жизнь.

ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Мы понимаем, что большинство наших рекомендаций, вероятно, забудется в панике, охватывающей жертву при встрече с потенциальным насильником. Ей может недоставать присутствия духа — а иногда банально времени — для

оценки различных вариантов реагирования в зависимости от типа насильника. В то же время, будучи уверенными в том, что знание добавляет уверенности в непредсказуемых и критических ситуациях, мы попытались свести бо́льшую часть изложенного выше к систематизированному процессу принятия решений (см. схему 13.1).

Первой реакцией всегда должна быть попытка к бегству. Если бегство невозможно, *второй* реакцией является вербальная конфронтация. Если напавший не скрылся, при отсутствии у него оружия и неприменении им физического насилия жертва должна немедленно инициировать *третий* способ реагирования — активную физическую конфронтацию. Если напавший убежал, то это, вероятнее всего, компенсаторный насильник. Если он не убегает и отвечает физической агрессией, жертва должна начать разговор, сосредоточившись на происходящем в настоящий момент. Жертва должна попытаться понизить степень агрессии насильника, свести на нет его ярость и дать понять, что она не имеет к нему отношения и что существуют другие способы найти полового партнера или выплеснуть злобу. Цель состоит в том, чтобы прервать фантазию и, таким образом, затруднить насильнику его символическое представление о жертве.

При позитивной реакции (преступник прекращает агрессивные действия и вступает в диалог) следует продолжать действовать в том же направлении. Если он не обращает внимания и упорствует в попытках принудить жертву к сексу, а уровень насилия не выходит за рамки необходимого, напавший, по всей вероятности, является эксплуататором. Жертве следует упорно продолжать попытки разрушить фантазию преступника путем перевода разговора в русло вопросов о нем самом.

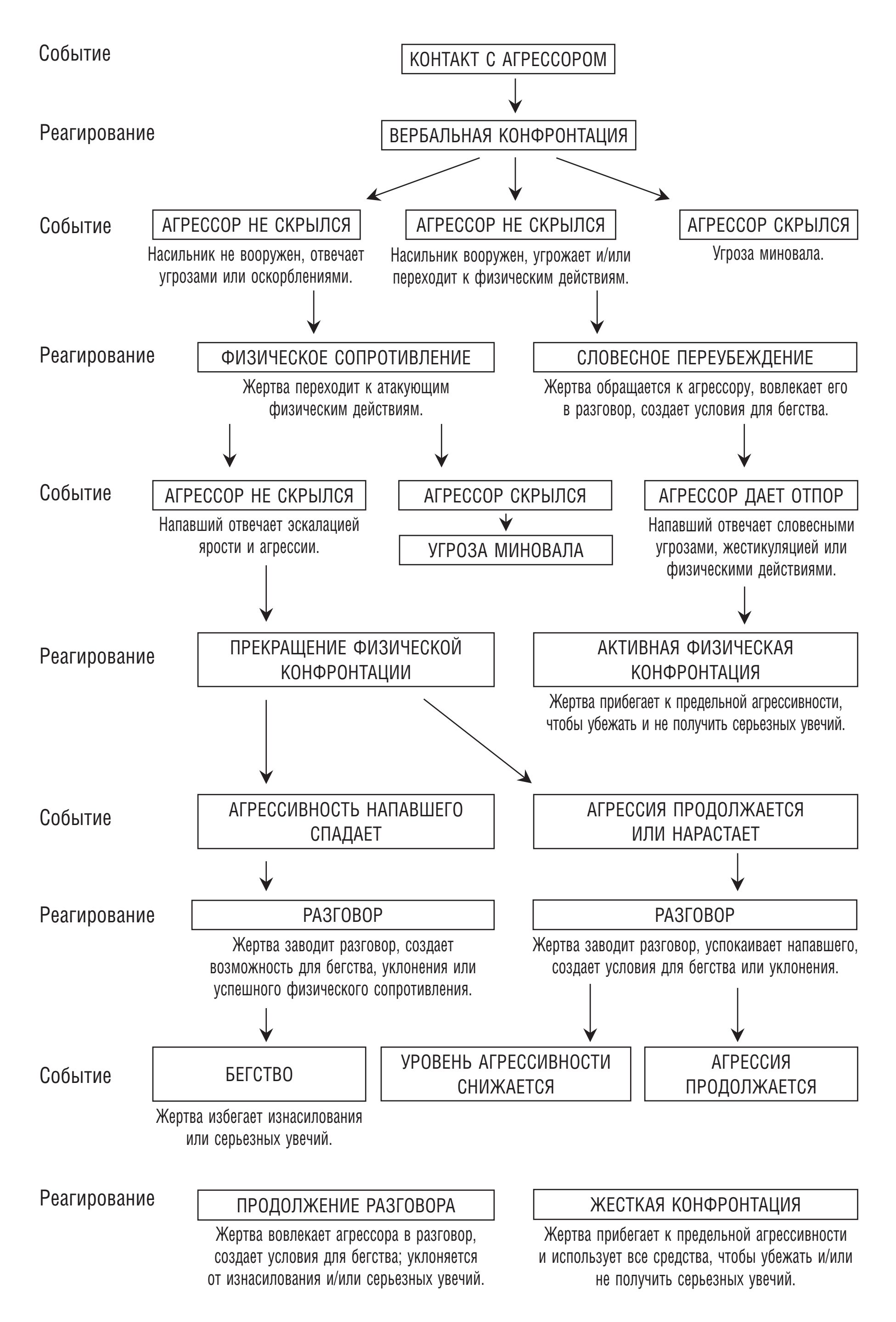

Схема 13.1. *Стратегии реагирования жертвы*

При явной эскалации агрессии жертва должна попытаться провести различие между вымещающим и садистским мотивами насильника. Если его основная цель состоит в том, чтобы оскорбить или унизить жертву словом и делом, преступник, скорее всего, является замещающим насильником. Если ничего такого не происходит, а насильник выдвигает эротизированные и одновременно неестественные требования, то он, вероятно, является садистом. В случае замещающего насильника жертве следует сфокусировать разговор на настоящем моменте и подчеркнуть мысль о том, что она не сделала ему ничего плохого. Поскольку такие мужчины уже давно воспринимают женщин как источник оскорблений в свой адрес, жертва должна постараться продемонстрировать определенную степень интереса, участия и заботы. Если жертва определила напавшего как садиста, ей следует прибегнуть к крайне агрессивной конфронтации и сделать все возможное, чтобы сбежать. Какого-то одного способа реагирования, способного с большой вероятностью остановить нападение садиста, не существует, и с учетом потенциального летального исхода жертва должна сделать *все, что в ее силах*, чтобы выжить и вызвать помощь.

Мы привели лишь краткое описание того, как действовать в экстремальной ситуации, и может показаться надменным или даже бездушным советовать жертве нападения выполнить мгновенную оценку психического состояния напавшего. Однако далеко не все изнасилования происходят молниеносно; также замечено, что жертвы часто меняют свою стратегию во время нападения до тех пор, пока какая-то одна не сработает (Bart and O'Brien, 1984). Рекомендованные нами стратегии могут быть кратко представлены следующим образом:

ЖЕРТВЫ

Шаг 1. *Жесткая вербальная конфронтация*. Твердо предложите напавшему убираться и оставить вас в покое.

Если шаг 1 безуспешен:

Шаг 2. *Физическая конфронтация*. Немедленно переходите в атаку и с умеренной агрессивностью воздействуйте на напавшего физически (ударами рук, ног и т.п.).

Если шаг 2 безуспешен:

Шаг 3. *Невраждебные вербальные реакции*. Попытайтесь успокоить напавшего и свести его ярость на нет. Вовлеките его в разговор и предстаньте перед ним реальным человеком. Заставьте его усомниться в том, что вы именно тот человек, которому он хочет причинить вред. Попытайтесь создать условия для бегства (попробуйте уговорить его отвести вас в более людное место, предложите выпить и т.п.).

Если шаг 3 не привел к нейтрализации агрессии:

Шаг 4. *Жесткая конфронтация*. Примените крайние средства и делайте все возможное (лягайтесь, бейте, кусайтесь, ударьте камнем и т.п.), чтобы обезвредить напавшего и избежать изнасилования или причинения смертельных увечий.

Итак, знание может быть единственным оружием жертвы в крайне опасной для нее ситуации. Уже само по себе оно способно придать ощущение силы и уверенности в себе, необходимое чтобы действовать, а не сдаваться.

14
Убийцы: эпилог

В предыдущей главе мы описали выводы нашего исследования относительно стратегий сопротивления в ситуации сексуального насилия. В данной главе мы обратимся к самим убийцам, чтобы получить представление о мерах предотвращения подобных ситуаций.

УБИЙЦЫ: ОК. 1987

Нашим первым шагом стало выяснение статуса 36 объектов нашего исследования по сравнению с тем, который они имели в период интервьюирования. Краткое ознакомление с нынешним состоянием их дел показало следующее:

> Четверо убийц умерли в заключении: двоих казнили, один покончил жизнь самоубийством, один умер естественной смертью. Один преступник находится в психиатрической клинике и оспаривает решение суда о его невменяемости в надежде отбыть остаток срока за разбой (совершен им одновременно с убийством, по которому он был признан невменяемым) в тюрьме. Остальные убийцы остаются в заключении.

Большинство убийц прибегали к апелляционным процедурам. Один из них подает апелляционные жалобы по любому поводу еще с 1952 года. В двух случаях преступники исчерпали свои возможности для апелляции. Один убийца

сумел добиться смягчения приговора, однако под сильным давлением общественности и юристов потерпевшей стороны губернатор штата отменил это решение.

У всех убийц есть установленные сроки подачи ходатайства об условно-досрочном освобождении, и по состоянию на сегодняшний день ни одно из таких ходатайств не было удовлетворено. Тем не менее считается, что у нескольких кандидатов на УДО есть неплохие шансы на выход из тюрьмы в следующем десятилетии.

Далее мы обращаемся к выводам исследования относительно классификации преступлений, сексуальных травм детства, девиантных фантазий и следующих этапов научной работы.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Наш опыт и работы других исследователей (Prentky et al., 1985) показывают, что разработка типологии убийц принципиально важна по целому ряду причин. Во-первых, ее понимание в любых аспектах может способствовать работе органов правопорядка как в части убеждения отдельных преступников в целесообразности явки с повинной, так и в задаче сужения круга подозреваемых при проведении следственных действий. Во-вторых, система классификации создает дополнительные возможности для целенаправленных усилий в области профилактики преступлений с учетом необходимости мониторинга, оценки и изменения ярко выраженных личностных особенностей. Наличие системы показателей таких особенностей и методов оценки их позитивных изменений критически важно для предупреждения рецидивов насильственных преступлений, которые стали трагической реальностью

наших дней. В-третьих, система классификации создает условия для продуктивного диалога специалистов из различных областей криминалистики и способствует успешной работе Национального центра анализа насильственных преступлений по совершенствованию методологии психологического портретирования преступников. Далее, поведенческие исследования имеют большое значение для приобретения сотрудниками правоохранительных органов дополнительных навыков понимания с виду маловажных деталей картины преступления. Понимание мотивов и поведения преступников позволяет лучше использовать связь между их мыслями и действиями.

Классификация преступлений на основе анализа картины преступления предоставляет возможность расширить и углубить социально-психологический подход к изучению убийц, который подчас критикуют за его недостаточную теоретическую обоснованность, сложность интерпретации и недостаточное внимание к культурным факторам (Wolfgang and Ferracuti, 1967). Это может быть сделано путем включения в концепцию таких параметров, как наличие или отсутствие оружия или причинение увечий жертве. Приведенная в данной книге типология основана на убедительных и проверяемых фактах, а не только на противоречивых выводах из теории мотивации. Таким образом, данная типология обладает потенциалом для классификации преступлений, что позволяет совершенствовать следственные действия и лучше понимать поведение убийц. Положим, шаткую гипотезу о том, что серийный маньяк убил молодую женщину, чтобы разрушить свое самоотождествление с сестрой, невозможно подкрепить результатами анализа картины преступления или другой информацией, доступной до поимки

и обследования преступника. Но в данном случае можно с уверенностью говорить о существующей закономерности: жертвами становятся молодые женщины примерно одного возраста при схожих обстоятельствах и способах убийства. Анализ фактологической информации по этим преступлениям может ускорить понимание психосоциального характера убийцы и помочь в его поимке.

СЕКСУАЛЬНЫЕ ТРАВМЫ ДЕТСТВА

Одной из важных областей профилактики преступности является раннее выявление психологических травм, полученных в период формирования личности, и соответствующее корректирующее воздействие. Примеры убийц, переживших сексуальное насилие в детском возрасте с последующими симптомами и развитием преступного поведения, свидетельствуют о том, что ряд факторов, среди которых мечтательность, обособленность и жестокость по отношению к другим детям и животным, играет важную роль в формировании подвидов сексуальных маньяков. Есть все основания полагать, что мотивация к убийству представляет собой сложный и длительный процесс, в основе которого лежит потребность к сексуальному доминированию за счет причинения ущерба жертве. Как следует из нашего исследования, факт перенесенного сексуального насилия во многом определяет набор характеристик убийцы. Хотя не вполне ясно, насколько различия в этих характеристиках определяют мотивацию убийства на сексуальной почве, по крайней мере у подвида убийц, изувечивающих жертв, четко прослеживается зарождение определенных поведенческих особенностей в раннем возрасте.

Связь между специфическим воздействием сексуальных надругательств на жизнь этих преступников и будущим изувечением жертв нуждается в дальнейшем изучении. Возможность существования связи между сексуальным насилием и изувечением собственного тела в подростковом возрасте предполагает, что впоследствии такие акты самоповреждения сознательно переносятся на других людей.

ДЕВИАНТНЫЕ ФАНТАЗИИ

Внутренние когнитивные процессы мужчин, совершающих неоднократные убийства на сексуальной почве, по всей видимости, поддерживают постоянное фантазирование о насильственных действиях сексуального характера. Эти фантазии являются для них основным источником эмоций. По этой причине врачам-клиницистам настоятельно рекомендуется обращать особое внимание на пациентов, сообщающих о садистских и криминальных фантазиях, и вести систематическую запись содержания, продолжительности, развития и последствий таких фантазий. Очевидное отсутствие мотивов преступления (жертва и убийца незнакомы, смерть жертвы не приносит убийце материальной выгоды) позволяет предположить, что оно имело символическое значение для совершившего его лица и служит отражением его садистских фантазий.

Данное исследование ставит вопрос о психотерапевтическом воздействии на фантазии, характерные для преступников. Мы хотим подчеркнуть, что погруженность в фантазии увеличивает, а не уменьшает их силу и потребность воплощать их в реальности. Если не изменить структуру фантазирования, подталкивающую к актам насилия, они будут повторяться вновь и вновь.

Понимание подкрепляющей преступное поведение роли различных действий, будь то фантазирование, игра или хулиганские выходки, может заставить нас по-новому взглянуть не только на мотивацию, но и на коррекцию поведения. Для разработки методов изменения структуры таких фантазий требуется проведение экспериментов. Например, можно заставить преступника занять место жертвы в его фантазиях, чтобы стимулировать сострадание, а не агрессию по отношению к ней.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование порождает больше вопросов, чем дает ответов. В наши дни изучение раскрытых случаев сексуального насилия над детьми направлено в первую очередь на оказание первичной помощи жертвам и профилактику подобных преступлений. В то же время наше понимание нераскрытых случаев сексуального насилия над детьми ограничивается гендерными различиями и поведенческими последствиями. С учетом наших выводов о гендерных различиях становится очевидной необходимость не только улучшения навыков скорейшего выявления сексуального насилия над детьми, но и более глубокого понимания его поведенческих последствий, особенно у взрослых жертв, не ставших на преступный путь.

Для изучения биохимической гормональной активности в связи с девиантным фантазированием у детей и взрослых нужны фундаментальные исследования биологических и социально-психологических факторов. Мы знаем, что пессимистические настроения связаны с пониженным уровнем адреналина в состоянии эндогенной

депрессии; можно предположить, что однажды научные исследования выявят биологическую подоплеку агрессивных сексуальных фантазий.

Фундаментальные исследования сенсорного возбуждения во время фантазирования могут ответить на вопросы о том, составляют ли основу влечения человека к агрессивным фантазиям и действиям гормональные выбросы и действительно ли различаются между собой структуры фантазий разных групп девиантных преступников.

Огромное значение для понимания мотивационных факторов преступников имеют лонгитюдные исследования детских реакций на акты сексуального, физического и психологического насилия и восстановления после них, а также социальных условий, в которых находятся эти дети. В этой связи крайне важным для определения факторов, помогающих жертвам пережить нападение и восстановиться после него, было бы наличие контрольной группы взрослых мужчин, переживших сексуальное посягательство, но *не* ставших преступниками.

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ США
ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ

ПРОГРАММА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ФОРМА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО РАПОРТА В БАЗУ ДАННЫХ ППНП

ППНП НЦАНП АКАДЕМИЯ ФБР КУАНТИКО, ШТАТ ВИРДЖИНИЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР АНАЛИЗА НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ПЕРЕД ЗАПОЛНЕНИЕМ ОЗНАКОМИТЬСЯ С ИНСТРУКЦИЕЙ

I. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

ВЕДЕНИЕ ДЕЛА

ЗАПОЛНЯЕТСЯ СОТРУДНИКОМ ППНП

1. Номер дела ППНП ____________ 3. Номер дела ФБР ____________
2. Оперативный сотрудник ФБР ____________ 4. Должностное лицо ППНП ____________
5. Отделение, предоставляющее рапорт ____________
6. Адрес ____________ 7. Город ____________
8. Страна ____________ 9. Штат ____________ 10. Почтовый индекс ____________
11. Идентификационный номер отделения, предоставляющего рапорт ____________
12. Номер дела в отделе, предоставляющем рапорт ____________
13. Номер дела в базе ФБР, если жертва 1) пропала без вести или 2) неопознанный труп ____________
14. Следователь ____________
15. Телефон следователя ____________ ____________ ____________
16. Вид рапорта в ППНП:
    1 ☐ Первичный
    2 ☐ Дополнения к ранее предоставленной информации
    3 ☐ Исправления в ранее предоставленной информации
17. Состояние дела в отделении, ведущем следствие:
    1 ☐ Открыто (активные следственные действия)
    2 ☐ Приостановлено (пассивные следственные действия)
    3 ☐ Открыто, выдан ордер на арест
    4 ☐ Окончено арестом
    5 ☐ Прекращено по особым основаниям (согласно определению ОСО)

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

18. Настоящий рапорт относится к следующему типу преступления (выбрать только одно):
    1 ☐ Убийство или покушение на убийство — жертва идентифицирована (перейти к п.19)
    2 ☐ Неопознанный труп, причиной смерти которого точно или предположительно является убийство (перейти к п. 19)
    3 ☐ Похищенное или пропавшее без вести лицо с очевидными признаками наличия злого умысла (на данный момент не найденное) (перейти к п. 20)
19. Исходя из вашего опыта и результатов следственных действий полагаете ли вы, что данный преступник убивал и ранее?
    1 ☐ Да (поясните в сопроводительной записке)
    2 ☐ Нет
    99 ☐ Не могу ответить определенно
20. Есть ли признаки отношения данного случая к организованной торговле наркотиками?
    1 ☐ Да 2 ☐ Нет 99 ☐ Не могу ответить определенно

ПАРАМЕТРЫ ДАТЫ И ВРЕМЕНИ

21. Сегодняшняя дата ____ *число* ____ *месяц* ____ *год*

	Дата	Время суток (в 24-часовом формате)	Точно	Приблизительно
22. Жертва последний раз замечена	____ *число* ____ *месяц* ____ *год*	____	☐	☐
23. Причинение смерти или разбойное нападение	____ *число* ____ *месяц* ____ *год*	____	☐	☐
24. Установление жертвы или обнаружение трупа	____ *число* ____ *месяц* ____ *год*	____	☐	☐

ПРОГРАММА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

II. ИНФОРМАЦИЯ О ЖЕРТВЕ

СТАТУС ЖЕРТВЫ

25. Жертва ______________ из __________ жертв данного инцидента
(порядковый номер) *(общее число)*

26. Статус жертвы:
1 ☐ Скончалась (в результате данного инцидента)
2 ☐ Выжила
3 ☐ Пропала без вести

ДАННЫЕ ЖЕРТВЫ

27. Имя (полное) ____

28. Другие имена, фамилии, прозвища (в т.ч. девичья фамилия и прежние фамилии по мужу)
____
____

29. Город проживания ________ 30. Штат ______________ 31. Почтовый индекс ________

32. Номер социального страхования ____________ 33. Номер ФБР ______________________

ВНЕШНИЕ ДАННЫЕ

34 Пол:
1 ☐ Мужской 2 ☐ Женский 99 ☐ Неизвестно

35 Раса:
1 ☐ Черная 3 ☐ Латиноамериканская 5. ☐ Прочие
2 ☐ Белая 4 ☐ Восточная/Азиатская 99 ☐ Неизвестно

36. Дата рождения _____________
(число, месяц, год)
99 ☐ Неизвестно

37. Возраст (точный или приблизительный) на момент инцидента: ____ *(лет)*
99 ☐ Неизвестно

38. Рост (точный или приблизительный): ______ ______ *(футов)* *(дюймов)*
99 ☐ Неизвестно

39 Приблизительный вес: _______ *(фунтов)*
99 ☐ Неизвестно

40. Телосложение (выбрать только одно):
1 ☐ Щуплое (худое) 3 ☐ Крупное (плотное)
2 ☐ Среднее (обычное) 99 ☐ Неизвестно

41. Длина волос (выбрать только одно):
1 ☐ Лысина или выбритые наголо 4 ☐ До уровня плеч
2 ☐ Выше уровня воротника 5 ☐ Ниже уровня плеч
3 ☐ На уровне воротника 99 ☐ Неизвестно

42. Тон волос (выбрать только одно):
1 ☐ Светлые 3 ☐ Ни (1) ни (2)
2 ☐ Темные 99 ☐ Неизвестно

43. Преобладающий цвет волос (выбрать только одно):
1 ☐ С проседью и/или седые 4 ☐ Черные
2 ☐ Белокурые 5 ☐ Иное
3 ☐ Рыжие 99 ☐ Неизвестно

Если жертва — лицо, пропавшее без вести, или неопознанный труп, ответить на пп. 44–48. В иных случаях перейти к п. 49.

44. Особенности зубов:
1 ☐ Нет
2 ☐ Брекеты
3 ☐ Сломанные или крошащиеся
4 ☐ Кривые
5 ☐ Кариозные
6 ☐ Редкие
7 ☐ Частично или полностью отсутствующие
8 ☐ Окрашенные
9 ☐ Иное (описать)
99 ☐ Неизвестно

45. Наличие на жертве или у жертвы очков или контактных линз:
1 ☐ Нет
2 ☐ Корректирующие
3 ☐ Контактные
4 ☐ Бифокальные
5 ☐ Пластиковая оправа
6 ☐ Металлическая оправа
7 ☐ Без оправы
8 ☐ Иное (описать) ________
99 ☐ Неизвестно

ШРАМЫ И/ИЛИ РОДИМЫЕ ПЯТНА

46. Местоположение заметных шрамов или родимых пятен (не татуировок):
1 ☐ Нет
2 ☐ Лицо, голова или шея
3 ☐ Руки или ладони
4 ☐ Торс
5 ☐ Ягодицы
6 ☐ Ноги или стопы
7 ☐ Иное (описать) ________
____
99 ☐ Неизвестно

ТАТУИРОВКИ

47. Местоположение татуировок:
1 ☐ Нет
2 ☐ Лицо, голова или шея
3 ☐ Руки или ладони
4 ☐ Торс
5 ☐ Ягодицы
6 ☐ Ноги или стопы
7 ☐ Иное (описать) ________
____
99 ☐ Неизвестно

48. Татуированные изображения:
1 ☐ Буквы или слова
2 ☐ Цифры
3 ☐ Картинки или узоры
4 ☐ Иное (описать) ________
____
99 ☐ Неизвестно

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ

49. Есть ли у жертвы особые приметы (косоглазие, заметная хромота, физические дефекты и т.п.)? (Не повторяйте информацию из пп. 44–48 выше.)
1 ☐ Да (описать)
2 ☐ Нет
99 ☐ Неизвестно

ОДЕЖДА ЖЕРТВЫ

50. Обычная манера одеваться (здесь имеется в виду в виду предпочитаемый стиль, а не детальное описание одежды жертвы):
1 ☐ Деловой костюм
2 ☐ Неформально
3 ☐ Ярко и броско
4 ☐ Спортивный стиль
5 ☐ Ковбойский стиль
6 ☐ Рабочая одежда или форма
7 ☐ Иное (описать) ________
____
99 ☐ Неизвестно

51. Преобладающий цвет в одежде (выбрать только одно):
1 ☐ Белый
2 ☐ Желтый
3 ☐ Зеленый
4 ☐ Голубой
5 ☐ Пурпурный/фиолетовый
6 ☐ Коричневый/бежевый
7 ☐ Серый/черный

52. Если жертва — лицо, пропавшее без вести, или неопознанный труп, подробно опишите ее одежду.

ПРОЧЕЕ

53. Местожительство жертвы:
1 ☐ Жилище на одну семью
2 ☐ Жилище на несколько семей
3 ☐ Временное жилище
4 ☐ Транспортное средство
5 ☐ Улица
99 ☐ Неизвестно

54. Род деятельности в настоящее время: 1) ________________
2) ________________

III. ИНФОРМАЦИЯ О ПРЕСТУПНИКЕ

ПРЕСТУПНИК. Для целей данного рапорта под преступниками понимаются следующие: арестованные лица, задержанные лица, а также лица, которых следствие обоснованно полагает виновными в совершении преступлений.

СТАТУС ПРЕСТУПНИКА

55. Преступник ______________ из __________ преступников в данном инциденте.
(порядковый номер) *(общее число)*

56. Преступник (выбрать только одно):
1 ☐ Неизвестное лицо — незамеченное (перейти к п. 85)
2 ☐ Неизвестное лицо — замеченное
3 ☐ Идентифицированное (по имени) — не под стражей
4 ☐ Находится под стражей
5 ☐ Скончался
6 ☐ Данные преступника

57. Имя (полное) ______________________________

58. Другие имена, фамилии, прозвища (в т.ч. девичья фамилия и прежние фамилии по мужу)
____
____

59. Город проживания ________ 60. Штат ______________ 61. Почтовый индекс ________

62. Номер социального страхования ____________ 63. Номер ФБР ______________

ВНЕШНИЕ ДАННЫЕ

64. Пол:
1 ☐ Мужской 2 ☐ Женский 99 ☐ Неизвестно

65. Раса:
1 ☐ Черная 3 ☐ Латиноамериканская 5.☐ Прочие
2 ☐ Белая 4 ☐ Восточная/Азиатская 99 ☐ Неизвестно

66 Дата рождения ____________
(число, месяц, год)
99 ☐ Неизвестно

67. Возраст (точный или приблизительный) на момент инцидента: ____ *(лет)*
99 ☐ Неизвестно

68. Рост (точный или приблизительный): ______ ______ *(футов)* *(дюймов)*
99 ☐ Неизвестно

69. Телосложение (выбрать только одно):
1 ☐ Щуплое (худое) 3 ☐ Крупное (плотное)
2 ☐ Среднее (обычное) 99 ☐ Неизвестно

70. Длина волос (выбрать только одно):
1 ☐ Лысина или выбритые наголо 4 ☐ До уровня плеч
2 ☐ Выше уровня воротника 5 ☐ Ниже уровня плеч
3 ☐ На уровне воротника 99 ☐ Неизвестно

71. Тон волос (выбрать только одно):
1 ☐ Светлые 3 ☐ Ни (1) ни (2)
2 ☐ Темные 99 ☐ Неизвестно

72. Преобладающий цвет волос (выбрать только одно):
1 ☐ С проседью и/или седые 4 ☐ Черные
2 ☐ Белокурые 5 ☐ Иное
3 ☐ Рыжие 99 ☐ Неизвестно

73. Носит очки:
1 ☐ Да 2 ☐ Нет 99 ☐ Неизвестно

74. Растительность на лице:
1 ☐ Нет 3 ☐ Борода 99 ☐ Неизвестно
2 ☐ Усы 4 ☐ Иное

ШРАМЫ И/ИЛИ РОДИМЫЕ ПЯТНА

75. В целом ухоженный вид:
1 ☐ Да 2 ☐ Нет 99 ☐ Неизвестно

76. Преступник был в маске:
1 ☐ Да 2 ☐ Нет 99 ☐ Неизвестно

ШРАМЫ И/ИЛИ РОДИМЫЕ ПЯТНА

77. Заметные шрамы и/или родимые пятна:
1 ☐ Да 2 ☐ Нет 99 ☐ Неизвестно

ТАТУИРОВКИ

78. Заметные татуировки:
1 ☐ Да 2 ☐ Нет 99 ☐ Неизвестно

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ

79. Иные особенности внешности преступника, не указанные выше (косоглазие, заметная хромота, физические дефекты внешности и т.п.):
1 ☐ Да (описать) ______
2 ☐ Нет ______
99 ☐ Неизвестно ______

IV. ВЫЯВЛЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ПРЕСТУПНИКЕ

Если преступник находится под стражей или идентифицирован по данному делу, заполните пп. 80–84. В других случаях, перейти к п. 85

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

80. Города и штаты проживания за последние 5 лет (кроме города проживания в настоящее время).
1) ______ 3) ______
2) ______ 4) ______

81. Перечень городов, посещенных преступником за последние 5 лет (на отдельном листе, если необходимо).
1) ______ 3) ______
2) ______ 4) ______

82. Проживание или поездки за границу
1) ______ 3) ______
2) ______ 4) ______

ЧУЖОЕ ИМУЩЕСТВО

83. У преступника обнаружены не принадлежащие ему предметы (выбрать все подходящее):
1 ☐ Части тела 4 ☐ Кредитные карты, чеки или иные персональные документы 5 ☐ Фотографии
2 ☐ Одежда 88 ☐ Иное (уточнить)
3 ☐ Ювелирные изделия

ПРИЗНАНИЯ ПРЕСТУПНИКА

84. Преступник сознался в совершении аналогичных насильственных преступлений:
1 ☐ Да (приложить подробности) 2 ☐ Нет

V. ОПИСАНИЕ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА

ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО, УЧАСТВОВАВШЕЕ В ДАННОМ ИНЦИДЕНТЕ

85. Известно ли об использовании в данном инциденте транспортного средства?

1 ☐ Да — 2 ☐ Нет или неизвестно (перейти к п. 96)

ПРИМЕЧАНИЕ: Заполните информацию о транспортном средстве, если (1) в данном инциденте преступник использовал транспортное средство, или (2) это случай пропажи без вести и транспортное средство жертвы не найдено, или (3) это случай неопознанного трупа и данное транспортное средство имело отношение к жертве, или (4) это транспортное средство имеет какое-то иное существенное значение для данного инцидента.

86. Транспортное средство принадлежало жертве или управлялось ею по доверенности?

1 ☐ Да — 2 ☐ Нет

87. Транспортное средство можно описать как находящееся:

1 ☐ В отличном состоянии («как новое»)
2 ☐ В запущенном состоянии («обшарпанное»)
3 ☐ Ни (1), ни (2)
99 ☐ Неизвестно

88. Транспортное средство можно описать как:

1 ☐ Новейшей/относительно новой модели
2 ☐ Старой модели
3 ☐ Ни (1), ни (2)
99 ☐ Неизвестно

89. Номерной знак

90. Штат регистрации

91. Год выпуска

92. Марка

93. Модель

94. Тип кузова

1 ☐ Пассажирский автомобиль
2 ☐ Фургон
3 ☐ Малотоннажный грузовик
4 ☐ Джип (Bronco, Blazer и т.п.)
5 ☐ Трактор/седельный тягач
6 ☐ Мотоцикл
88 ☐ Иное (уточнить) ________ ________________
99 ☐ Неизвестно

95. Цвет ____________ ____________
(верхняя часть) (нижняя часть)

VI. СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

СБЛИЖЕНИЕ ПРЕСТУПНИКА С ЖЕРТВОЙ В ХОДЕ ИНЦИДЕНТА

96. Жертва или свидетель показали, что преступник вошел в контакт с жертвой:

1 ☐ Жертва мертва, очевидцы контакта преступника с жертвой отсутствуют (перейти к п. 100)
2 ☐ Обманным путем или хитростью: не скрываясь, прибегнув к введению в заблуждение или уловке (напр., попросил помочь, показать дорогу и т.п.) (перейти к п. 97, затем к п. 100)
3 ☐ Внезапно: подстерег или вышел из укрытия (перейти к п. 98, затем к п. 100)
4 ☐ Молниеносно: сразу же осуществив физическое нападение (перейти к п. 99)

97. Если преступник инициировал контакт с жертвой обманным путем, укажите вид обмана:

1 ☐ Выдал себя за представителя власти
2 ☐ Выдал себя за бизнесмена
3 ☐ Предложил жертве позировать для фото или на фотосессии
4 ☐ Предложил работу, деньги, угощение или игрушку
5 ☐ Пожаловался на домашние проблемы или болезнь
6 ☐ Предложил на что-то посмотреть
7 ☐ Попросил о помощи или предложил ее
8 ☐ Устроил или подстроил дорожно-транспортное происшествие
9 ☐ Выдал себя за сотрудника дорожной полиции
10 ☐ Пытался склонить к сексу
11 ☐ Предложил подвезти или помочь с перевозкой
12 ☐ Иной вид обмана

98. Если преступник вошел в контакт с жертвой внезапно, укажите использованный фактор внезапности:

1 ☐ Подстерег — у дверей
2 ☐ Подстерег — у здания
3 ☐ Подстерег — в автомобиле
4 ☐ Жертва спала
5 ☐ Другой фактор внезапности

99. Если преступник вошел в контакт с жертвой, сразу же осуществив физическое нападение, укажите вид такого нападения:
   - 1 ☐ Сразу же физически подавил жертву (подхватил, утащил и т.п.)
   - 2 ☐ Ударил жертву рукой, кулаком или орудием избиения
   - 3 ☐ Оглушил жертву
   - 4 ☐ Ударил жертву ножом
   - 5 ☐ Выстрелил в жертву
   - 6 ☐ Другой вид нападения

ТОЧНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

100. Последнее известное местонахождение идентифицированной жертвы или место обнаружения неопознанного трупа:
   - a. ☐ Город (если в черте населенного пункта городского типа) ________
   - b. ☐ Округ (если за чертой населенного пункта городского типа) ________
   - c. ☐ Штат ________
   - d. ☐ Почтовый индекс ________

МЕСТО СОБЫТИЙ

МЕСТО ОБНАРУЖЕНИЯ ТРУПА

101. Тип местности, в которой был обнаружен труп (выбрать только одно):
   - 1 ☐ Сельская
   - 2 ☐ Пригородная
   - 3 ☐ Городская
   - 99 ☐ Неизвестно

102. Район обнаружения трупа преимущественно (выбрать только одно):
   - 1 ☐ Деловой, промышленный или торговый
   - 2 ☐ Аграрный
   - 3 ☐ Жилой
   - 4 ☐ Незаселенный или пустынный
   - 99 ☐ Неизвестно

103. Место обнаружения трупа (выбрать все соответствующие варианты):
   - 1 ☐ Жилое помещение любого типа
   - 2 ☐ Школа, детская площадка или поблизости от них
   - 3 ☐ Место оживленной торговли
   - 4 ☐ Улица населенного пункта
   - 5 ☐ Заведение
   - 6 ☐ Лесополоса
   - 7 ☐ Поле
   - 8 ☐ Личное транспортное средство
   - 9 ☐ Общественный транспорт
   - 88 ☐ Другое (уточнить) ________
   - 99 ☐ Неизвестно ________

104. Труп обнаружен по месту жительства жертвы:
   - 1 ☐ Да
   - 2 ☐ Нет
   - 99 ☐ Неизвестно

105. Труп обнаружен по месту работы жертвы:
   - 1 ☐ Да
   - 2 ☐ Нет
   - 99 ☐ Неизвестно

106. Наличие возможных свидетелей, видевших преступника с трупом:
   - 1 ☐ В непосредственной близости находились другие люди
   - 2 ☐ Место было практически безлюдным
   - 99 ☐ Неизвестно

МЕСТО УБИЙСТВА ИЛИ НАНЕСЕНИЯ ТЯЖКИХ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ

107. Совпадает ли место обнаружения трупа с местом убийства или нанесения тяжких телесных повреждений?
   - 1 ☐ Да (перейти к п. 113)
   - 2 ☐ Нет или неизвестно

108. Вид местности, где произошло убийство или нанесение тяжких телесных повреждений (выбрать только одно):
   - 1 ☐ Сельская
   - 2 ☐ Пригородная
   - 3 ☐ Городская
   - 99 ☐ Неизвестно

109. Район преимущественно (выбрать только одно):
   - 1 ☐ Деловой, промышленный или торговый
   - 2 ☐ Аграрный
   - 3 ☐ Жилой
   - 4 ☐ Незаселенный или пустынный
   - 99 ☐ Неизвестно

110. Место убийства (выбрать все соответствующие варианты):
1 ☐ Жилое помещение любого типа
2 ☐ Школа, детская площадка или поблизости от них
3 ☐ Место оживленной торговли
4 ☐ Улица населенного пункта
5 ☐ Заведение
6 ☐ Лесополоса
7 ☐ Поле
8 ☐ Личное транспортное средство
9 ☐ Общественный транспорт
88 ☐ Другое (уточнить) ______________________
99 ☐ Неизвестно

111. Место убийства или нанесения тяжких телесных повреждений совпадает с местом жительства жертвы?
1 ☐ Да 2 ☐ Нет 99 ☐ Неизвестно

112. Место убийства или нанесения тяжких телесных повреждений совпадает с местом работы жертвы?
1 ☐ Да 2 ☐ Нет 99 ☐ Неизвестно

113. Наличие возможных свидетелей убийства или нанесения тяжких телесных повреждений:
1 ☐ В непосредственной близости находились другие люди
2 ☐ Место было практически безлюдным
99 ☐ Неизвестно

МЕСТО ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО КОНТАКТА ПРЕСТУПНИКА С ЖЕРТВОЙ

114. Совпадают ли место первоначального контакта преступника с жертвой и место убийства или нанесения тяжких телесных повреждений?
1 ☐ Да (перейти к п. 120) 2 ☐ Нет или неизвестно

115. Вид местности первоначального контакта преступника с жертвой (выбрать только одно):
1 ☐ Сельская
2 ☐ Пригородная
3 ☐ Городская
99 ☐ Неизвестно

116. Район первоначального контакта преступника с жертвой преимущественно (выбрать только одно):
1 ☐ Деловой, промышленный или торговый
2 ☐ Аграрный
3 ☐ Жилой
4 ☐ Незаселенный или пустынный
99 ☐ Неизвестно

117. Место первоначального контакта преступника с жертвой (выбрать все соответствующие варианты):
1 ☐ Жилое помещение любого типа
2 ☐ Школа, детская площадка или поблизости от них
3 ☐ Место оживленной торговли
4 ☐ Улица населенного пункта
5 ☐ Заведение
6 ☐ Лесополоса
7 ☐ Поле
8 ☐ Личное транспортное средство
9 ☐ Общественный транспорт
88 ☐ Другое (уточнить) ______________________
99 ☐ Неизвестно

118. Первоначальный контакт преступника и жертвы по месту жительства жертвы:
1 ☐ Да 2 ☐ Нет 99 ☐ Неизвестно

119. Первоначальный контакт преступника и жертвы по месту работы жертвы:
1 ☐ Да 2 ☐ Нет 99 ☐ Неизвестно

120. Наличие возможных свидетелей первоначального контакта преступника с жертвой:
1 ☐ В непосредственной близости находились другие люди
2 ☐ Место было практически безлюдным
99 ☐ Неизвестно

ПОСЛЕДНЕЕ ИЗВЕСТНОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ЖЕРТВЫ

121. Совпадает ли последнее известное местонахождение жертвы с местом первоначального контакта преступника с жертвой?
1 ☐ Да (перейти к п. 127) 2 ☐ Нет или неизвестно

122. Вид местности последнего известного местонахождения жертвы (выбрать только одно):
1 ☐ Сельская
2 ☐ Пригородная
3 ☐ Городская
99 ☐ Неизвестно

ФОРМА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО РАПОРТА В БАЗУ ДАННЫХ ППНП

123. Район последнего известного местонахождения жертвы преимущественно (выбрать только одно):
   1 ☐ Деловой, промышленный или торговый
   2 ☐ Аграрный
   3 ☐ Жилой
   4 ☐ Незаселенный или пустынный
   99 ☐ Неизвестно

124. Последнее известное местонахождение жертвы (выбрать все соответствующие варианты):
   1 ☐ Жилое помещение любого типа
   2 ☐ Школа, детская площадка или поблизости от них
   3 ☐ Место оживленной торговли
   4 ☐ Улица населенного пункта
   5 ☐ Заведение
   6 ☐ Лесополоса
   7 ☐ Поле
   8 ☐ Личное транспортное средство
   9 ☐ Общественный транспорт
   88 ☐ Другое (уточнить) ____________________
   ____
   99 ☐ Неизвестно

125. Последнее известное местонахождение жертвы по месту ее жительства:
   1 ☐ Да   2 ☐ Нет   99 ☐ Неизвестно

126. Последнее известное местонахождение жертвы по месту ее работы:
   1 ☐ Да   2 ☐ Нет   99 ☐ Неизвестно

СОБЫТИЯ НА МЕСТЕ НАПАДЕНИЯ

127. Есть доказательства отключения преступником телефона, других электроприборов и устройств безопасности:
   1 ☐ Да   2 ☐ Нет   99 ☐ Неизвестно

128 Имущество на месте (местах) преступления разграблено, испорчено или сожжено:
   1 ☐ Да   2 ☐ Нет   99 ☐ Неизвестно

129. Есть признаки уничтожения преступником улик:
   1 ☐ Да   2 ☐ Нет   99 ☐ Неизвестно

ПРЕСТУПНИК ОСТАВИЛ НА ТЕЛЕ ЖЕРТВЫ НАДПИСИ

130. Преступник делал или вырезал надписи на теле жертвы:
   1 ☐ Да (описать) ____________________   2 ☐ Нет

131. Для письма или вырезания использовались:
   1 ☐ Нож или другой острый предмет
   2 ☐ Кровь
   3 ☐ Губная помада
   4 ☐ Пишущие принадлежности (ручка и т.п.)
   88 ☐ Иное (уточнить) ____________________
   ____

ПРЕСТУПНИК ОСТАВИЛ НА МЕСТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАДПИСИ ИЛИ РИСУНКИ

132. На месте преступления присутствуют надписи или рисунки:
   1 ☐ Да (описать) ____________________   2 ☐ Нет

133. Для надписей или рисунков на месте преступления использовались:
   1 ☐ Нож или другой острый предмет
   2 ☐ Кровь
   3 ☐ Губная помада
   4 ☐ Пишущие принадлежности (ручка и т.п.)
   88 ☐ Иное (уточнить) ____________________
   ____

МАТЕРИАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА СИМВОЛИЧЕСКИХ АКТОВ НА МЕСТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

134. Присутствие следов причудливых ритуальных актов на жертве или поблизости от нее (например, испражнения и т.д.):
   1 ☐ Да (описать) ____________________
   ____
   2 ☐ Нет
   99 ☐ Неизвестно

СООБЩЕНИЯ ПРЕСТУПНИКА

К п. 135 относятся сообщения в связи с преступлением, сделанные преступником по его инициативе. Это могут быть, например: письмо или магнитофонная запись с принятием на себя ответственности за преступление, направленные в полицию или в СМИ; письмо с требованием выкупа; или подозрительные сообщения, полученные жертвой незадолго до преступления. (К данному пункту не относятся разговоры преступника с жертвой в ходе совершения преступления.)

135. Сообщал ли что-либо преступник до или после преступления?
 1 ☐ Да (приложить копию сообщения или его краткое содержание)
 2 ☐ Нет
 99 ☐ Неизвестно

VII. СОСТОЯНИЕ ТРУПА ЖЕРТВЫ НА МОМЕНТ ОБНАРУЖЕНИЯ

РАСПОЛОЖЕНИЕ ТРУПА

136. Есть основания полагать, что преступник переместил труп с места причинения смерти к месту обнаружения:
 1 ☐ Да
 2 ☐ Нет
 3 ☐ Невозможно определить

137. Свидетельства указывают, что преступник избавился от тела следующим образом:
 1 ☐ Оставил на открытом месте или каким-то иным образом, обеспечивающим обнаружение
 2 ☐ Замаскировал, спрятал или принял какие-то иные меры, мешающие обнаружению
 3 ☐ Явно не беспокоясь, обнаружат труп или нет
 4 ☐ Невозможно определить

138. После наступления смерти трупу жертвы было намеренно придано неестественное или необычное положение (т.е. налицо инсценировочный или постановочный элемент):
 1 ☐ Да
 2 ☐ Нет
 3 ☐ Невозможно определить

139. Труп был обнаружен:
 1 ☐ Захороненным
 2 ☐ Накрытым
 3 ☐ В водоеме (ручье, озере, реке и т.п.)
 4 ☐ В здании
 5 ☐ В емкости (напр., мусорном баке, холодильной камере)
 6 ☐ В транспортном средстве
 7 ☐ Разбросанным (отдельными частями тела)
 8 ☐ Ничего из вышеуказанного

140. Если труп был обнаружен в воде, имелся ли при нем балласт?
 1 ☐ Да (уточнить) ____________________
 2 ☐ Нет

СРЕДСТВА УСМИРЕНИЯ ЖЕРТВЫ

141. Была ли жертва связана?
 1 ☐ Да
 2 ☐ Нет (перейти к п. 146)

142. Предметы, использованные для связывания или фиксации жертвы или трупа:
 1 ☐ Элемент одежды
 2 ☐ Клейкая лента
 3 ☐ Такелажные изделия (трос, веревка, бечевка, шнур, кожаный ремешок и т.п.)
 4 ☐ Цепь
 5 ☐ Наручники и их разновидности
 88 ☐ Иное (уточнить) ____________________
 ____

143. Свидетельства указывают, что средство (средства) усмирения:
 1 ☐ Было доставлено на место преступником
 2 ☐ Найдено преступником на месте
 3 ☐ И (1), и (2)
 99 ☐ Неизвестно

144. Способы связывания (указать все соответствующие варианты):
 1 ☐ Запястья или руки
 2 ☐ Ступни, щиколотки или ноги
 3 ☐ Шея
 4 ☐ Руки привязаны к туловищу
 5 ☐ Запястья связаны с щиколотками
 88 ☐ Иное (уточнить) ____________________
 ____
 ____

145. Избыточное связывание (намного превышающее необходимое для контроля над жертвой):
1 ☐ Да   2 ☐ Нет   3 ☐ Невозможно определить
146. Тело было привязано к другому объекту:
1 ☐ Да   2 ☐ Нет
147. Находился ли во рту жертвы кляп?
1 ☐ Да (описать) ____________   2 ☐ Нет
____________   99 ☐ Неизвестно
____
148. Была ли размещена на глазах или над глазами жертвы повязка?
1 ☐ Да (описать) ____________   2 ☐ Нет
____________   99 ☐ Неизвестно
____
149. Было ли лицо жертвы полностью закрыто:
1 ☐ Да (описать) ____________   2 ☐ Нет
____________   99 ☐ Неизвестно
____

ОДЕЖДА И ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ ЖЕРТВЫ

150. Состояние одежды жертвы на момент обнаружения:
1 ☐ Полностью одета   88 ☐ Иное (уточнить) ____________
2 ☐ Частично раздета   ____________
3 ☐ Полностью обнажена   ____________
151. Есть свидетельства того, что преступник раздел, а потом вновь одел жертву:
1 ☐ Да (описать) ____________   2 ☐ Нет
____________   3 ☐ Невозможно определить
____
152. Есть свидетельства того, что одежду на жертве разрывали полностью или частично:
1 ☐ Да (описать) ____________   2 ☐ Нет
____________   3 ☐ Невозможно определить
____
153. Есть свидетельства того, что одежду срезали с тела жертвы:
1 ☐ Да (описать) ____________   2 ☐ Нет
____________   3 ☐ Невозможно определить
____
154. Отдельные предметы одежды жертвы отсутствовали на месте обнаружения трупа:
1 ☐ Да (описать) ____________   2 ☐ Нет
____________   99 ☐ Неизвестно
____
155. Одежда жертвы, найденная на месте обнаружения (не на теле), была:
1 ☐ Аккуратно сложена   3 ☐ Спрятана
2 ☐ Разбросана   4 ☐ Неприменимо к данному случаю
156. Данные расследования дают основание предположить, что преступник забрал с собой мелкие личные вещи жертвы (кроме предметов одежды), как ценные, так и неценные (напр., фотографии, водительские права, ювелирные украшения, бижутерию, и т.п.):
1 ☐ Да (описать) ____________   2 ☐ Нет
____________   99 ☐ Неизвестно
____

VIII. ПРИЧИНА СМЕРТИ И/ИЛИ НАНЕСЕННЫЕ УВЕЧЬЯ

ПРИЧИНА СМЕРТИ

Если жертва выжила, перейти к п. 158

157. Причина смерти, официально указанная судмедэкспертом или коронером:

1 ☐ Огнестрельное (-ые) ранение (-я)
2 ☐ Колотая (-ые) рана (-ы)
3 ☐ Резаная (-ые) рана (-ы)
4 ☐ Удар тупым предметом
5 ☐ Странгуляция — руками, удавкой, не определено (обвести одно)
6 ☐ Удушение
7 ☐ Закупорка дыхательных путей — внутренняя
8 ☐ Сдавливание торса
9 ☐ Повешение
10 ☐ Утопление
11 ☐ Ожоги — огневые
12 ☐ Ожоги — химические
13 ☐ Ожоги — кипятком
14 ☐ Переохлаждение
15 ☐ Голод или обезвоживание
16 ☐ Поражение электрическим током
17 ☐ Компрессионная травма
18 ☐ Травмы при взрыве
19 ☐ Не определено
88 ☐ Иное (уточнить) ____________________

____

ТРАВМЫ

158. Обширно травмированные области (указать все соответствующие):

1 ☐ Голова/лицо/шея
2 ☐ Руки/ладони
3 ☐ Торс
4 ☐ Ноги/стопы
5 ☐ Грудь (груди)
6 ☐ Ягодицы
7 ☐ Гениталии
8 ☐ Анус
88 ☐ Иное (уточнить) ____________________

____

99 ☐ Невозможно определить

159. Степень тяжести увечий, нанесенных тупым предметом:

1 ☐ Отсутствуют
2 ☐ Минимальная (незначительные ушибы, возможно, от пощечин преступника с целью установления контроля над жертвой)
3 ☐ Умеренно тяжелые (причинение увечий, не приводящих к смертельному исходу)
4 ☐ Тяжелые (причинение увечий, способных повлечь смертельный исход, вне зависимости, повлекли они таковой или нет)
5 ☐ Крайне тяжелые (причинение избыточных для причинения смерти увечий, чрезмерная степень насилия)

160. Примерное количество колотых ран ____________________
161. Примерное количество резаных ран ____________________
162. Количество входных отверстий огнестрельных ранений ____________________
163. Расстояние стрельбы:

1 ☐ Неприменимо в данном случае
2 ☐ Далекое (точечные следы пороха вокруг огнестрельной раны отсутствуют)
3 ☐ Среднее (имеются точечные следы пороха вокруг огнестрельной раны)
4 ☐ Близкое (имеется пороховой нагар/внедрение частиц пороха в кожу)
5 ☐ В упор

СЛЕДЫ УКУСОВ НА ТЕЛЕ ЖЕРТВЫ

164. Наличие укусов на теле жертвы:

1 ☐ Да
2 ☐ Нет (перейти к п. 166)

165. Места укусов:
1 ☐ Лицо
2 ☐ Шея
3 ☐ Живот
4 ☐ Грудь (груди)
5 ☐ Ягодицы
6 ☐ Пах
7 ☐ Гениталии
8 ☐ Бедра
88 ☐ Иное (уточнить) ____________________

ЭЛЕМЕНТЫ ПЫТОК И АНОМАЛЬНОЙ АГРЕССИИ

166. Есть основания полагать, что преступник обезобразил труп с целью помешать идентификации жертвы (сжег тело, отрезал и забрал руки, ноги, голову и т.п.):
1 ☐ Да
2 ☐ Нет

167. Элементы необычного или аномального в нападении на жертву:
1 ☐ Отсутствуют
2 ☐ Жертву пороли
3 ☐ Жертву клеймили
4 ☐ Жертву переезжали транспортным средством
5 ☐ Признаки каннибализма/вампиризма
6 ☐ Преступник исследовал, ощупывал или изувечивал полости или полости ран жертвы
88 ☐ Иное (уточнить) ____________________

168. Части тела, удаленные преступником:
1 ☐ Нет (перейти к п. 170)
2 ☐ Голова
3 ☐ Скальп
4 ☐ Лицо
5 ☐ Зубы
6 ☐ Глаз (глаза)
7 ☐ Ухо (уши)
8 ☐ Нос
9 ☐ Кисти руки
10 ☐ Рука (руки)
11 ☐ Нога (ноги)
12 ☐ Грудь (груди)
13 ☐ Сосок (соски)
14 ☐ Анус
15 ☐ Гениталии
16 ☐ Внутренние органы
88 ☐ Иное (уточнить) ____________________

169. Способ расчленения:
1 ☐ Откусывание
2 ☐ Отрезание — умелое/хирургическое
3 ☐ Отрезание — неумелое/грубое
4 ☐ Обрубание/разрубание
5 ☐ Отпиливание
88 ☐ Иное (уточнить) ____________________

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

170. Есть ли свидетельства посягательства на половые органы или полости тела жертвы?
1 ☐ Да
2 ☐ Нет (перейти к п. 178)
3 ☐ Невозможно определить

171. Вид сексуального насилия или покушения на него (указать все подходящие варианты):
1 ☐ Вагинальное
2 ☐ Анальное
3 ☐ Преступник принудил жертву к оральному сексу с ним
4 ☐ Преступник занимался оральным сексом с жертвой
88 ☐ Иное (уточнить) ____________________
99 ☐ Невозможно определить

172. Наличие спермы в полостях тела жертвы:
1 ☐ Нет
2 ☐ Во влагалище
3 ☐ В анусе
4 ☐ Во рту
5 ☐ Невозможно определить

173. Свидетельства других эякуляций:
1 ☐ Нет
2 ☐ На тело жертвы
3 ☐ Где-то еще на месте преступления
4 ☐ Невозможно определить

174. Есть ли свидетельства посмертного сексуального посягательства:
1 ☐ Да
2 ☐ Нет
3 ☐ Невозможно определить

175. Есть ли свидетельства сексуально окрашенного введения инородных предметов (не пениса) в тело жертвы:
1 ☐ Да
2 ☐ Нет (перейти к п. 178)

176. Присутствовали ли введенные в тело жертвы с сексуальными целями инородные предметы (напр., камни, ветки, нож, предметы одежды) на момент его обнаружения?
1 ☐ Влагалище (предмет) ____________
2 ☐ Пенис (предмет) ____________
3 ☐ Анус (предмет) ____________
4 ☐ Рот (предмет) ____________
88 ☐ Иное (предмет) ____________

177. Есть свидетельства сексуально окрашенного введения инородных предметов (не пениса) в тело жертвы, но на момент обнаружения в теле их не было:
1 ☐ Да — ____________ в ____________
(описание предмета) *(полость тела)*
2 ☐ Нет
3 ☐ Невозможно определить

IX. ДАННЫЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

ОРУЖИЕ

178. Вид оружия, использованного преступником при нападении:
1 ☐ Не применялось
2 ☐ Огнестрельное
3 ☐ Колющее или режущее
4 ☐ Палка или дубинка
5 ☐ Удавка
6 ☐ Руки или ноги
88 ☐ Другой вид оружия (указать) ____________

179. Оружие, использованное преступником при нападении:
1 ☐ Случайное (найдено преступником на месте или поблизости)
2 ☐ Заранее выбранное и принесенное на место
3 ☐ И (1), и (2)
99 ☐ Неизвестно

180. Оружие, использованное при нападении, обнаружено:
1 ☐ Не обнаружено
2 ☐ На месте
3 ☐ Обнаружено где-то еще (уточнить): ____________

181. Вид примененного огнестрельного оружия:
1 ☐ Ручное
2 ☐ Нарезное
3 ☐ Гладкоствольное
88 ☐ Иное (уточнить) ____________
99 ☐ Неизвестно

182. Калибр примененного огнестрельного оружия ____________

183. Характеристики пуль, найденных на месте: ____________

184. Размеры использованной дроби, найденной на месте: ____________

КРОВЬ

185. Группа крови преступника:
1 ☐ Первая
2 ☐ Вторая
3 ☐ Третья
4 ☐ Четвертая
99 ☐ Неизвестно

186. Резус-фактор крови преступника:
1 ☐ Положительный
2 ☐ Отрицательный
3 ☐ Неизвестно

Примечания

Глава 1

Athens, L.H. *Violent criminal acts and actors.* Cambridge, Mass.: Routledge and Kegan Paul, 1980.

Attick, R.D. *Victorian studies in scarlet.* New York: W.W. Norton, 1970.

Becker, J.V., and Abel, G.G. Men and the victimization of women. In J.R.Chapman and M.R. Gates (eds), *Victimization of women.* Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1978.

Bootzin, R.R., and Acocella, J.R. *Abnormal psychology: current perspectives.* 3d ed. New York: Random House, 1980.

Brittain, R.P. The sadistic murderer. *Medical Science and the Law,* 1970, *10:*198–207.

Bromberg, W., and Coyle, E. Rape! A compusion to destroy. *Medical Insight,* 1974, April, 21–22, 24–25.

Brownmiller, S. *Against our will: men, women and rape.* New York: Simon and Schuster, 1975.

Brussel, J. A. *Casebook of a Crime Psychiatrist.* New York: Bernard Geis, 1968.

Buchanan, J. *Society and homicide in 13th century England.* Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1977.

Casey-Owens, M. The anonymous letter-writer — a psychological profile? *Journal of Forensic Sciences,* 1984, 29:816–19.

Cohen, M.L., Garofalo, R.F., Boucher, R., and Seghorn, T. The psychology of rapists. *Seminars in Psychiatry,* 1971, 3:307–27.

Constantino, J.P., Kuller, L.H., Perper, J.A., and Cypress, R.H. An epidemiologic study of homicides in Allegheny County, Pennsylvania. *American Journal of Epidemiology,*1977, 106:314–24.

Cormier, B.S., and Simons, S.P. The problem of the dangerous sexual offender. *Canadian Psychiatric Association,* 1969, 14:329–34.

Federal Bureau of Investigation. Internal memorandum from Howard Teten to William H.Webster, 1981

Frazier, S.H. Murder—single and multiple aggression. *Aggression,* 1974, 52:304–12.

Geberth, V.J. Psychological profiling. *Law and Order,* 1981, 46–49.

Groth, A.N., and Burgess, A.W. Sexual dysfunction during rape. *New England Journal of Medicine,* 1977, *297:764–66.*

Groth, A.N., Burgess, A.W., and Holmstrom, L.L. Rape: power, anger and sexuality. *American Journal of Psychiatry,* 1977, 134:1239–43.

Guttmacher, M . *The mind of the murderer.* New York: Arno Press, 1973.

Guttmacher, M.S., and Weihofen, H. *Psychiatry and the law.* New York: Norton, 1952.

Hazel wood, R.R. The behavior oriented interview of rape victims: the key to profiling. *FBI Law Enforcement Bulletin,* 1983.

Heymann, P.B., and Kenety, W.H. *The murder trial of Wilber Jackson: a homicide in the family.* 2d ed. St. Paul, Minn.: West Publishing Co., 1985.

Jacobs, P.A., Brunton, M. , and Melville, M.M. Aggressive behavior, mental subnormality and the XYY male. *Nature,* 1965, 208:1351–52.

Kahn, M.W. Murderers who plead insanity: A descriptive factor-analytic study of personality, social and history variables. *Genetic Psychology Monographs,* 1971, *84.*

Keyes, E. *The Michigan Murders.* New York: Pocket Books, 1976.

Lewis, D.O., Pincus, J.H., Feldman, M., Jackson, L., and Bard, B. Psychiatric, neurological, and psychoeducational characteristics of 15 death row inmates in United States. *American Journal of Psychiatry,* 1986 143:838–45.

Lunde, D.T. *Murder and madness.* San Francisco: San Francisco Book Co., 1976.

MacDonald, J.M. *Rape offenders and their victims.* Springfield, 111.: Charles C. Thomas, 1971.

Megargee, E. Undercontrolled and overcontrolled personality types in extreme antisocial aggression. *Psychological Monographs, General and Applied,* 1966, #0:1–29.

Megargee, E., and Bohn, M.J., Jr. *Classifying criminal offenders.* Beverly Hills: Sage Publications, 1979.

Mendelsohn, B. The origin of the doctrine of victimology. *Excerpta Criminologica,* 1963, 3:239–44.

Miron, M.S., and Douglas, J.E. Threat analysis: the psycholinguistic approach. *FBI Law Enforcement Bulletin,* 1979, 49:5–9.

Morrison, H.L. Mass murderers: patterns of behavior and developmental deviations. Paper presented at the American Academy of Psychiatry and the Law, San Diego, Fall 1981.

Palmer, S. *A study of murder.* New York: Thomas Crowell, 1960.

Perdue, W.C., and Lester, D. Temperamentally suited to kill: the personality of murderers. *Corrective and Social Psychiatry,* 1974, 20:13–15.

Podolsky, E. Sexual violence. *Medical Digest,* 1966, 34:60–63.

Prentky, R.A., Burgess, A.W., and Carter, D.L. Victim responses by rapist type: an empirical and clinical analysis. *Journal of Interpersonal Violence,\9%6,* i:73–98.

Rada, R.T. Psychological factors in rapist behavior. In R.T. Rada (ed.), *Clinical aspects of the rapist.* New York: Grune & Stratton, 1978.

Reiser, M. Crime-specific psychological consultation. *The Police Chief,* 1982, 53–56.

Ressler, R.K., Douglas, J.E., Groth, A.N., and Burgess, A.W. Offender profiling: a multidisciplinary approach. *FBI Law Enforcement Bulletin,* 1980, 49:16–20.

Ressler, R.K. (ed.) Violent crimes. *FBI Law Enforcement Bulletin,* 1985,*54:*1–31.

Revitch, E. Sex murder and the potential sex murderer. *Diseases of the Nervous System,* 1965, 26:640–48.

Rider, A.O. The firesetter: a psychological profile, part 1. *FBI Law Enforcement Bulletin,* 1980, 49:1–23.

Rizzo, N.D. Murder in Boston: killers and their victims. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology,* 1982.

Rossi, D. Crime scene behavioral analysis: another tool for the law enforcement investigator. *The Police Chief,* 1982: 152–55.

Rushforth, N.B., Ford, A.B., Hirsch, C.S., Rushforth, N.M., and Adelson, L. Violent death in a metropolitan county: changing patterns in homicide (1958–74). *New England Journal of Medicine,* 1977, 274:53–58.

Samenow, S.E. *Inside the criminal mind.* New York: Time Books, 1984.

Schafer, S. *The victim and his criminal.* New York: Random House, 1968.

Schreiber, F.R. *The Shoemaker.* New York: Simon and Schuster, 1983.

Scully, D., and Marolla, J. “Riding the bull at Gilley”: convicted rapists describe the rewards of rape. *Social Problems,* 1985, 32:251–63.

Simon, R.E. Type A, AB, B murderers. *Bulletin of the American Academy of Psychiatry and the Law,* 1977, 5:344–62.

Strauss, M.A., and Baron, L. *Sexual stratification, pornography, and rape.* Durham, N.H.: Family Research Laboratory, University of New Hampshire, 1983.

Tanay, E. Psychiatric aspects of homicide prevention. *American Journal of Psychiatry,* 1972, *128:49–52.*

U.S. Department of Justice. *Uniform Crime Reports.* Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1986.

von Hentig, H. *The criminal and his victim.* New Haven, Conn.: Yale University Press, 1948.

Vorpagel, R.E. Painting psychological profiles: charlatanism, charisma, or a new science? *The Police Chief,* 1982:156–59.

Wille, W. *Citizens who commit murder.* St. Louis: Warren Greene, 1974.

Willmer, M . *Crime and information theory.* Edinburgh: University of Edinburgh, 1970.

Wolfgang, M.E. *Patterns of homicide.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1958.

Wolfgang, M.E., and Ferracuti, F. *The subculture of violence: towards an integrated theory in criminology.* 2d ed. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1982.

Yochelson, S., and Samenow, S.E. *The criminal personality: the change process.* New York: Jason Aronson, 1976.

Коллинз У. Лунный камень. М: Азбука, 2016

Глава 2

Hirschi, T. *Causes of Delinquency.* Los Angeles: University of California Press, 1969.

Pynoos, R.S., and Eth, S. Children traumatized by witnessing acts of personal violence: Homicide, rape, or suicidal behavior. In S. Eth and R.S. Pynoos (eds.)

Post-Traumatic Stress Disorders in Children. Washington, D.C.: American Psychiatric Press, 1985, 17–44.

Глава 3

Beck, A.T. *Cognitive Therapy and Emotional Disorders.* New York: Universities International Press, 1976.

Beres, D. Perception, imagination and reality. *International Journal of Psychoanalysis,*1961, 41:327–334.

Brittain, R.P. The sadistic murderer. *Medical Science and the Law,* 1970, 10:198–207.

Gardner, H: *The Mind's New Science,* New York: Basic Books, 1985.

MacCulloch, M.J., Snowden, P.R., Wood, P.J.W., and Mills, H.E. Sadistic fantasy, sadistic behaviors and offending. *British Journal of Psychiatry,* 1983, *143,* 20–29.

Reinhardt, J.M. Sex perversions and sex crimes: a psychocultural examination of the causes, nature and criminal manifestations of sex perversions. *Police Science Series.*

Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1975.

Ressler, R.K. et al. FBI Law Enforcement Bulletin, 1985, 54:13.

Revitch, E. Sex murderer and the potential sex murderer. *Disease Nervous System,*1965, 26:640–648.

Revitch, E. Gynocide and unprovoked attacks on women. *Correctional and Social Psychiatry,* 1980, 26:6–11.

Schlesinger, L.B., and Revitch, E. The criminal fantasy technique: A comparison of sex offenders and substance abusers. *Journal of Clinical Psychology,* 37:210–218, 1980.

Singer, J.L. *Daydreaming.* New York: Random House, 1966.

West, D.J., Roy, C., and Nicholas, F.L. *Understanding sexual attacks.* London: Heinemann, 1978.

Глава 4

Brittain, R.P. The sadistic murderer. *Medical Science and the Law,* 1970, 10:98–207.

Hazelwood, R.R., and Douglas, J.E. The lust murderer. *FBI Law Enforcement Bulletin, April 1980,* 18–22.

Rada, R.T. *Clinical Aspects of the Rapist,* New York: Grune and Stratton, Inc., 1978.

Samenow, S.E. *Inside the Criminal Mind,* New York Times Books, 1984

Глава 6

Axline, V. M. *Playtherapy.* New York: Ballantine Books, Inc., 1969.

Burgess, A.W. and Holmstrom, L.L. Rape trauma syndrome. *American journal of Psychiatry,* 1974, 131:981–986.

Burgess, A.W. and Holmstrom, L.L. *Rape: Crisis and Recovery.* Bowie, MD:Brady, 1979

Burgess, A.W. and Hartman, C.R., McCausIand, M.P., and Powers, P. Response patterns in children and adolescents exploited through sex rings and pornography. *American Journal of Psychiatry,* 1984, *141* (5), 656–662.

Burgess, A.W., Hartman, C.R., Ressler, R.K., Douglas, J.E. and McCormack, A.Sexual homicide: A motivational model. *Journal of Interpersonal Violence,* 1986, 1:251–72.

Conte, J.R. Progress in treating the sexual abuse in children. *Social Work,* 1984,258–263.

Gardner, R.A. *Therapeutic communication with children.* New York: Science House Books, 1971.

Hartman, C.R. and Burgess, A.W. The genetic roots of child sexual abuse. *Journal of Psychotherapy and the Family,* 1986, 2 (2), 83–92.

Howe, J.W., Burgess, A.W., and McCormack, A. Adolescent Runaways and their Drawings. *Arts and Psychotherapy 14,*1987: 35–40.

MacCulloch, M.J., Snowden, P.R., Wood, P.J.W., and Mills, H.E. Sadistic fantasy, sadistic behaviors and offending. *British Journal of Psychiatry,* 1983,143:20–29.

Pynoos, R.S., and Eth, S. Developmental perspective on psychic trauma in childhood. In C.R. Figley (Ed.), *Trauma and its wake.* New York: Brunner/Mazel Psychological Stress Series, 1985.

Pynoos, R.S., and Eth, S. Witness to violence: The child interview. *Journal of American Academy of Child Psychiatry,* forthcoming.

Terr, L. Children of Chowchilla: A study of psychic trauma. *Psychoanalytic Study of the Child.* 1979, 34:547–623.

Forbidden games: Post-traumatic child's play. *Journal of the American Academy of Child Psychiatry,* 1981a, 20:741–760.

Psychic trauma in children. *American Journal of Psychiatry,* 1981b, 138: 14–19.

Life attitudes, dreams and psychic trauma in a group of "normal" children, *Journal of the American Academy of Child Psychiatry,* 1983, *22:* 221–230

Глава 8

Ressler, R.K., Burgess, A.W., Douglas, J.E., and Depue, R.L. Criminal profiling research on homicide. In A.W. Burgess (ed.), *Rape and sexual assault: a research handbook* (pp. 343–349). New York: Garland, 1985.

Кристи А. Часы. М: Эксмо, 2015

Глава 11

FBI Research Design and Training Unit Study, Washington, D.C., 1978–87.

J. Liggett. *The Human Face.* New York: Stein and Day, 1974.

Burne Hogarth. *Drawing the Human Head.* New York: Watson-Guptill.

G. Davies, H . Ellis, J. Shepherd. *Perceiving and Remembering Faces.* London: Academic Press, 1981.

J. Penry. *Penry Facial Identification Techniques: News Bulletin 1975–1976.* Leeds, England: John Waddington of Kirkstall.

G. Davies, H . Ellis, J. Shepherd, *Perceiving and Remembering. FBI Research Study.*

Gordon H . Bower and Martin B. Karlin. “Depth of processing pictures of faces and recognition memory,” *Journal of Experimental Psychology,* 1974,*103* (4).

Глава 12

Amir, A . Victim precipitated forcible rape. *Journal of Criminal Law* 1967, *58:*

Burgess, A . W . Family reaction to homicide. *American Journal of Orthopsychiatry,* 1975, 45:391–98.

Fosburgh, L. Women convicted in “rape slaying,” *Los Angeles Sunday Herald Advertiser,* October 6,1974.

Meggs to try Barts again. *Tallahassee Democrat,* May 7, 1985.

Parkes, C. *Bereavement: studies of grief in adult life,* New York: International Universities Press, 1972.

Rinear, E.E. Parental response patterns to the death of a child by homicide. Unpublished doctoral dissertation, Temple University, 1984.

Глава 13

Bart, P.B., and O’Brien, P. Stopping rape: Effective avoidance strategies. *Signs:Journal of Women in Culture and Society,* 1984, *10,* 83–101.

Burgess, A.W., and Holmstrom, L.L. Coping behavior of the rape victim. *American Journal of Psychiatry,* 1976, *113:* 413–418.

Burgess, A.W., and Holmstrom, L.L. Adaptive strategies and recovery from rape.*American Journal of Psychiatry,* 1979, *136:* 1278–1282.

Chapman, J.R., and Gates, M. (Eds.) *The Victimization of Women.* Beverly Hills: Sage Publications, 1978.

Chappell, D., and Fogarty, F. *Forcible rape: A literature review and annotated bibliography.* National Institute of Law Enforcement and Criminal Justice, Law Enforcement Assistance Administration, U.S. Department of Justice. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1978.

Grayson, R., and Stein, M.I. Attracting assault: Victims' nonverbal cues. *Journal of Communication,* 1981, *31:* 68–75.

Holmstrom, L.L., and Burgess, A.W. *The Victim of Rape: Institutional Response.*New York: Wiley, 1978.

Marsh, J.C., Geist, A., and Caplan, N. *Rape and limits of law reform.* Boston: Auburn House Publishing Company, 1982.

Mclntyre, J.J. Victim response to rape: Alternative outcomes. Final Report to the National Institute of Mental Health, Grant #R01 MH29045, 1978.

McCombie, S.L. (Ed.) *The rape crisis intervention handbook: A guide for victim care.* New York: Plenum, 1980.

Russell, D.E.H., and Howell, N. The prevalence of rape in the United States revisited. *Signs: Journal of Women in Culture and Society,* 1983, 84.

Walker, M.J., and Brodsky, S.L. *Sexual assault,* Lexington, Mass. DC Heath and Co., 1976.

Warr, M. Fear of rape among urban women. *Social Problems,* 1985, *32:* 238–250

Глава 14

Prentky, R. A., Cohen, M.L., and Seghorn, T. Development of a rational taxonomy for the classification of sexual offenders: Rapists. *Bulletin of the American Academy of Psychiatry and the Law, 13,* 1985, 39–70.

Wolfgang, M.E., and Ferracuti, F. *The subculture of violence.* Beverly Hills: Sage, 1967.

Благодарности

Множество людей помогало нам в нашей работе. Выражаем признательность бывшему директору ФБР Уильяму Х. Уэбстеру и заместителю директора Джону Э. Отто за помощь на первых этапах исследовательской работы отдела бихевиористики, а также нынешнему[1] директору ФБР Уильяму С. Сешнсу за его неизменную поддержку. Хотелось бы также выразить нашу признательность Джеймсу Д. Маккензи, бывшему заместителю директора ФБР по обучению, Джеймсу У. Гринлифу, нынешнему заместителю директора ФБР по обучению, и Джеймсу Э. О'Коннору, младшему директору по обучению, за их содействие в исследовательской работе.

Мы особенно признательны за денежный грант, полученный от Министерства юстиции. Мы глубоко обязаны многим сотрудникам Министерства юстиции, в том числе директору Национального института юстиции Джеймсу К. Стюарту за изначальную поддержку нашей работы и его веру в необходимость изучения серийных убийц и бывшим руководителям отдела ювенальной юстиции и профилактики правонарушений (ОЮЮПП)[2] Альфреду Реньяри и Джеймсу Вуттену за дополнительные ассигнования на расширенный анализ значения сексуальных

---

[1] На момент написания книги в 1988 г. *(Прим. ред.)*

[2] ОЮЮПП занимается преступлениями и профилактикой преступности среди несовершеннолетних. *(Прим. науч. ред.)*

надругательств в детстве для биографии убийц. Выражаем признательность Роберту О. Хекку за его веру в концепцию криминалистического профайлинга. Спасибо сотрудникам нашего проекта: из Бостонского городского госпиталя — Альберту Дж. Беленджеру, Аллену Дж. Берджессу, Холли-Джин Чэплик, Марианн Л. Кларк, Ральфу Б. Д'Агостино, Кэрол Р. Хартман, Арлин Маккормак, Кэролайн Монтан и Карен Вулфел; из Академии ФБР — Ричарду Л. Олту-мл., Алану Э. Берджессу, Роджеру Л. Депюи, Роберту Р. Хэзлвуду, Кеннету В. Лэннингу и Синтии Дж. Лент; из Пенсильванского университета — Эллен Фуллер, Барбаре Лоури, Кристин Грант и Дениз Скала; нашему консультационному комитету — Джеймсу Л. Каваноэ-мл., Херману Чернoффу, Чарльзу Р. Фигли, Томасу Голдману, Уильяму Хаймену, Марвину Дж. Хомзи, Вэлори Дж. Лэтроп, Джойс Кемп Лэбен, Ричарду Ратнеру, Кеннету Риклеру, Айлин Э. Ринир, Джорджу М. Сэйджеру, Стэнтону Э. Сэймнау и Марвину Вольфгангу. Благодарим всех их за комментарии, предложения и самоотверженный труд. Благодарим также сотрудников Департамента исполнения наказаний из тюрем, где проводилось интервьюирование, за их помощь в исследовательской работе. Кроме того, выражаем нашу признательность множеству сотрудников ФБР, занимавшихся координацией профайлинга на местах, за большую помощь в сборе информации в тюрьмах и психиатрических больницах на всей территории США.

Благодарим за разрешение на перепечатку фрагментов наших статей следующие издания: *American Journal of Psychiatry, Behavioral Sciences and the Law, Journal of Interpersonal Violence* и *FBI Law Enforcement Bulletin.*

Об авторах

Энн Уолберт Берджесс, дипломированная медсестра, доктор медицинских наук, является профессором психиатрии Школы сестринского ухода Пенсильванского университета и заместителем директора Департамента здравоохранения и больниц Бостона, штат Массачусетс. В 1985 году она была членом спецкомиссии по семейному насилию при генеральном прокуроре США, а в 1985 году входила в состав оргкомитета Симпозиума по проблемам насилия Министерства здравоохранения США. Она является соавтором ряда книг, в том числе «Детская порнография и секс-торговля».

Дэниел Ли Картер работает врачом и координатором научных грантов в Массачусетском исправительном центре в Бриджуотере, штат Массачусетс. Он также работает научным сотрудником отдела психологии Университета Брандейса. М-р Картер на протяжении восьми лет вел программу исследований сексуальной агрессии.

Джон Э. Дуглас, магистр наук, — руководящий сотрудник ФБР, руководитель программы психологического портретирования и консультирования, включающей в себя анализ преступности. М-р Дуглас руководит группой специалистов ФБР в области профайлинга, которые осуществляют сопровождение следственных действий правоохранительных органов многих стран мира. Он внештатно преподает в Виргинском университете, Университете

Хьюстона и в Национальном колледже окружных прокуроров, а также является старшим научным сотрудником Пенсильванского университета.

Хорас Дж. Хефнер пришел в ФБР в 1945 году и около пяти лет проработал технологом в лаборатории отпечатков пальцев. По окончании Школы искусств и рекламы в Вашингтоне он был принят на работу в отдел картографии ФБР, где участвовал в самых первых исследованиях, посвященных проектированию и использованию моделей улик в судебном процессе. В настоящее время м-р Хефнер работает руководителем отдела спецпроектов Лабораторного подразделения штаб-квартиры ФБР.

Джеймс Л. Льюк, доктор медицинских наук, учился в Йельском и Колумбийском университетах, а также на медицинском факультете Западного резервного университета Кейза. Он прошел курсы обучения патологоанатомии в больнице Йельского университета в Нью-Хейвене и в больнице Кливлендского университета. Он окончил курсы судмедэкспертов при Службе главного судмедэксперта Нью-Йорка (1965–1967) и работал главным судмедэкспертом штата Оклахома (1967–1971) и Вашингтона (1971–1983). В настоящее время он является главным судмедэкспертом штата Коннектикут. С 1984 года м-р Льюк консультирует отдел бихевиористики ФБР по вопросам судебной патологанатомии.

Роберт Алан Прентки, кандидат наук, — директор отдела исследований Массачусетского исправительного центра в Бриджуотере, штат Массачусетс. Он также является доцентом медицинского факультета Бостонского университета и научным сотрудником отдела психологии Университета Брандейса. М-р Прентки на протяжении восьми лет вел программу исследований сексуальной агрессии.

ОБ АВТОРАХ

Роберт К. Ресслер, магистр наук, — руководящий сотрудник ФБР, где он работает на протяжении восемнадцати лет. С 1974 года он работал преподавателем и криминологом в Академии ФБР в Куантико, штат Вирджиния. Он является членом ученого совета Академии ФБР от отдела бихевиористики, а также внештатным преподавателем Виргинского и Мичиганского университетов и старшим научным сотрудником Пенсильванского университета. До прихода в ФБР он десять лет прослужил в военной полиции и органах следствия армии США и в настоящее время является полковником запаса. М-р Ресслер неоднократно выступал экспертом на судебных процессах по уголовным делам. Темами его лекций и консультаций являются переговоры об освобождении заложников, криминология, аномальная криминальная психология и психологический портрет преступника. Он стоял у истоков формирования метода профайлинга и создания Национального центра анализа насильственных преступлений. Он сформировал научные и образовательные направления деятельности НЦАНП и в данный момент является менеджером Программы предупреждения насильственных преступлений (ППНП). Спецагент ФБР Ресслер инициировал создание и руководил проектом исследования преступной личности, заложившим основы для научных работ, которые сделали возможным написание этой книги.

Издание для досуга

Дуглас Джон, Берджес Энн, Ресслер Роберт К.

СЕКСУАЛЬНЫЕ МАНЬЯКИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ И МОТИВЫ

Главный редактор *Р. Фасхутдинов.* Руководитель направления *Л. Ошеверова*
Ответственный редактор *А. Парлашкевич.* Младший редактор *А. Подошвина*
Художественный редактор *О. Сапожникова*. Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *А. Москаленко.* Корректоры *М. Колесникова, А. Будаева*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
showcake, oasisamuel, Baaba, kurhan, 32 pixels / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы
ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1, этаж 20, каб. 2013.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы,
123308, Ресей, қала Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй, 1 ғимарат, 20 қабат, офис 2013 ж.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.
Тауар белгісі: «Эксмо»
Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-магазин : www.book24.kz
Интернет-дүкен : www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию,
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»
www.eksmo.ru/certification
Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 08.04.2021. Формат 60x90 1/16.
Гарнитура «CharterC». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,0.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-04-116455-3

